

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet DK4. S276.085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

И

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

Verba asini profecto et vitam impendere curam

ЖУРНАЛ IV.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. ДРЕКСЛЕРА

Digitized by Google

5646.

1 8 1 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерствъ Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Августа 10 дня 1815 года.

***Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
И. в. Тилковскій.***

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А. 1815. № XXXIII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА.

I.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ Лондонѣ считается 10 театровъ: 1) *Итальянская опера.* 2) *Дрюлленб.* 3) *Ковен-гарденб.* 4) *Циркб.* 5) *Водяной театр* (Sadley's Wells.) 6) *Пантеонб.* 7) *Геймаркетской.* 8) *Санб-Парель.* 9) *Павильонб* и 10) *Амфитатрб.*

Первые три театра дають прочимъ позволеніе, когда бышь имъ открытыми. Позволеніе сіе обыкновенно получають они въ разныя времена года.

1) *Итальянская опера*, съ самаго основанія своего до сего времени, поддерживается съ одинакимъ блескомъ и въ одинакихъ правилахъ. Чрезвычайная плаша и ошлчїе въ публикѣ привлекаешъ сюда знаменитѣйшихъ аршцшовъ изо всей Европы. *Рубинелли, Мара, Гатоллини, Крещетини, Грассини, Тра-*

мэзани, Селлигтонъ и наконецъ — *Каталаия*, сія несравненная пѣвица, сей фениксъ въ природѣ, попеременно украшали сцену Итальянской Лондонской оперы.

Сцена и зала сего театра весьма просторны и почти вдвое обширнѣе другихъ театровъ въ Лондонѣ. Въ партеръ могутъ весьма свободно помѣститься до 900 особъ, а ложи въ чешыре яруса, кромѣ райка. Театръ сей содержишься не на помѣ основаніи, на кошоромъ заведены другіе Англіійскіе театры, то есть, въ немъ, какъ и въ другихъ Европейскихъ земляхъ, въ ложи никто не имѣеть права входить кромѣ пѣхъ, кои наняли ихъ, и на всякую ложу можно абонировашься на годъ. Дабы удалить шумную, безпокойную чернь и наглоспи жриць одной языческой Богини, положена чрезвычайная плаша за входъ и никого изъ мущинъ не впускающъ въ сапогахъ и круглой шляпъ, даже въ партеръ, а женщины должны бышь одѣты по праздничному, въ бѣломъ платьѣ и съ перьями на головѣ. Признаюсь, я часто ходилъ въ оперу, чшобъ смозрѣшь на зрителей, и въ самомъ

дѣль ничшо не можешъ бышь величеспвеннѣ и великолѣннѣ зрѣлица, когда, при появленіи Королевской фамили, музыка начинаешъ играшь: *God save the King!* и всѣ вспаюшъ съ мѣшъ своихъ. Красота и свѣжесъ лицъ споршъ съ блестящею бѣлизною одеждъ, русыми локонами женщинъ и колеблющими ся перьями, кощорыя перебраны жемчужныи и алмазными нитками. Эшо зрѣлице въ одной шолько Англїи, или лучше сказашъ, здѣсь шолько можно видѣшь.

Балеты и костюмы ни мало не опвѣчаюшъ достоинству оркестра, соснавленнаго изъ искусныхъ виршуозовъ. Хошя первыи лица балета шакже знаменишыи шанцовщики, но они ни сколько не поддерживаюшся другими. Англичане и Англичанки совсѣмъ не имѣюшъ способности къ шанцамъ и прыжкамъ. Теперъ первымъ балетчикомъ въ Итальянской оперѣ молодой *Вестрисъ*, прекрасный собою и опмѣнно ловкій мущина, но не великаго достоинства шанцовщикъ, а первую шанцовщицею *Анжіолини*, которая имѣешъ много припности и искусства. Но большимъ блескомъ

своими балетъ здѣшній обязанъ Дидло и его цоварищамъ, выѣхавшимъ изъ Россіи. Онъ забавляешъ Лондонскую публику прекрасными балетами своего сочиненія, въ кои входящъ разныя Россійскія забавы и пляски, какъ-то: *катанье съ горъ, хороводы, катели, засиванье вѣжковъ* и проч. Зрѣлища сіи, какъ по новостн своей, шакъ и по прелеснымъ картинамъ, весьма нравятся Англійской публикѣ и всякой разъ привлекающъ большое спеченіе зрителей.

Театръ сей открываешся для модной Лондонской публики съ Марша мѣсяца до Сентября и далѣе. Надобно замѣнить, что у сей публики, нравы, обычаи и правила совершенно отличны не только отъ господствующихъ въ другихъ Европейскихъ Государствахъ, но и отъ оспальной части Англии. У нихъ зима превращаешся въ лѣто, лѣто въ зиму, день въ ночь, а ночь въ день: въ Декабръ и Январь они вѣздящъ въ деревни свои — наслаждашся сельскою природою, а въ Іюнь и Іюль дающъ балы въ Лондонѣ. Занавѣсъ въ оперѣ поднимаетсѣ не прежде 9 ча-

совъ, дабы дать время зрителямъ окончивъ
объденный столъ свой.

а) *Дрюлленской театр* есть самый
древній изъ Лондонскихъ театровъ. По
кончинъ *Гаррика*, сего Англійскаго Росція,
кошорый на сценъ *Дрюллена* удивлялъ
вселенную своими превосходными таланща-
ми, *трагедія* и *комедія* весьма упали.
Ковенгарденъ взялъ въ семь преимущесть,
но за шо *Англійскія оперы* и *фарсы*, кои
здѣсь называются *entertainments*, предсав-
ляющія съ большимъ успѣхомъ и велико-
лѣпиемъ. Построеніе театра сего послѣ
пожара, случившагося въ 1808 году, стоишь
150,000 ф. с. (3,000,000 руб.) Внушительность
его расположена совершенно во вкусъ Гре-
ческаго театра и богато украшена золо-
томъ по зеленому полю съ малиновою дра-
пировкою. Двѣ мраморныя колонны, предъ-
коими поставлено по великолѣпному Эпзрур-
скому преножнику, отдѣляютъ сцену отъ
зала. Англійская публика любить не только
ясно видѣть, но и бытъ сколько же ве-
димою, и потому великое число богатыхъ

ланпъ ослабляетъ зрѣніе. Больше 2200 особъ могутъ здѣсь помѣститься.

Г. Брегамъ и *Мисъ Стивенсъ* имѣютъ голоса и талантъ для оперы, производимые спользіями, и служатъ лучшимъ украшеніемъ *Дрюмлена*. Грубый Англійской языкъ дѣлается въ ихъ ушахъ гармоніею пріятною, очаровательною.

Любимая *Брегамова* арія это, долго отдавалась въ ушахъ моихъ и сердецъ. Въ дремучемъ лѣсу онъ произноситъ имя своей любезной, и это повторяетъ его нѣсколько разъ. Сія постепенно удаляющіяся отголоски представляютъ высшую степень совершенства управляешь своимъ голосомъ, и производяшь глубокія впечатлѣнія въ души.

Мисъ Стивенсъ, обладая прекраснымъ, чистымъ и пріятнымъ голосомъ — прелестьна какъ *Грація*. Не сомнѣваюсь, что она вскорѣ промѣняетъ дряхлаю *Талію* на какого нибудь бѣлокурого молодого *Лорда*, ибо въ *Лондонѣ* обыкновенно актрисы ея достигнущь скоро изъ мишурныхъ порфиръ —

Графскія мантіи, и какъ кометы, пропадаюшь со сцены шумнаго свѣша.

Прошлою зимою очень часто давали на здѣшнемъ театръ Рускую оперу *Нарѣнскій или дорога въ Ярославль*.

Имя Руской оперы, разбойничья шайка и два, шри козака привлекали въ каждое представленіе великое множество зришелей. Піеса сія ссоставлена изъ вводныхъ приключеній, безъ связи и нипи, случившихся въ Россіи, но передѣланныхъ на Англійскій вкусъ. На сцену выведены: любовникъ и любовница, попавшіеся въ руки разбойниковъ и освобожденные молодымъ рекрутомъ Алексѣемъ, копорый пошелъ волею въ солдаты вмѣсто брата своего, хищрая цыганка и ямщикъ Аванасій, скопированный съ *Филатки*. Музыка прекрасна; арія *эхо* и шерцель между Алексѣемъ и двумя любовницами восхищительны. Впрочемъ, кромѣ сихъ шрехъ лицъ и Аванасья, косцюмы соблюдены весьма худо. Напримѣръ, старосша Руской деревни представлень въ парикъ и кафшанъ Нѣмецкаго бургомистра. Кажется, Англійскіе разбойники зашли въ Ярославль; даже самыя

декораціи, которыя впрочемъ написаны ма-
сперски, представляють смѣшное соедине-
ніе правды съ небылицею. Напримѣръ, со-
сна растетъ подлѣ крестьянской избы съ
пальмою и проч. Проспительно ошибаю-
ся въ иностранномъ костюмѣ, но не пони-
маю, какъ можно столь грубо проспунишь-
ся въ приличности, заспавивъ дочь По-
ковника путешествовать изъ Москвы въ
Ярославль въ бѣломъ апласномъ плащѣ, съ
длиннымъ хвостомъ, съ перьями на головѣ,
въ брильянсахъ и съ открытою грудью! —
Руская пляска и группы крестьянъ
въ рубашкахъ, а крестьянокъ въ сара-
фанахъ меня ушѣшили. Прекрасная *Мисъ*
Смитъ въ повязкѣ была хороша какъ Ку-
пидонъ, и прекрасными шѣлодвиженіями своими
вѣсхишила всѣхъ.

Фарсы, называемыя здѣсь *entertainments*, суть
самое пріятное и игривое соединеніе разго-
вора, пѣнія, панцовъ и паншомимъ, чрез-
вычайно любимое Англійскою публикою и
весьма хорошо здѣсь представляемое. Ве-
ликолѣпный гардеробъ, прекрасныя, разнооб-
разныя декораціи, чудесная механика, оф-

нимъ словомъ все въспрѣ устроено для увеличенія, очарованія и поддержанія до-стоинства предместовъ, которые обыкновенно для сего выбираются изъ самыхъ національныхъ и блестящихъ происшествій, какъ шо *коронованіе Ангійскаго Короля, посвященіе въ кавалеры Принца Регента, осада Гибралтара* и проч. Победы союзныхъ армій надъ Бонапартомъ доставили сему театру много прекрасныхъ представлений сего рода; изъ нихъ лучшія: *торжество при Лейпцигѣ, шествіе въ Бордо, союзники въ Парижѣ* и проч. Бонапарте играетъ вездѣ роль: его представляешь обыкновенно карло, одѣтый совершенно арлекциномъ, въ бошфоршахъ, съ длинною косою и въ высокой шреугольной шляпѣ. Не только здѣсь, но и во всѣхъ лубочныхъ театрахъ на ярманкахъ въ Англіи, Бонапарте занимаетъ важную роль для забавы черни, которая часто вызываетъ *Боньку* *) по нѣскольку разъ на сцену, заставляешь его плясать, а иногда, забывшись, что на сценѣ дурачишься ея единоземецъ,

*) Такъ называютъ Ангійскіе просполоудимы великаго Наполеона.

а не самъ шунъ Бонапарше — подтуеши его гнилыми апельсинами, яблоками и — камешками!!

До сей поры прологи ессавляють любимое увеселеніе Англичаць. Довольно познакомившись съ Англійскими обычаями и знаменитыми лицами, я всегда съ величайшимъ удовольствіемъ слушалъ сіи прологи: ешо ясная картина спрасней, пороковъ, дурныхъ привычекъ и добродѣтелей, представляемыхъ подъ забавными и размышельными видами. Англичане великіе мастера въ семъ родѣ сочиненій: они обыкновенно пишуться стихами и кладуться на музыку для одного актера, который долженъ представлять 5 и 6 различныхъ лицъ. *Матюсѳъ*, играющій роли сіи на здѣшнемъ театрѣ, есть чудо мимики: онъ представляеть всѣ характеры съ такою точностію, съ такимъ искусствомъ, такъ краснорѣчиво, такъ убѣдительно и натурально, что даже незнающіе Англійскаго языка понимаютъ содержаніе рѣчей его по шьлодвиженіямъ, по игрѣ лица и взоровъ. Для каждаго возраста и состоянія имѣеть онъ особую физиогномію. Искусство его въ подражаніи до того простираеться, что са-

мые короткіе его пріатели иногда обманываются и не узнають его. Въ каждомъ характерѣ старается онъ вывести на сцену извѣстное лице, даже не щадишь членовъ Парламента, принимая ихъ голосъ, поспуль привычки. Всѣ въ минушу узнають героя и привѣщиваютъ, называя по имени, громкимъ рукоплесканіемъ и хохотомъ. Однажды вздумалъ онъ позабавишь публику, вывести на сцену Принца-Регента въ весьма неприличномъ лицѣ, но за-то посидѣлъ въ шюрмѣ.

Лѣспница, ведущая въ всѣ ярусы театра, построена въ срединѣ и есть самая легкая и величественная, какую я только видѣлъ въ Англіи. Равномѣрно и зала для прогулки между антрактами, гдѣ по угламъ подѣланы богатые буфеты — можешь назваться храмомъ вкуса. Пятьсотъ человекъ весьма свободно могутъ въ ней прогуливаться; по стѣнамъ поставлены краснымъ казимиромъ обитые диваны, а посрединѣ низенькіе роскошные табуреты.

Я имѣлъ также случай видѣть сцену и уборную сего театра. Вездѣ мраморъ, бронза и зеркала. Будуары многихъ Принцессъ дол-

жны уступили въ великолѣпнѣ уборной комна-
тѣ Дрюлиленскихъ аксприсъ.

3) *Ковенгарденъ*, по моему мнѣнію, еще пре-
восходнѣе *Дрюлилена* расположеніемъ внуш-
ренности и убраншвомъ. Яркое серебро не
бирюзъ и зеркала украшаютъ спѣны его.
Открытіе шеатра сего въ 1809 году, когда
отспроенъ, онъ былъ вновь послѣ пожара,
сопряжено было съ величайшимъ шумомъ и
буншомъ. Содержатели шеатра, пошерпѣвъ
большіе убытки отъ пожара и употребивъ
важныя суммы на поспройку новаго дома,
хотѣли прибавить цѣны на мѣста и удво-
ить число ложъ для ошдачи въ наемъ, но
паршеръ никакъ сего не позволялъ. Война
продолжалась болѣе мѣсяца, и наконецъ Ди-
ректоры прозьбами и убѣжденіями выпро-
сили позволеніе у публики наложитъ пош-
лину за входъ въ ложи, а прочее все оспа-
лось по прежнему. Въ *Ковенгарденъ*, какъ
и въ *Дрюлиленъ*, находишся шолько по осьми
ложъ, копорыя абонируются погодно первы-
ми государшвенными чиновниками и знаш-
нѣйшими фамиліями, и въ копорыя никшо
безъ позволенія хозяевъ не можешь входитъ,

во всё же другія всякъ имѣешь право садиться на порожнее мѣсто безъ различія. Это Англичане почищаютъ священнымъ правомъ вольности своей и равенства, и ни за что не согласятся отказатьсь отъ него. Полицію въ театрахъ публика наблюдаетъ сама между собою; если кто напримѣръ зашумитъ во время представленія или сдѣлаешь какую нибудь обиду женщинѣ — всё обернувшись къ нему, закричатъ out! out! (вонъ! вонъ!) и въ случаѣ неповиновенія выполкають его насильно. Обвиненный иногда находитъ защитниковъ, а поному и бывають сраженія, копорыя однако всегда оканчиваються побѣдою надъ виновнымъ и водвореніемъ на нѣсколько минутъ глубокой тишины. Самолюбіе Англичанъ обидѣлось бы, еслибы они увидѣли, что нравительство смотритъ за ихъ благопріемъ и благоприспосойностію — удовольствія ихъ очернились бы, еслибы показался явно въ театрѣ какой нибудь полицейскій чиновникъ. Со всемъ шѣмъ полиція, не щекотая зрѣніа наружностию и не удаля отъ себя шѣмъ виновныхъ и злоумышленныхъ — рачительно наблюдаетъ вшайнѣ

за порядкомъ. Консшавели, по еспь полицейскіе офицеры, ходяшь въ Англїи во фракахъ, но въ карманъ у каждаго изъ нихъ маленькая бронзовая палочка съ Королевскою на концъ короною: всякой буйной шалунъ слъпо и безъ шума повинуется, когда бьваешъ пронупъ симъ волшебнымъ жезломъ. Шумъ въ театрѣ начинаенся обыкновенно съ половины представленїя, когда за входъ принимается половинная цѣна. Часто случается, что при началѣ пїесы весьма мало зришелей, а при концѣ такое множество, что едва можно дышашъ. Эшу *ловинную цѣну*, народъ Англїйскїй шакже почитаетъ однимъ изъ священныхъ правъ своихъ, копорья перемѣнишь и самому Гаррику, бывшему идоломъ публики, не удалось и стоило было весьма дорого. *Джонъ - Буль**) не любитъ никакихъ перемѣнъ, и крѣпко держитъся національной спарины, даже до предразсудковъ. Зришели въ театрѣ позволяють себѣ всякое положенїе, смѣють хлопашъ, свисшашъ, когда разсудится, и ещъ щого бьвають часшо смѣ-

*) Такъ называется Англїйскїй народъ.

шныя сцены. Вопь одна, которой я былъ
 самъ свидѣтелемъ. Представляли трагедію
Герцогъ Эссекскій. Королева *Елисавета*, въ
 минушу пламенной любви своей, подарила Гер-
 цогу кольцо, поклявшись ему, что въ слу-
 чаѣ несчастія, могущаго случиться съ нимъ,
 онъ долженъ показанъ ей сіе кольцо и бу-
 дешъ спасень. Такъ точно и случилось.
 Скоро *Елисавета* охладѣла къ Герцогу; онъ
 былъ судимъ и приговоренъ къ смерти. За
 минушу до казни своей, онъ отдаешъ коль-
 цо любимицѣ Королевиной и просишь ее
 опнеси его къ *Елисаветѣ*, но она положи-
 ла его въ карманъ и продержала до тѣхъ
 поръ, пока Герцогъ былъ казненъ. Въ по-
 слѣднемъ дѣйствіи другъ Герцога Эссекска-
 го укоряешъ любимицу, для чего она не оп-
 давала кольца Королеви и шѣмъ была при-
 чиною его смерти? Любимица оправдывает-
 ся, утверждая, что не получала никакого
 кольца отъ Герцога, какъ вдругъ изъ рай-
 ка раздася по залѣ громкій голосъ: *врешъ,*
мерзкая, оно у тебя въ карманѣ! Тупь
 всеобщій плачь, произведенный трагедію —
 превратился въ громкой хохотъ.

Къ всеобщему сожалѣнію знаменитая актриса *Сидонсѣ* удалилась съ сего театра, на сценѣ котораго приобрѣла она талантами своими отличную славу. Братъ ея *Кембель*, лучший трагическій актеръ въ Англіи, опять прошедшаго году явился здѣсь на сценѣ и былъ принятъ съ большимъ восхищеніемъ. Возвращеніе его было совершеннымъ торжествомъ для него, ибо въ отсутствіе его *Кинѣ*, сдѣлался любимцемъ публики, и казалось, заставилъ забыть Кембеля. Въ самомъ дѣлѣ мало есть актеровъ, которые знали бы театръ лучше Кембеля: онъ представляетъ разительное доказательство того, что можно приобрѣсти прилжнымъ ученіемъ, и какъ можно наукою добавить достоинства, въ которыхъ отказала природа. Сему великому артисту не доспаетъ природнаго жару, шѣхъ порывовъ для выраженія сильнѣйшихъ страстей, которыми Французскій трагикъ *Тальма* приводитъ въ ужасъ зрителя, перзаешь и раздираешь его душу, но Кембель за то превосходитъ его въ искусствѣ приуговаривать и управлять сильными трагическими сце-

нами. Онъ приводишь зришеля въ такое заблужденіе, что игру его примешь за истинное чувство, изливающееся изъ его сердца.

Не смотря на постоянство Англійскаго народа и его національную гордость — политическая буря Европы имѣла вліяніе и на характеръ Англичанъ и переѣвила во многомъ ихъ вкусъ и нравы. Весьма жалко, что сія переѣвна очень ощушительна на шеащрѣ Англійскомъ. Слѣдуя ложному, нѣжному, ушонченному вкусу, дерзаюшь нынѣ наглымъ образомъ возносишь нечесивыя руки на божешвеннаго Шекспира. Мастерскія каршины его, списанныя съ натуры, исполнены возвышеннѣйшихъ красоть, которыя оставилъ онъ намъ въ описаніяхъ людей низшаго сослоянія. спараюшся нынѣ выпускашь на шеащрѣ или передѣльвашь *), Гробокопашели его въ *Гамлетѣ* согнаны со сцены, хотя шушки ихъ въ щочности изоб-

*) На маленькихъ же провинціальныхъ шеащрахъ и на ярманкахъ въ Англійи, желая сократишь піесы, выпускаюшь изъ нихъ все кромѣ привидѣній, черщей и проч., что ошмѣнно иравишся черни.

ражающъ нравы пресподюдимовъ погдашняго времени. Такимъ же образы искажены *Виндзорскія кумы* и почти всѣ превосходныя пѣсы безсмертнаго Барда. Опныавши у нихъ природныя прелесни, оставляющъ публикѣ только пустыя призраки ихъ. Это все равно, есшьлибъ у насъ вздумали передѣлать *Недоросля* и *Бригадира*, приноравливая ихъ къ нынѣшнимъ нравамъ, и наприжрь, спраситъ Скопинина къ свиньямъ, по нѣжному чувству — переимѣнили бы въ любовь къ *жерносамъ*!

Должно однакожь признашься, что можно согласиться къ разлукѣ со всѣми красочами той сцены, гдѣ *Мавръ Отелло* изъ пустои ревности душишь на театрѣ прекрасную, невинную жену свою, которая, послѣ продолжительныхъ спрадачъ и мученій, испускаетъ дыханіе предъ глазами зришель. Не могу пересказать, какое ужасное впечатлѣніе всегда производило во мнѣ зрѣлище сей насильственной смерти: — это точно тоже, есшьлибъ заспавкали сморщивъ на разбойника, рѣзущаго горло другаго шупымъ ножемъ.

При семь шеашрѣ находящяся двѣ зами для прогулокъ, но онѣ не споль пространны и великолѣпны, какъ Дрюриленская.

3) *Амфитеатръ*, лежащій у Веспминшерскаго мосту, есть прекрасный маленькій шеашрѣ. Посрединѣ его находится кругъ для конскихъ ристалищъ. Я ходилъ сюда удивляясь, до какого послушанія человекъ можешь довести всякое животное и даже насѣкомое!

Въ пѣсахъ, представляемыхъ на здѣшнемъ шеашрѣ, всегда вводятся лошади. Я видѣлъ довольно любопытный и ошмѣнно великолѣпный фарсъ, подъ названіемъ *тайныя пещеры* (*secret mines.*) Содержаніе его есть слѣдующее: Дочь Персидскаго Губернатора влюбилась въ одного молодого, знаменитого воина. Отецъ согласился на свадьбу — уже идушь къ олшарю, но вдругъ опкрываешся, что сей молодой человекъ есть Ташарскій Ашаманъ, скрывающійся въ *подземельѣ*. Его заключаюшь въ пемницу, изъ копорой освобождаешся онъ своею любезною; послѣ того онъ похищаеш и увозишь ее съ собою въ подземельное свое царство. Отецъ

преслѣдуешь ихъ, и чрезъ измѣну открываешь ихъ убѣжище; каменный утѣсъ, служащій вмѣсто дверей, разбивается пушечнымъ ядромъ. Персидская конница врывается въ пещеры, и тамъ начинается ошчаянное сраженіе. Конница взбирается на утѣсы, спускается въ пропасти, лошади ползають на колыняхъ въ ущельяхъ — и все сіе предсшавлено такъ натурально, что зришель совершенно можешь забыться. Та-шара воспоржесшвовали, и измѣнникъ, уже похищившій красавицу, получаешь вмѣстѣ съ своею лошадыю смертельный ударъ изъ рукъ любовника. Мудрено повѣришь, какъ натурально лошадь при семъ [случаѣ изды-хаешь!

Въ антрактахъ показывающся разные шанцы на лошадяхъ. Многіе знатоки увѣряли меня, что все сіе совершеннѣе даже Парижскаго. Я съ своей стороны всегда любовался на здѣшняго *Паяццо*, котораго нахожу превыше всѣхъ, доселѣ мною видѣнныхъ. Онъ ломается прекраснымъ образомъ, и при томъ очень остро шутишь и передразниваетъ. Онъ насмѣшилъ насъ одна-

ды чрезвычайно: очищая кругъ для конскихъ ристаний, онъ повуждалъ народъ ишшию въ галлерей. Одинъ буйной франтъ выходилъ слишкомъ мѣшкашно и какъ будто нехотя; онъ подошелъ къ нему съ низкимъ поклономъ и снявши шляпу сказалъ: „Милоспивый Государь! мы всегда вамъ ради, не шеперь не вашъ *герелъ* ходить здѣсь, а *гнѣдаго*! Франтъ разсердился и едва не вышла у нихъ башалія.

Часцо также, между предешавленіями на здѣшнемъ театрѣ, показывающа шанцы по канашу, вноспранныя и необыкновенныя живощныя и звѣри и проч. Я никогда немогъ видѣшь безъ смѣху зайца, спрѣляющаго изъ писполета. Бѣдненькой никакъ не можешъ преодолѣшь своей природной прусоспи, и всякой разъ послѣ выспрѣла падаешъ въ обморокъ. *)

*) Когда въ послѣдній разъ открылось сообщеніе у Франціи съ Англіею, въ Лондонѣ наѣхало великое множество Французскихъ шармановъ съ *чудесными канарейками*, *мартышками* и проч. но всего любопытнѣе показался мнѣ Французъ, который показывалъ *блоху*, запряженную въ золотую карешу, копорую она возила. Сей великій мужъ съ

4) Театръ *Sadley's wells* (Садлевы колодцы) заслуживаетъ также отличное вниманіе по новизнѣ своихъ представленій. Сцена, въ случаѣ нужды, превращается въ простран- ный бассейнъ, наполненный водою. Здѣсь представляются различныя морскія сраже- нія, какъ по *Абукирское, Трафилгарское*, и пр., со всевозможною истиною и очарованіемъ. Маневры кораблей, пушечные выстрѣлы, крикъ, взорваніе — такъ натурально пред- ставлены, что по истинѣ полагаешь бышь свидѣтелемъ настоящаго морскаго сраже- нія! Кораблекрушенія, бури, шпормы, захо- деніе солнца на морѣ — я всегда смотрѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ, зная по собственному опыту своему, сколь они правдоподобны. Наконѣцъ представляются здѣсь разныя фарсы съ волшебными превра- щеніями, фейерверки и пр. — все съ чрез- вычайнымъ искусствомъ.

Внутренность театра расписана при- личными эмблемами, соотвѣтствующими

гордостію и тщеславіемъ увѣрялъ припомъ, что ему стоило прехлѣвшихъ трудовъ — *Google* приучивъ блоку *ходить, а не скакать.*

предмешу его, какъ то *Наддами, Сиренами, каскадами* и проч.

Кончу спашью сію замѣчаніемъ, что Англичане, по видимому, спараюшя нынѣ въ театральныхъ представленіяхъ своихъ доставишь болѣе удовольствія глазамъ, нежели думаютъ о существенномъ достоинствѣ піесъ. Механика на послѣднихъ чешырехъ театрахъ доведена до возможнаго совершенства; — въ декорацияхъ спараюшя здѣсь сколь можно болѣе приближишья къ натурѣ — въ удаленіи предметовъ совершенно соблюдаютъ оптику, и зелень деревьевъ сдѣлана такимъ образомъ, что человекъ можешь скрывашя въ гущошъ ея, раздѣлая вѣтви и листья деревьевъ.

П. Свиньинъ.

II.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

1) НАДПИСЬ КЪ САДУ

Г* А* К* Р***

на Гороховомъ полѣ.

Наука Гиршфельда, Ленопрово искусство,
Делила шонкой вкусъ въ воспѣнныхъ имъ садахъ—
Все въ очарованныхъ здѣсь зрѣтеля глазахъ,
И все пѣняешь вдругъ и мысль, и умъ, и чувство!

Км. Шляков.

Москва.

1 Августа 1815.

2) ЛЮБЕЗНОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЪ,

А. П. БУНИНОЙ,

при отбѣздѣ ея въ Англію.

Прости, Парнасса украшенья!
Прости, о Сафо нашихъ дней!
Внемля друзей своихъ прошенья,
Ты возвратишься къ намъ скорѣй!

Съ шобой небетъ благословенья!
Безъ бѣдствій будешь средь морей!
Но видя наше сокрушенья,
Ты возвратишься къ намъ скорѣй!

Да громко-сладостное пѣнье,
Дойдешь съ Британскихъ къ намъ полей!
Ошь всѣхъ пріемля удивленья,
Ты возвратишься къ намъ скорѣй!

Тебѣ нелестно приношенья,
Желаніе своихъ друзей:
Пріавъ недуговъ исцѣленья,
Ты возвратишься къ намъ скорѣй.

Катерина Пугкова.

С. Петербургъ.

Юля 25 1815.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

III.

О ОБЩЕСТВЕННОМЪ ДУХЪ ВО ФРАНЦІИ при вступленіи Союзныхъ армій.

(Изъ Journal de Paris.)

Не стану говорить о общественномъ духѣ столицы. Сіе дѣло требуетъ собственнаго наблюденія, а я оставилъ Парижъ при вступленіи въ оный пирана, рѣшась не возвращаться, доводъ столица будешь подъ его игомъ. Говорю о общественномъ духѣ въ областяхъ, которыя я видѣлъ, и признаюсь по истинѣ съ сожалѣніемъ, что со времени ужасной эпохи 1793 года сіи области не были въ подобномъ нынѣшнему смятеніи, что никогда чернь, сіе вѣчное игралище крамоль и кровавое орудіе виновниковъ мятежа и безначалія, не оказывала столько готовности къ буншамъ и насиліямъ. Никогда ядъ клеветы не былъ изливается съ толикимъ раченіемъ, никогда пламя раздора не было возгнетается съ такимъ усердіемъ и постоянствомъ.

Естьлибъ грозный день бившы 6 Іюня и вступленіе союзныхъ армій во Францію не удержали злодѣевъ въ начинаніяхъ ихъ, то Франція, какъ въ самые плачевные дни своей революціи, предспавляла бы нынѣ одно зрѣлище развалинъ, пепла и шруповъ. Нельзя изобразить, до какой степени гнусные сообщники Императорскаго тиранства успѣли развратить и оправить общее мнѣніе. Дѣло Бурбоновъ было потеряно почти во всѣхъ областяхъ еще въ то время, когда Правительство не подозрѣвало возмущенія и Министры не знали о его существованіи.

Не въ продолженіе немногихъ дней, а въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ вѣчные враги общественнаго спокойствія, буйные проповѣдники правильнаго безначалія, неутомимые спутники Бонапарта приготавили умы къ исполненію своихъ пре-

спупницъ намѣреній. Они привели съ движеніе всѣхъ виновниковъ мяшежа и разспройства, которые въ шеченіе послѣднихъ 25 лѣтъ соединены были между собою крѣпкими узами, безпрерывно занимались заговорами и возмущеніями, и никогда не теряли надежды вновь обременить несчастное наше Отечество всѣми ужасами революціи.

Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ учреждень былъ тайный Комитетъ, которому поручено было клеветать и чернить Правительство, и разсѣвать въ народѣ боязнь, для причиненія мяшежей. Они безрешанно пугали народъ слухами о возстановленіи правъ помѣщичьихъ и всѣхъ злоупотребленій феодальной системы, называли каждого священника, каждого дворянина, каждого опличной степени гражданина, непримиримымъ врагомъ народа.

Тщешно декрешы Короля, его родительская крошость и всѣ дѣла Правительства вопіяли противъ сихъ обмановъ; сія самая крошость была предметомъ клеветы; учрежденія его были представляемы народу въ видѣ хищныхъ средствъ, которыми хотѣли усыпить его для успѣшнѣйшаго достиженія предполагаемой цѣли. Заговорщики искусно пользовались безразсудными сочиненіями и глупыми толкованіями нѣкошорыхъ Журналовъ противъ покушниковъ національныхъ имуществъ. Они искали подтвержденія сихъ мнѣній въ неумѣстныхъ толкахъ людей, которые безпрерывно швердили объ уничтоженіи конституціонной харшii и скоромъ возвращеніи стариннаго порядка вещей. Горешѣмъ, которые неумышленно способствовали обуянію черни и услѣхамъ злодѣйскихъ намѣреній!

Все было уже готово къ шоржеству заговорщиковъ, когда, подобно сашанѣ, исходящему изъ преисподней, виновникъ всѣхъ бѣдствій бѣжалъ съ утесовъ ошрова своего и явился на брегахъ нашихъ, подобно шѣмъ ужаснымъ метеорамъ, которые опустошаютъ все встрѣчающееся на пуши ихъ. Тогда усугубилась дѣлая

ность буншовщиговъ и поборниковъ зла во всѣхъ концахъ Франціи. Во всѣхъ обласнѣхъ раздались радостныя восклицанія злодѣйскихъ Комишешовъ! Они праздновали съ великимъ торжествомъ ошъездъ лучшаго изъ Королей и возвращеніе гнуснѣйшаго тирана. Всеобщее уныніе было для сихъ кровожадныхъ изверговъ поводомъ къ радости. Всѣ добрые граждане принуждены были скрывать въ сердцахъ своихъ сѣдавшую ихъ горесшь. Безспыдные, дживые адреса были представляемы тирану отъ имени городовъ, кошорые не смѣли прошивишься сему гнусному обману.

Они провозглашали благодѣшелемъ челоувства тирана, кошорый былъ самымъ жестокимъ палачемъ его, защитникомъ свободы — самаго свирѣпаго пришѣснишеля; — самымъ національнымъ Государемъ — челоувка, родившагося въ Франціи! Чшо сказашъ мнѣ о дерзкихъ оскорбленіяхъ, кошорыми, съ гнуснымъ безспыдствомъ, осыпаемы были Государи, достойные всеобщаго уваженія и любви! Страхъ, шщеславіе и подлость вскорѣ доставили заговорщикамъ многихъ сообщниковъ. Всенародные судьи, чиновники, получившіе мѣста по Королевской милости, не стыдились пресмыкаться у ногъ хищника, и увѣрять его въ искренности своихъ чувствованій, въ кошорой за нѣсколько мѣсяцевъ предшѣмъ клялись законному своему Государю; другіе, жадные къ почестямъ, не стыдились просить изъ руки тирана знаковъ оплациа, кошорые получили отъ ошца Опечества, и носить ордена, оскверненные рукою, ихъ раздававшешю.

Всѣ, за исключеніемъ немногихъ твердыхъ духомъ, шрепешали предъ мечемъ новаго Тамерлана, и преклоняли выи свои подъ ярмо. Какія неистовства происходили въ провинціяхъ! Бѣлое знамя было сжигваемо посреди плясокъ и дикихъ восклицаній. Вѣрныя сауги Короля, дворяне и священники были означаемы въ числѣ жертвъ, кошорыя надлежало принесть на закланіе въ честь новому Божеству.

Ежедневно появлялись новыя угрозы, новыя беспорядки; обманъ слѣдовалъ за обманомъ. Вчера говорили, что Наполеонъ прибылъ съ острова Эльбы въ согласіи Союзныхъ Монарховъ, рѣшившихся оставить сторону Бурбонскаго дома, въ другой разъ утверждали, что Императрица Марія Луиза съ Королемъ Римскимъ выѣхала изъ Австріи для обратнаго восшествія на тронъ Франціи, нерѣдко объявляли, что союзники приближаются къ Франціи въ намѣреніи раздѣлить сіе Королевство, и подвергнуть рабству всѣхъ бѣдныхъ его жителей. Самые нелѣпые толки, самыя глупыя клеветы были разсѣваемы съ важностію, которая убѣждала народъ въ ихъ истинѣ. Тщетно честные и благоразумные люди старались просвѣтить заблуждающихся. Враги общества называли ихъ шпионами и соумышленниками чужихъ державъ.

Общее мнѣніе воспламеняемо было болѣе и болѣе. Въ городахъ и деревняхъ говорили только о сожженіи помѣщичьихъ домовъ, объ умерщвленіи священниковъ, дворянъ и роялистовъ. Недостойныя званія своего Префекты усугубляли сіе изсшупленіе подлымъ бездѣйствіемъ или преступнымъ пошлорствомъ; въ публикѣ продавались самыя возмущительныя сочиненія, по рукамъ ходили списки назначенныхъ къ изгнанію. Самые опасныя порывы буйства не находили препонъ.

Граждане не знали безопасности и личной свободы. Самые почтенные люди запирались въ домахъ своихъ, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ мятежной черни. Шпіоны собирали, ободряли и покровительствовали тайные доносы и ложныя обвиненія; изгнанія, взятія подъ стражу, своевольные поборы — всѣ дѣйствія революціоннаго правленія возникли съ ужасною безнаказанностію. Одинъ изъ членовъ Бонапарцовой Палаты Перовъ объявилъ всенародно, что въ его департаментѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ въ Королевствѣ, болѣе 80 человекъ были испорчены

изъ домовъ своихъ безъ предварительнаго повѣщенія, безъ соблюденія формъ, предписанныхъ закономъ.

Сии многочисленныя изступленія были ободряемы хищными демагогами, которые назывались представлятелями народа. Что можетъ быть ужаснѣе сумасброднаго предложенія одного изъ сихъ злодѣевъ, который совѣщовалъ, лишить покровительства законовъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Короля и ихъ родственниковъ по восходящей и низходящей линіямъ! Кто не помнитъ бѣшеныхъ восклицаній другихъ бунтовщиковъ, которыми сии изверги избирашелейныхъ коллегій оскверняли храмъ законовъ!

Уже новые Сентябрчики не скрывали своихъ намѣреній. Показывались явные признаки общаго повторенія Варооломеевой ночи. По несомнѣннымъ свѣденіямъ, положено было произвести убійства въ воскресенье 20 Іюня. Адь готовился изрыгнуть на Францію всѣхъ демоновъ революціи..... Но быстрый походъ союзниковъ привелъ въ шепеть злодѣевъ, и удержалъ ихъ убійственныя руки. Между тѣмъ замыслы убійць были только замедлены, а не уничтожены. Кто повѣритъ, что во многихъ департаментахъ, именно въ департаментъ Сейны и Марны (котораго главный городъ лежитъ въ 50 только верстахъ отъ Парижа) узнали о прибытши Короля только чрезъ Журналы? Пишу сію статью 5 Іюля, но съ 26 Іюня (котораго числа Король въѣхалъ въ Парижъ) никакого прокламаціею Префекта не объявлено о семъ происшествіи; не опубликовано официальнымъ порядкомъ ни одного Королевскаго послановленія. Въ Провенской округѣ Подпрефектъ, человекъ честной, рѣшился сдѣлать сіе по собственному движенію, и объявилъ состоящимъ въ его вѣдомствѣ, что вѣрность къ законному Королю не считается уже преступленіемъ. Во многихъ округахъ, въ которыхъ ожидали начальственныхъ повелѣній, не преславая шепещать предъ агентами Бонапарта, найдены были со-

юзними войсками прехцвѣшныя флаги; и ни одинъ изъ революціонныхъ Префекшювъ не получалъ приказанія о прекращеніи его должности. *) Во время Бонапарта не смѣли дремать въ Префекшурахъ; его декреты были обнародываемы съ неимъ вѣрною скоростію. Черезъ 11 часовъ по вступленіи его въ Парижъ во всѣхъ округахъ здѣшняго департамента объявлено было о семъ *великомъ, преславномъ и достопамятномъ* происшествіи, какъ не стыдился называшъ оное! — Вѣроломныя, подлые чиновники! Не льстившись надеждою, что будемъ насъ еще долго обманывать! Вы хотите имѣть почести и богатства и пользоваться какою нибудь властію; но люди, для которыхъ равны всѣ Правительствя, но могутъ быть годны ни одному изъ нихъ. Пора прекратить владычество вѣроломства и коварства, которое донинѣ составляло щастіе столь многихъ преступныхъ людей! Пора отставить отъ всенародныхъ должностей тѣхъ безсовѣстныхъ чиновниковъ, которые не знаютъ ни чести, ни клятвы! Какую довѣренность могутъ внушить вѣрнымъ подданнымъ Короля сіи люди, которые не только перпѣли, но и ревностно усугубляли преступными усиліями своими пагубный заговоръ, низведшій съ прона единственнаго Государя, призваннаго на оный правами породы и всенароднаго желанія!

Три мѣсяца безпорядка, возмущенія, вѣроломства и подлости изобличили злодѣевъ, и показали людей которые достойны общественныхъ почестей и должностей. **)

Salgues.

*) Известно, что желаніе сіе исполнилось. Всѣ опредѣленные Бонапартомъ чиновники отпращены отъ своихъ мѣстъ.

**) Просимъ извиненія Читателей, естли сія статья переведена не слишкомъ близко; мы заимствовали ее изъ Англійской газеты, а не съ подлинника. Донинѣ еще не получали въ Пешербургъ Французскихъ Журналовъ. Изд.

IV.

ПРОГУЛКА ПО ПОЛЮ БИТВЫ.

Прекраснаго Союза.

(Письмо изъ Брисселя отъ 4 Июля.)

Я посѣдилъ вчера поле битвы. — *Крѣпко съобщилъ жертвы!* — Гдѣ за четыре недѣли предъ симъ тысячи штыками и умерщвляли другъ друга — гдѣ тысячи поврытыхъ ранами падали съ воплемъ и умирали — тамъ нынѣ живыя души, тамъ неслышно никакого шума — тамъ царствуютъ безмолвіе могилы!

Въ *Линьи* погребены 2000 челоѣкъ. Здѣсь сражались Вестфальскіе и Бергскіе полки. Деревня *Линьи* состояла изъ каменныхъ домовъ; крыши ихъ селомъ ижежили при такомъ жару; текущемъ по неизменному долу. Многие дворы окружены каменными стенами. Прусакъ превращали каждый домъ въ крѣпость. Французы хотѣли превосходною смѣлою пробиться чрезъ деревню. Четыре раза ихъ отиражали. Наконецъ они зажгли гаубицами дома въ одномъ концѣ деревни, а въ другомъ Прусакъ еще держались. Цѣлая роща Вестфальцевъ лежала на дворахъ близъ церкви. Капитанъ ихъ умеръ на другой день. На паперни лежало 50 труповъ.

Вечеромъ Французы обошли деревню. Прусакъ на полчаса отступили. Они потеряли позицию свою. Непонятно, почему Французы не пользовались одержаннымъ успѣхомъ, и вновь не атаковали Прусакъ ночью. Это произошло 4 Июля. Въ сей же день одна Французская колонна пошла изъ *Шарлеруа* въ *Бриссель*. При *Катребра* встрѣтилась она съ *Герцогомъ Брауншвейгскимъ* и *Принцемъ Оранскимъ*. Завязалось жаркое дѣло, какъ при *Линьи*. Герцогъ, увлеченный храбростію, бросился въ ружейную перестрѣлку. Пуля прошла сквозь руку, которою онъ держалъ узду, и ударила въ

животъ. Нечень была повреждена. Она упала съ лошади, и чрезъ десяшь минутъ испустила геройскій духъ. Она спрдалъ недолга!

Самое сильное сраженіе происходило въ *Катребра* на перекрестіи у постоялаго дома. Тушь много кургановъ. Ранены уходили водворъ постоялаго дома, и держивались у стѣнъ и падали. И нынѣ видны на стѣнѣ пятна крови, которая била изъ ранъ и увлекала жизнь за собою. Пахашныя поля на цѣлый часъ ходьбы пошоптаны. Но обѣимъ сторонамъ большей дороги измята земля на сто футовъ. И теперь видны сады колоннъ во всѣхъ направленіяхъ по прекраснымъ полямъ пшеницы.

6 числа сраженіе возобновилось, четырьмя ча ами ближе къ *Брисселю* по обѣимъ сторонамъ дороги. Страна сія равна, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣеть холмы. Поле битвы имѣеть въ поперечникѣ полтора часа ходьбы (шестъ верстъ.) Посрединѣ стоялъ *Бонапарте*, недалеко отъ мызы *Монъ-Сонъ Жанъ*, на возвышеніи, съ котораго могъ все видѣть. При немъ былъ проводникомъ нѣкто *Акоствъ*, тамошній уроженецъ, живущій нынѣ на мызѣ *Прекрасный союзъ*. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: Когда Прусакіи показались изъ за лѣсу при *Фришертлошдѣ*, *Бонапарте* взглянулъ въ ту сторону, и спросилъ: что это? Одинъ изъ *Адьюшантовъ* его, посмотрѣвъ въ зрительную трубу, отвѣчалъ: ашо Прусскія знамена! — Въ это мгновеніе *Бонапарте* побѣдиль, *манъ* *авдъ*. — (Онъ увидѣвъ штыкъ нещастной Королевы Прусской, которую терзала до нынѣшныя ея, терзала до край *политдъ*, рожденный горестью въ сердцѣ ея, нехисѣщиль ея, жизни!) — Онъ не сказалъ ни слова, а только покачалъ нѣсколько разъ головою. — Увидѣвъ, что сраженіе потеряно, онъ ужасалъ съ главнымъ Штабомъ своимъ и проводниками, приазавъ *Акоству* провести его проселочными дорогами до *Шарльруа*.

Женаплѣ, открытое мѣстечко въ полутора часахъ отъ поля битвы, лежишь при рѣкѣ *Дилѣ*. Ниже его на сей же рѣкѣ лежишь деревня *Вейсѣ*, и при ней построены мосты. Въ *Женаплѣ* прибылъ въ 5 часовъ по полудни Копишанъ съ приказаніемъ, чтобы обозы отступили. Онъ полагалъ, что сраженіе проиграно, ибо резервамъ приказано было двинуться въ огонь. — Вскорѣ бѣгство сдѣлалось всеобщимъ. Фуры ѣхали на дорогѣ по шестнадцати въ рядъ. Въ мѣсто *Женаплѣ* онъ слушались и загорадили дорогу. *Лакостѣ* говоришь, что Бонапарте съ свитою своею пробивался между ими болѣе полтора часа и не прежде половины двенадцатаго часу ночью, успѣли они ускорѣть изъ города. Я спросилъ, для чего онъ не провелъ Бонапарта по мосту при *Вейсѣ*, гдѣ проходъ былъ свободенъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не зналъ этой дороги! — И такъ, при всѣхъ картахъ и планахъ Военнаго депо, при всѣхъ Инженеръ Географовъ, которые опредѣляли всѣ позиціи до секунды, при многочисленномъ главномъ штабѣ, судьба Императора Наполеона зависѣла въ семь случаевъ отъ невѣжества одного крестьянина, которой не зналъ, что при *Вейсѣ* есть мосты! Много толкую о военномъ искусствѣ, о военныхъ наукахъ, но въ рѣшительныя минуты судьба цѣлаго зависить нерѣдко отъ познаній простаго человека: искусства и науки прячущаяся. — Тысячи занимаютъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, и обыкновенно такимъ, которое ни къ чему не ведетъ, а между тѣмъ ядѣлають того, что можешь вести къ чему нибудь, потому что этого не приказано!

При деревнѣ *Планшеноа*, на четверть часа отъ прекраснаго Союза стояли Французскія гвардіи. Первой дворъ въ деревнѣ почти совершенно выгорѣлъ: онъ зажженъ былъ гаубицею. Въ немъ живешь крестьянинъ, именемъ *Вернарбѣ*; человекъ умной и смѣливой. Въ день битвы онъ, подобно другимъ, бѣжалъ изъ своего дома,

приѣхалъ на пригорки, и смотрѣлъ на сраженіе между корпусомъ Бюлова и Французскими резервами. Онъ умѣлъ все описать въ подробности и водилъ меня къ замку, нпо при Фришгермонтѣ. По его словамъ, крестьянинъ, который велъ корпусъ Бюлова, предлагалъ выйти изъ лѣсу не при Фришгермонтѣ, а пошавшись далѣе въ долину и выйдясь изъ лѣсу ближе къ Планшенца въ штыку резерва. Тогда мы поберемъ ихъ всѣхъ! говорилъ онъ. — Между штыкомъ и щасною, сѣе не было сдѣлано. Наступила крайняя пора, чтобы Пруссаки подошли. Веллингтона сильно шѣснилъ; всѣ его резервы были уже въ огнѣ; онъ описывалъ уже назадъ артиллерию и одинъ крестьянинъ изъ окрестностей Брандла-Леда рассказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ боѣщая часть Веллингтоновой арміи приведена уже была въ разстройство. Можетъ быть, Бонапарше дожидался этой минуты, чтобы гвардією своею рѣшить дѣло — и вдругъ появились Пруссаки. Нельзя не пререщашь при мысли, что въ сію важную минушу все зависѣло отъ знанія или незнанія одного — крестьянина! Когдабъ онъ пошелъ испуга, когдабъ завелъ въ долину, гдѣ нельзя было пройти артиллеріи, когдабъ корпусъ Бюлова опоздалъ полчаса, тогда, можетъ быть всѣмъ сдѣлалось бы на другую сторону. — Еслилибъ Бонапарше одержалъ побѣду, еслилибъ дошелъ до Рейна, то Французы пришли бы въ новой восторгъ — и во всей Франціи произведенобъ было общее ополченіе. Видя, что великія дѣла происходятъ отъ такихъ бездѣлицъ, что вся человѣческая мудрость не можетъ ни видѣть, ни разсчитывать прежде времени — должны мы вѣрить, что Государственные люди, при всей шовкости и благоразуміи своемъ, играютъ малую роль въ управленіи вселенною. Непорочно, что въ военномъ дѣлѣ ученость немного помогаетъ. Въ рѣшительныя минушы дѣйствуетъ душевная сила, во всякомъ человѣкѣ обитаетъ

мая. Не смотря на всѣ успѣхи военнаго искусства, на изобрѣшеніе пороха и заведеніе безсмысленныхъ войскъ, широкій Римскій мечъ и Мадонская фаланга нынѣ также могли бы завоевать вселенную, какъ за 2000 лѣтъ предъ симъ.

Въ войнахъ новѣйшихъ времянь, подъ конецъ дѣла, начинается великій безпорядокъ, между побѣдителями и побѣжденными. Хотя число убитыхъ и раненыхъ въ битвѣ бываетъ велико, но оно неважно въ сравненіи съ цѣлымъ. Въ послѣднихъ сраженіяхъ едва ли падалъ шестой человекъ. При всемъ совершенствѣ орудій нашихъ, дѣйствіе ихъ, въ сравненіи съ великимъ числомъ выстрѣловъ, неважно. При Лейпцигѣ изъ ста ядеръ или картечь, едва ли одинъ выстрѣлъ попадалъ. Безпорядокъ въ войскѣ происходитъ отъ бѣглецовъ, которые обращаются назадъ въ мнѣніи, что все потеряно, и увѣряютъ въ эпосѣ другихъ, чтобы извинить себя. Хотя Прусская армія 4 Іюня отступила только на полчаса отъ *Линьн*, во цѣлыя полны бѣглецовъ прошли чрезъ *Литтихъ* и *Ахенъ*, и распространили тамъ всеобщій ужасъ. Я нашелъ бѣглецовъ въ 25 часахъ отъ поля битвы: они увѣряли, что Французы находятся въ полчасѣ отъ *Брисселя*, а легкія войска ихъ уже вступили въ предмѣстія. 6 числа Французскіе бѣглецы въ 5 часовъ по полудни прошли мимо постоялаго дома въ *Катребра*, и такъ они оставили поле битвы, когда дѣло съ ихъ сторонами шло еще очень хорошо.

Мысль, что они отрѣзаны, весьма сильно дѣйствуетъ на людей; когда она овладѣетъ всѣми — тогда пропадаетъ весь порядокъ и армія сама собою разстраивается. Симвъ можно изяснить ужасное пораженіе Французовъ 6 числа. Въ *Женатль* господствовало неописанное смѣшеніе. Ихъ кололи, какъ скопину. Болѣе 800 человекъ пали тамъ безъ всякой защиты. Одинъ Брауншвейгскій черной гусарь изрубилъ *Генерала Дювва*, командовавшаго артиллеріей,

при дверяхъ постоялаго дома. Онъ умеръ на другой день. „Здѣсь убили нашего Герцога! здѣсь и лебъ конецъ!“ кричалъ гусарь, нанося ему удары. Бвшенство Брауншвейгцевъ дошло до изступленія.

Велингтонова армія состояла большею частію изъ молодыхъ подковъ. Они поддерживались особенно довѣренностію къ талантамъ своего Полководца. Французы же пришли въ безпорядокъ и обратились въ бѣгство отъ того, что чувствовали несправедливость своего предводителя. Ночныя атаки Прусакровъ довершила ихъ разстройство.

Въ *Намурѣ* стоялъ на гласисѣ 82 взятыя пушки и 400 обозныхъ фуръ. На одномъ полѣ, засѣянномъ рожью при *Монъ-Сенъ Жанѣ*, Англичане свезли 123 орудія.

Бельгійцы и Голландцы подружидись въ сей побѣдѣ, одержанной общими силами. Особенно жъ нація гордится храбростію Наслѣднаго Принца и поведеніемъ его въ сей битвѣ.

Изъ Нѣм. Журн.

V.

С М Ъ С Ъ.

I.

ОСТРОВЪ СВЯТЫЯ ЕЛЕНЫ

Сей островъ лежитъ на *Эіопскомъ* морѣ къ Сѣверозападу отъ *Мыса Доброй Надежды* подь $15^{\circ} 54' 48''$ ю. широты и $50^{\circ} 49'$ з. долготы и имѣеть въ окружности 42 вер. шы. Наружный видъ его столь угрюмъ и страшень, что онъ вѣроятно осмался бы вовсе необитаемымъ, естлибъ положеніе его посреди обширнаго океана не привлекало мореходцевъ. Островъ сей состоить изъ утесовъ, которые поднимающяся изъ моря отвѣсно до облаковъ. Утесистые, лѣсистые хребты пересѣкають оный

сверхъ того во всѣхъ направленіяхъ. За сего
 грозною наружностію скрываются во внутрен-
 ности пріятныя долины, орошаемая свѣплыми
 ручьями. На разныхъ высотахъ являющіяся раз-
 ные климаты. *Иванъ де Нол* Португальской
 мореходецъ открылъ сей островъ въ день Св.
 Елены 15 2 года. Сперва поселились тамъ Пор-
 тугальцы, потомъ Голландцы, а въ 1673 году ов-
 ладѣли симъ островомъ Англичане, построили
 на немъ крѣпость съ 40 пушками, и сдѣлали
 оный мѣстомъ отъ хвоненія для кораблей, плы-
 вущихъ въ *Ост-Индію*. Европейцы нашли на
 семъ островѣ немногіе только дикіе коренья,
 и развели мало по малу разные растенія, кото-
 рыя тамъ успѣваютъ весьма хорошо, но боль-
 шая часть припасовъ туда привозится на ко-
 рабляхъ. Весьма успѣшно разводится тамъ свек-
 ла. Въ 1810 году привезли отсюда въ Англію
 свекловицу, имѣвшую въ окружности 37 дюймовъ,
 въ 115 фунтовъ вѣсу. Пустъ *Бонапарте* зани-
 мается разводомъ свеклы: извѣстно, что онъ
 большой покровитель свекловичнаго сахара. —
 Изъ дичи есть только морскія и прибрежныя
 птицы. — На семъ островѣ нѣтъ большихъ до-
 рогъ, а только проложены шопинки. Жители
 (числомъ 3000, въ томъ ч 800 негровъ) живутъ въ
 пріятныхъ зданіяхъ. Главное мѣсто есть узкій
 городъ *Сенъ Жемстаунъ*, лежащій въ пѣдномъ
 ущеліи, чрезъ которое протекаетъ ручей и
 изливается въ море. Тамъ пристають корабли.
 Входъ въ заливъ защищается башнями, и
 можешь назваться неприступнымъ. — Между-
 штемъ въ Англійскихъ газетахъ пишутъ, что
 опасно отправить туда *Бонапарте*, ибо сей-
 хитрый и безпокойный человекъ, можешь обма-
 нушь спрегущихъ его. Пишутъ, что съ нимъ
 отправадь будешь одинъ только слуга и по-
 варь. *Г. Ибботсонъ* назначенъ въ надзиратели
 при немъ; его будутъ содержать весьма стро-
 го; письма къ нему будутъ проходить чрезъ
 руки Губернатора, а на прогулкахъ въ крѣпко-

они будутъ его провожать офицеръ и нѣсколь-
ко солдатъ, которыми вѣльно спрѣяться въ не-
бо, когда онъ вздумаетъ пропиться.

2.

Фельдмаршалъ *Князь Блюхеръ* получалъ при-
сѣдующее письмо благодарственный адресъ
города *Лондона* за знаменитую побѣду при
прекрасномъ Союзѣ:

Лондонъ 28 Юня 1815.

Милостивый Государь! Имѣю честь пре-
проводить Вашей Свѣтлости благодарственный
адресъ города Лондона отъ 25 числа с. м., въ
которомъ онъ изъявляетъ глубокія чувства при-
знательности своей за важныя и дѣятельныя
услуги, оказанныя Вашшею Свѣтлостію и соспо-
лицею подѣ начальствомъ вашимъ храброю Пру-
скою арміею въ день знаменитой побѣды при
Ватерлоо 6 Юня надъ всею Французскою силою.
Не могу описать Вашей Свѣтлости, сколь ле-
стно мнѣ, при семъ важномъ случаѣ, порученіе
изъявить вамъ благодарность моихъ согражданъ,
которую я въ полной мѣрѣ съ ними раздѣляю.
Имѣю честь пребывать съ высокопочитаніемъ,

Вашей Свѣтлости,

покорнѣйшимъ слугою

Оауишъ Биртъ, Мэръ.

Въ общемъ собраніи купеческой гильдіи го-
рода Лондона, бывшемъ въ пятницу 25 Юня
1815 года, определено единогласно поднести
Фельдмаршалу *Князю Блюхеру* и храброй Пру-
ской арміи усердное благодареніе за скорую и
успѣшную помощь, оказанную ими 6 Юня, ко-
торой въ отличной степени приписать дол-
жно великія послѣдствія сего достопамятнаго
дня.

Биртъ, Мэръ.

Дрексъ, Аддерманъ.

Вудеорпъ.

СЫНЪ
ОТЕЧЕСТВА.
1815. № XXXIV.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА.

I.

ВЕЧЕРЬ И УТРО, ПРОВЕДЕННЫЕ ВЪ
ПАВЛОВСКЪ.

(Опрывки.)

И такъ, я видѣлъ жилище Царицы-Матери! Какъ, различно оно отъ всѣхъ прочихъ увеселительныхъ замковъ въ свѣтъ! Впечатлѣніе, которое Павловскъ производитъ, есть не удивленіе, не ослѣпленіе очей блескомъ пышности, но тихая радость, столь рѣдко прикасающаяся къ бытію нашему... нѣжное чувство сердечнаго благоговѣнія. Сельской жизни найдешь въ немъ не только уроки искусства украшать свои жилища безъ расчотенія денегъ, образецъ какъ дѣлать ихъ привлекательными, милыми для посѣщителей самыхъ чуждыхъ, но и наставленіе домоводству почти во всѣхъ его частяхъ.

Помѣщикъ можешь въ земь почерпнуть уроки обязанностей его, относительно до ввѣренныхъ ему Богомъ и законами его Ошечства поселянъ. Опець семейства обрѣшешь назиданіе въ должностяхъ его, и примѣры, какъ сердце благородное и чувствительное утѣшаетъ себя въ потерѣ любезныхъ ему лицъ. Всякой доброй Россіянинъ, мнѣ кажешся, посѣдивши сей сельской городъ, исполнился еще большей преданности и любви къ его Августѣйшей Обищательницѣ.

Именишый Сшанишчикъ Россіи, почтенный Андрей Карловичъ Шпорхъ издалъ, сколько мнѣ по слуху извѣстно, описаніе Павловска. Безполезно бы было предпринимать оное вновь, послѣ такого пера. И я шодько пожелаю, чшобъ сочиненія его вообще быай между нами бодѣ извѣстны *).

*) Книги, изданныя Академіею Наукъ или ея Членами рѣдко встрѣчаются въ нашей книжной торговлѣ. Желательнo, чшобъ сочиненія, выходящія въ свѣтъ отъ различныхъ ученыхъ Россійскихъ сосло-

Но ничто мнѣ не препятствовало сообщить моимъ товарищамъ нѣсколько изъ сладкихъ чувствованій, кошорыя имѣлъ я (при крашкременномъ, къ сожалѣнію!) обзорѣннѣ дворца и гулябищъ Павловскихъ. Впрочемъ я напрасно *себѣ одному* присвоиваю сѣ чувствованія: ихъ раздѣляли мое семейство и наши друзья, въ обществѣ кошорыхъ мы провели незабвенное утро 31 Юля. Да позволяшь они мнѣ бытъ его испо-

ній, имѣли хопя по одной общей комисіонерской лавкѣ въ каждой изъ столицъ, *въ ряду лавокъ гасныхъ своо рода*. Такой магазинъ приличнѣе бы украшалъ, напрымѣръ, сосѣдство Императорской Библиотеки, нежели магазинъ свѣчь и мыла, (*салныхъ свѣчь и мыла*, сказано въ золотомъ надписи), кошорой непосредственно подлѣ оной находится, ко удивленію проходящей нашей братьи провинціаловъ. Я долженъ былъ употребить шесть дней на омысканіе чепырехъ книгъ, изъ кошорыхъ одну слѣдовало купить въ магазинѣ Экономическаго Общества, другую въ Академіи Наукъ, третью въ Академіи Россійской, чепвершую въ Морской типографіи. Я же *вздилъ*: прошу покорно *исходить* въ сѣи мѣста!.. При томъ, кто изъ прѣзжающихъ знаешь, *гдѣ глѣо* можно найти? Книгопродавцы совѣмъ не держашъ упомянутыхъ книгъ, даже и въ столицахъ, кромѣ развѣ календарей, но причинѣ, что казенныя мѣста не могутъ заплащивъ за комисію нѣхъ чрезвычайныхъ проценщовъ, кои они привыкли брать. Оспавляю судить, доходяшь ли оныя къ намъ, ошдаленнымъ жищеламъ.

риографомъ. Да простишь и невинное мщеніе надъ ними, которое я здѣсь себѣ позволяю.

Разсѣвшись съ великолѣпными видами Сарскаго или *Царскаго* села почти въ восемь часовъ вечера (30 Іюля) мы по прекрасной и покойной дорогѣ непримѣнно очутились у Павловской заставы. Она открыта для всякаго: никакіе распросы не останавливаютъ въѣзжающихъ. Полиція не видна въ семь городѣ. Она заботится только объ удовольствіи посѣщителей. Она не подозрѣваетъ, кажется, чтобы могъ кто войти въ оной съ инымъ намѣреніемъ какъ поклониться *Матушкѣ*, и насладиться живою. Единообразное, окрестностямъ С. Петербурга и Царскаго села свойственное мѣстоположеніе измѣняется при самомъ въѣздѣ. Взору открывающагося возвышенія и долины. На лѣво предъставляется необозримый садъ, гдѣ слышенъ шумъ водопадовъ, на право прямолинейныя улицы, обсаженныя по обѣимъ сторонамъ деревьями, между которыми проглядываютъ укромныя, численныя домики. Сей видъ уже вливаетъ въ ду-

шу какое-то удовольственное чувство, котораго я не ощущала въ столицахъ и ни въ одномъ изъ Губернскихъ нашихъ городовъ. Мы спустились подъ гору, и дворець показался. Намъ трудно было себя утѣшить, что это подлинно онъ: за полчаса мы видѣли также дворець; и мысль, сколь огромны и сельскіе чертоги Царей нашихъ, на насъ еще дѣйствовала. Нельзя однакоже отрицать, чѣмъ зданіе это не было и великолѣпно въ своемъ родѣ. Но оно еще болѣе прелестно, нежели величественно, особливо со стороны саду, гдѣ боковыя его части, составляющія большое и превосходящее главной фасадъ полукружіе, закрыты деревьями, а сей послѣдній одинъ видѣнь. Изящный и разборчивый спрощель располагалъ его рисункомъ и увѣнчалъ оной рондою въ древнемъ вкусѣ. Сей дворець, предъ которымъ по обширному косогору природа разослала бархатный коверъ, глядясь съ высоты своей въ озеро. На озерѣ плавають нѣсколько расписанныхъ и славами развѣченыхъ судовъ, а за озеромъ шу-

мишь съ горы широкой водопадъ, ж. вли-
ваещъ въ него свои струи.

Тогда же вечеръ еще, пользуясь прекрас-
ною погодою, слушали мы, вблизи, шумъ
его, конюрой при блескъ освѣщеннаго двор-
ца очаровываешь! Блескъ сей привлекалъ
насъ къ себѣ нечувствительно болѣе и бо-
лѣе. Даровеніе наше умножилось. Мы воз-
шли на крыльцо... и чтоже напоследокъ?
одна только, и то открытая дверь стала
ощущать насъ отъ Государыни. Она была
съ приближенными своими, за ужинымъ
столомъ. Сельской кошьюмъ Ея Величества
и Великой Княжны, милости исполненные
взоры на окружающихъ, Ея движенія...
все сіе составляло для насъ зрѣлище вос-
хищительное. Оно заняло полною всю ве-
чернюю нашу бесѣду.

На другой день Государыня Императрица
позволила выѣзжать въ Александровскую са-
брику, и мы безпрудно получили позволе-
ніе взглянуть на внутренность дворца.
Устра не можно было употребить време-
ходилье! Мы начали съ собственнаго Ея кон-

нашъ, на коврахъ, кофрахъ, такъ сказано, не простила савды Ея. Какое чувствованіе для щастливаго мужа съ женою, для отца съ дѣтьми, войши въ сіи чертоги!.. Я хотѣлъ, облобызать праги ихъ. Тамъ чистѣйшая любовь супружеская имѣла, тамъ машеринская нѣжность имѣла, свѣе святилище. Изображенія всѣхъ особъ, любезныхъ сердцу Государини, отъ родителей до внуковъ, составляютъ лучшее украшеніе Ея оючивальни. На пишемъ шоль Ея видѣли мы портреть Государя Императора, недавно предъ симъ писанный знаменишымъ Изабеемъ. Впрочемъ признаюсь, что на медали, поднесенной въ Парижскомъ монетномъ дворѣ въ Высочайшее посѣщеніе 1814 года и въ бюскахъ Марцо-са и Малиновскаго - Демута благородныхъ черпы нашего Монарха, для меня выражены истиннѣе. О портретахъ я не говорю: ибо домыль нѣтъ, кажешся, ни одного *совершенно* сходнаго.

Но уже непергѣливыя наши дамы повлекли насъ далѣе, и я едва успѣлъ бросить бѣглой взглядъ на простой приборъ для рабо-

ны, занимающей прудолобивыя руки Государыни. Пускай другіе описываютъ дорогія картины и уборы дворцовыя!... Изъ внутреннихъ комнатъ мы въѣхали въ благоговѣиѣ кабинеть покойнаго Государя Императора. Онъ украшенъ весь собственноручными прудами Императрицы. Знаюшь ли унасъ въ ошдаленныхъ Губерніяхъ, что Ея Величество пишетъ красками, упражняется въ льной работѣ изъ воску (*en bas relief*) и даже почишь при шомъ еъ шакимъ искусствомъ, которое можеть приспудитъ лучшихъ художниковъ? Цѣлыя картины, представляющія большею частію семейственныя сцены, сущь шому доказательствомъ. Приборы пишлага шода въ сей комнату шакже произведеніе Ея шокарнаго искусства изъ словной косши, произведеніе исполненное вкуса, ошдѣлки превосходной! На ешолъ лежишь собраніе *des plantes grasses, par Redouté* и другія ботаническія сочиненія, въ шомъ самомъ порядкѣ, сказали намъ, какъ они положены были при жизни Его Величества въ послѣднее пребываніе въ Павловскъ. И върошно, ибо новѣйшихъ NN, не достаетъ. Слѣдо-

вашельно Государь любилъ Ботанику: . . .
 Было ли, есть ли хотя одно царство, гдѣ
 бы дома Царскій имѣлъ столько просвѣще-
 нія, какъ у насъ? Я вспомнилъ при семъ,
 что Великою Княгинею Екатериною Павлов-
 ною весь Лондонъ восхищался, видя въ одной
 Принцессѣ столько соединенныхъ досто-
 янствъ. Извѣстно также, какъ впечатлѣніе
 сдѣлали Великіе наши Князья въ Германіи.

Еще дверь была опперна: и мы вошли
 въ садъ Царицы, гдѣ Она уединенно гуляла
 изволила. Прелестной садикъ! особливѣ
 аллея, оканчивающаяся у улицы поршикомъ
 (шѣмъ самымъ, въ срединѣ котораго при
 Граціи поддерживающъ вазу) и двѣ боковыя
 крышыя аллеи. Это какъ бы двѣ галлерей особъ
 ливаго роду. Нигдѣ я не видывала такого из-
 бышка прекраснѣйшихъ цвѣтовъ какъ въ семъ
 саду. Они составляли на каждомъ шагу, при
 каждомъ движеніи взора большія живописныя
 картины, неподражаемыя искусствомъ. Но...
 увидѣвъ, что Сѣверо-Американскія липа и
 дикіе каштаны изуродованы морозами, что
 даже липы, которыя у насъ въ полуден-
 ныхъ Губерніяхъ на просыхъ огородныхъ

грядяхъ роскошно: распушь, здѣсь должно сажать въ горшки, я пожелалъ, чтобы климатъ *сколько нибудь* боѣе соотвѣтствовалъ милосердію Хозяйки. Возвратясь изъ сего безмолвнаго садика, которой солнце спокойно освѣщало, какъ разительною мнѣ показалась буря Вернешова! Превосходная картина! но *быстроногія* наши спутницы *) не дали мнѣ разсмотрѣть ее: должно было всходить на верхній этажъ.

Я не стану описывать ни комнатъ, въ которыхъ обыкновенно останавливается Великая Княгиня Екатерина Павловна, ни круглой, ни Греческой, ниже прѣсной залы. Нѣтъ въ семь дворцѣ дорогихъ обоевъ и семиаршинныхъ зеркалъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ отличныхъ произведеній искусства, между которыми на *прелѣ* нашемъ поразили насъ два ландшафта: *заходящее солнце и луговая ночь*,

Все просто, чисто такъ, какъ сердце у Нян!

Вошли въ церковь, альфреско украшенную Мешпелейшеромъ. Копія ночи Кор-

*) Извините, Милосливныя Государыни! не изобрѣлъ это выраженіе. Оно взято изъ Илиады.

реджіею, въ коей вся картина чудесно освѣщается Младенцемъ Спасителемъ, едва ли усущаешь своему оригиналу. А картинная галлерей? . . . Но линѣйка ожидала, чтобы везши все наше общество къ розовой бесѣдкѣ, pavillon des roses. Мы просились съ дворцомъ.

Какое впечатлѣніе производить эпопѣею садовой залы, весь съ низу до верху убранный розовыми плешеницами! Не знаю, какъ по (а плешеницы цвѣтотъ видно тому причиною!) старинной праздникъ въ Царскомъ селѣ, безсмертнымъ Бардомъ нашимъ *своиственнымъ ибъ ему одному образомъ* воспѣтой, и слышанное мною о принятіи здѣсь великаго Гостя, Побѣдоносца и Примиришеля Европы, слились въ душѣ моей. Это воспоминаніе, Гонзагина воздушная деревня и все окружающее здѣсь посьпителей, подлинно *вообщимъ*. Мило и позволеніе, данное симъ послѣднимъ, записывать свои чувствованія въ определенную на то памятную книжку (Альбомъ). Она свидѣтельствуетъ, что сію бесѣдку добродѣтель посвятила свободѣ.

Многочисленные здания, размѣщенные въ Павловскомъ саду съ разборомъ и приличіемъ къ каждому мѣстоположенію, охраняющія опшавными воинами. Такъ прилично соглашашь съ челоуѣколюбіемъ и отечесшвенною пользою свои удовольствія! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ всегда гошовъ для посѣщителей сельской завтракъ, состоящій изъ сливокъ, свѣжаго шворогу, и превкуснаго ржанаго хлѣба. При семъ, нельзя надившись услужливости и вѣснѣ безкорыстную упомянутыхъ присшавовъ.

Не однажды измѣнялись въ глазахъ нашихъ каршинные виды. Уже можестиво сосонъ, елей и березъ промелькнуло мимо насъ (саду исходишь нѣшъ возможности въ одинъ день!); мы остановились у ограды съ садовою дверью, чтобы поклониться памяшнику, воздвигнутому Марією *родителямъ, брату, и сестрамъ, Фридерикъ и Елисаветъ*. Чувство сердца благороднѣйшаго: мысль прекрасная! исполненіе достойно васъ. Неподалеку другой памяшникъ, къ кошорому ведешь дверь съ сдзоприемнымъ сосудомъ (*olla lacrymalis*). Кто будешь столько нечувствит-

инедень, чшобъ обозрѣвашъ сіе изящное
двухъ искусствъ произведеніе, не раздѣляя
чувствъ его соорудительницы?

„Супругу Благодарствую“

гласить надпись. Рѣшенчащые врапа бы-
ли запершы; я приложился къ нимъ уста-
ми съ умиленіемъ сердечнымъ: ж онѣ не воо-
препили мнѣ издали разсмашривашъ небес-
ную жену, просшершую предъ урною, и съ
чувствомъ неушѣшной горести, какое шы-
полько, о Маршось, нашъ Канова, великій
мой соотечественникъ! изобразить могъ, объ-
емлящую хладный прахъ. Барельефъ въ низу
достойнѣ примѣчанія по изобрѣшенію про-
сшому, ясному, величественному. Какъ не
узнать Тебя, кошораго давно я называю
Тралянолб, въ Римской Твоей воинской
одеждѣ сѣдшаго, хотя лице Твое отъ скор-
би руками закрышо! Предъ Тобою стоишь,
лія слезы и ушѣшая, Твой брашь... Худо-
жникъ изобразилъ все Августѣйшее семей-
ство въ сшилѣ высокомъ, до кошораго новые
художники рѣдко доспигаюшь! *)

*) Иванъ Пешровичъ Маршось, Адъюнктъ-Ректоръ
Императорской Академіи Художествъ, уроженецъ

Но поспѣшимъ *еще* подивиться рѣзцу его. Тамъ въ долину воздвигнувшись, поддерживаемый шокмо столпами Ионическими, куполь. Поднимъ на порфироподобномъ граничномъ подножии являеяся существо, гошное оставишь сей пльный мѣръ. Посмотрите! Посмотрите! оно въ сіе самое мгновеніе отдѣлился отъ подножия. Это не тяжеловѣсной мраморъ: это призракъ, изъ легкаго облака составленный. Въ Ангельскихъ чертахъ его узнаеше В. Кн. Александру Павловну. Гименей съ погасяющимъ, къ землѣ обращеннымъ пламенникомъ хочешь ее удержашь.

Какой взглядъ! Глубочайшая горесть, невѣношь, безнадежношь. прощанье: всѣ сіи чувства вмѣстѣ разлито на прекрасномъ лицѣ, и каждое изъ нихъ познаваемо. Между шмъ какъ взоръ Великой Княгини, кошорой чело уже увѣячано безсмертіемъ, увлекаешъ зрителя за собою въ шѣ надъвзднныя сираны, *надъже нѣсть ни легаль, ни воздыханіе, но*

изъ *Игни*, мѣспечка Полшавской Губерніи. Онъ. Г. Прокофьевъ и Г. Екимовъ ошлывашель, ибо я здѣсь говорю только о скульптурѣ) художники, каковыхъ *много* въ Европѣ!

жизнь безконечная. Все выражено! вся Исторія кончины Усопшей. Мы видимъ юную супругу, безвременно обшавившую сей свѣтъ въ полномъ упованіи *лучшаго.* Нѣтъ нужды въ надписи. Нѣтъ нужды въ ашприбушахъ. Такъ выражали древніе!

Ангель ушѣшишель да прикоснешся къ сердцу Твоему, при всякомъ Твоемъ возрѣніи на сей памятникъ искушва, памятникъ и машерней Твоей скорби, Машь нѣжная, *гадолубивая* дражайшихъ намъ дѣшей, общая Машь сиротъ и несчастныхъ!...

Авг. 5 1815.

В. К.

II.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

1) Ея Величеству
 ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ
 МАРИИ ѲЕОДОРОВНЪ

*на случай молебствія въ С. П. бурескомъ Ка-
 занскомъ Соборъ 22 Юля 1815 года.*

Славь Бога Вышняго, блаженная Россія!
 И зри, какой примѣръ даешь шебѣ Марія.
 Лишь слухъ до Нѣи достигъ о подвигахъ Царя,
 Поверглася въ слезахъ Она у оцаря.
 Тупъ жершву чистую ошъ сердца приносила,
 И духъ къ Творцу міровъ и мысли воскришла.
 Моленіе Царей восходишь къ небесамъ.
 Великій нашъ Монархъ исполненъ вѣры Самъ.
 Мы въ Сынѣ Машеръ зримъ, зримъ въ Машери мы
 Сына,
 Въ Навъ чувсхва и сердца и въ двухъ душа една,
 Чрезъ Нихъ на подданныхъ діется благодать.
 Великаго Царя лѣвомъ нѣжнѣйша Мать!
 Изъ славы въ славу Царь геройскій прелешаетъ,
 Какъ нѣжный Сынъ, съ Тобой Онъ лавры раздѣляетъ.
 А чшобы именемъ Твоимъ сей день почшить,
 Спѣшишь въ сей саммѣ день побѣду возвѣсшить;
 И Твой пресвѣшаный взоръ во храмъ лишь явился,
 Петрополь предъ Тобой восшоргомъ вспламенился.
 Мы купно съ нимъ гласимъ, усердіемъ гора:
 О Господи! спаси и Матерь и Царя!

К... жна К. Ур—ва.

С. Шемешово,
 4 Августа 1815.

2) Зяблякъ въ золотой клеткъ.

Васня.

Въ черпогѣ зеркальномъ, въ блестящихъ вышности одѣ-
номъ,

Гдѣ и зимою всецвѣшешь, какъ будишь лѣшномъ,
Въ богатой клеткѣ золотой,

Я видѣлъ зяблика. — Дичокъ, пѣвецъ простой
Смотри куда попалъ! — Ужъ вѣрно лѣсъ и поле, —
Гдѣ онъ не боля

Какъ бѣдной пшичкой былъ,
Забывъ! —

Ну, кшобъ не промѣнялъ овраги, дичъ и горы
На мраморъ, бронзы и фарфоры!...

Но, думалъ я, судьба не всякому сродна,
Не всякаго даришь такимъ блестящимъ щастьемъ!
Да что онъ не поешъ? — Тушь мнѣ въ ошвѣшъ одни:
„Онъ, что-то эти дни,

Все грушенъ, все молчишь, какъ будишь предъ не-
нашьемъ.“

Другіе говорятъ: „Ему ли шумъ не жишь!“ —
И впрямъ, да можно ли и въ золотѣ шужишь!...
Но вошь ошарылъ рошокъ: знашь пѣшь! нѣшь, —
говоришь:

„Возмише прочь всѣ ваши блески,

„Возмише злашо, роскошь прочь!

„Ошдайше мнѣ мои родные перелѣски:

„О, люди! мнѣ уже не въ мочь

„Сносишь вашъ толкъ о пышной долѣ,

„Въ кошорой, мыслише, я долженъ былъ блаженъ:

„Ахъ, вамъ ли знашь о шомъ, какая радость въ
полѣ?

„У васъ въ черпогахъ — пышной пѣнь!“ —

Такъ зяблякъ говоришь; а кшо-шо шумъ въ ошвѣшъ:

„Ну, полно-ше, мой свѣшь!

„Что въ полѣ? шамъ тебѣ, куда порхнешь, напаси:

„Тамъ буря, ночь съ дождемъ! шамъ яспребъ, видѣ
спрѣка,

„Зимой — мшель, морозъ; весною жди силка!“ —

„Все такъ! но мнѣ всего страшнѣй людскія
ошраски!

„Я пѣшь; кричаешь: *постой!*
 „Я скучень, *что молчишь? запой!* —
 „Рабъ дури, прихощей, я здѣсь не свой; а въ полѣ
 „Вашъ заблѣкъ въ полной волѣ!
 „А съ чѣмъ же шо смѣнишь, чшо шамъ я полечу—
 „*Куда хочу?*“

Федоръ Глинка.

III. СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1815 ГОДА.

116. † *На вторитное вступленіе сыновъ Европы въ Парижъ послѣ побѣды при лѣстеткѣ, Прекрасный Союзъ называемой. Сочиненіе Графа Дмитрія Хвостова. С. П. б. 1815 въ шип. Іоаннесова съ 4, 8 стр.*

117. † *Кратковъ толкованіе на литургію. Въ пользу благородныхъ воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ и училища ордена С. Екатерины, изъ разныхъ церковныхъ писателей извѣстенное законоуцителимъ Іаковомъ Воскресенскимъ. С. П. б. 1815 въ шип. Военнаго Министерсва, въ 8, 87 стр.*

118. * *Горации и Куріации. Лиритеская трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ хорами, балетами и сраженіями, музыка Доминика Чиларозы. Переведенная съ Итальянскаго А. Шеллеромъ С. П. б. 1815 въ шип. Театральной, въ 8, 56 стр.*

С О В Р Е М Е Н Н А Я И С Т О Р І Я

и П О Л И Т И К А.

IV.

Послѣднія явленія Испанско-Французской войны въ 1814 году.

(Окончаніе.)

Окрестности *Тулусы* покрыты уже были укрѣпленіями, когда *Лордъ Веллингтонъ*, чрезъ три дня по прибытіи *Маршала Сульта*, показався со всею своею арміею, состоявшею изъ 10 или 12,000 человекъ конницы и 40 или 50,000 человекъ пѣхоты. Онъ спалъ въ полукругиіи разстояніемъ не много болѣе полумили отъ позиціи Французовъ. Сперва намѣрень онъ былъ немедленно на другой день сдѣлать атаку; но послѣ того отложилъ сіе намѣреніе, узнавъ, что партизаны обезпокоиваютъ его съ тылу и что въ городахъ *Готерцевъ*, *Синтегабелль*, *С. Гибаръ* и *С. Жиронъ* составились партіи, копоры грозили отрѣзать привозъ продовольствія, и отняли уже стадо быковъ. Для прекращенія сихъ безпокойствъ, Веллингтонъ употребилъ часть своей конницы. Въ три дня возстановился прежній порядокъ, и великое присрашнє жителей южной Франціи къ деньгамъ было причиною, что Веллингтоновъ лагерь былъ снабжаемъ всѣмъ потребнымъ для арміи. Весьма медленно исполнялись приказанія Наполеона о введеніи земскаго ополченія. Въ Бришанскомъ лагерьѣ былъ всякому открытъ входъ и выходъ, а во Французскомъ никто не смѣлъ сойти съ мѣста.

Сомнительно было атаковать Тулузу съ западной стороны, потому что предмѣстіе *С. Кипріяна* отъ того предано было бы разрушенію, и нельзя было ожидать хорошаго успѣха. *Лордъ Веллингтонъ* отрядилъ 15,000 человекъ на *Фоаскую* дорогу и навелъ у *Пинфогелла* мостъ,

надѣясь, что опшуда войски его достигнуть *Синтегабельскаго* моста, чтобы обойти Тулузу и атаковать сей городъ чрезъ предмѣстіе *С. Михаила*, которое вовсе не было укрѣплено. Однако дѣйствіе сіе не удалось по причинѣ дурныя дороги и глубокой грязи въ *Лорезской* области. Веллингтонъ, вѣрившись наконецъ, что дорога изъ *Арижа* въ Тулузу также непроходима, рѣшился атаковать Маршала Сульта, въ его укрѣпленномъ лагерѣ, и испытать щастіе съ искусствомъ. Въ сіе время Парижъ уже былъ взятъ, и Наполеонъ отставленъ, Французскія войска освободились отъ своей присяги, и переговоры союзниковъ съ отставнымъ Императоромъ приходили къ окончанію; но на югѣ о вѣсѣ сихъ происшествіяхъ ничего еще не знали, и все, что предусмотрительное Правительство старалось сдѣлать для отвращенія предстоящаго сраженія, разрушено было безвременною ревностью Императорскаго приверженца. Еще 7 Апрѣля отправленъ былъ изъ Парижа Полковникъ *Кукъ* нарочнымъ, чтобы уведомить *Лорда Веллингтона* о положеніи вещей. Съ нимъ ѣхалъ Полковникъ *Сенд-Симонъ*, имѣвшій поже порученіе къ Маршаламъ *Сульту* и *Сюшту*. Коммисія ихъ была весьма важна; ее уважали повсюду, даже и на берегахъ Лоары, не взирая на пагубное вліяніе правительства въ *Блоа*. На берегахъ *Тара*, въ *Монтобанѣ* за десять часовъ отъ *Тулузы*, встрѣтились они съ препятствіями. Г. *Булье-Дюмоларъ*, Префектъ Департамента *Тара* и *Гаронны*, приказалъ арестовать парламентаровъ. Они 9 числа были бы уже въ *Тулузѣ* и могли бы отвлечь сраженіе, происшедшее 10. Отъ 10 до 12,000 воиновъ заплашили за сей поступокъ жизнью или здоровьемъ!

Сультъ сосредоточилъ свои силы, чтобы защитить меншую линію. Лѣвое его крыло находилось за стѣнами церковной ограды въ предмѣстіи *С. Кипріяна*, и расположилось дорогою по прекраснымъ аллеямъ, которыя были волею

ны; правое упиралось въ устье Лангедокскаго канала. *Лордъ Веллингтонъ* также сплкнулъ свою линію и приготовился къ общей ашпашѣ. До сихъ поръ немногіе выстрѣлы извѣщали о присутствіи двухъ непріятельскихъ арміи, но въ ночи съ 7 на 8 Апрѣля *Лордъ Веллингтонъ*, безъ вѣдома Сульши, приказалъ у деревни *Бозель* навести чрезъ *Гаронну* мостъ, прошивъ пре-и-раснаго замка *Бланьяка*. Въ ту же самую ночь главная квартира, Испанскій корпусъ и Португальская артиллерія, всего 15,000 человекъ перешли подъ командою Генераль-Лейтенанта *Дона Манцелла Фрейра* чрезъ *Гаронну* и ошправились чрезъ *Минилскую* равнину къ городу. 18 Англійскій гусарскій полкъ, подъ начальствомъ Полковника *Вивіана* ашпаконвалъ кавалерійскій корпусъ и прогналъ его за деревню *Лакроа д'Орадъ*. Сямъ первымъ успѣхомъ получилъ Веллингтонъ въ свою власть важный мостъ на рѣкѣ *Эрсъ* чрезъ которую надлежало ему перейти, чтобы ашпаконвалъ Французскую армію. 9 число прошло въ небольшихъ сшибкахъ. Тулузцы видѣли, что кровопролитное сраженіе рѣшишь участь города. Чтобы сократить сообщеніе находившагося на правомъ берегу *Гаронны* Испанскаго корпуса съ корпусомъ Генераль-Лейтенанта *Гидла*, *Лордъ Веллингтонъ* приказалъ наведенный чрезъ сію рѣку мостъ перевести выше. Планъ ашпакон былъ готовъ. Онъ состоялъ въ томъ, что корпусъ *Маршала Верресфорда* долженъ былъ перейти *Лакроа д'Орадскій* мостъ, овладѣть деревню *Монбланъ*, пойши вверху по рѣкѣ *Эрсъ* и обойши такимъ образомъ правое крыло Французской арміи, между тѣмъ какъ Генераль-Лейтенанту *Донъ Манцелю Фрейру* поручено было съ Испанскимъ корпусомъ, подкрѣпляемымъ Британскою кавалерією, ашпаконвалъ фронтъ. Начало ашпакон определено было сдѣлать легкою дивизією, подъ командою *Пиктона* и бригадою Нѣмецкой кавалеріи, на нижней части Лангедокскаго канала, чтобы арміи обратились

вниманіе Французской на сію точку; между тѣмъ Генераль-Лейтенанту *Гиллю* надлежало сдѣлать такой же маневръ противъ войскъ, защищавшихъ предмѣстіе *С Кипріана*.

10 Апрѣля (н. ст.) въ первый день С. Пасхи, всѣ войска союзниковъ пришли въ движеніе, а Французскія, въ боевомъ порядкѣ, приготовились къ сильному сопротивленію. Сраженіе началось въ 7 часовъ поутру, при устьѣ канала. Оно было весьма сильно. Французская бригада, поспѣвшая съ самаго начала, зажгла нѣсколько домовъ, чтобы удержатъ непріятеля, и оштурпила въ мостовое прикрытіе у соединенія обоихъ каналовъ Бриенскаго и Лангедокскаго; и туть нажидала союзниковъ. Между тѣмъ Маршаль Бересфордъ перешелъ чрезъ рѣку *Эрсъ*, раздѣливъ свой корпусъ на три колонны, овладѣвъ деревнею *Монбланъ* и пошелъ непосредственно за симъ вверхъ по *Эрсу* въ томъ же порядкѣ по трудной дорогѣ въ параллельномъ направленіи съ крѣпкою позиціею Маршала *Сульты*. Лишь только дошелъ онъ до точки, гдѣ обошелъ позицію, то и приступилъ къ атакѣ. Въ то же время Испанскій корпусъ Генераль-Лейтенанта Фрейра дошелъ по лѣвому берегу *Эрса* до *Лакроа д Орада*, гдѣ остановился въ двухъ линіяхъ на высотѣ, предъ лѣвымъ Французскимъ крыломъ. Сюда привезли также и Португальскую артиллерію. Фрейрдъ, увидѣвъ корпусъ Маршала Бересфорда на мѣстѣ, водвинулся впередъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ атаковать упрямленія Французовъ. *Сультъ* имѣлъ намѣреніе встрѣпить союзную армію сильнымъ пушечнымъ огнемъ, и потомъ воспользовавшись благопріятною минутою, раздѣлитъ ее смѣлою и рѣшительною вылазкою. Съ начала казалось все удачнымъ. Армія его, стоя твердо въ своихъ линіяхъ, смотрѣла безъ всякой боязни на приближеніе въ лучшемъ порядкѣ Испанскихъ войскъ, предводительствуемыхъ своимъ Полководцемъ, которой окруженъ былъ Генеральнымъ штабомъ. Въ самомъ рвѣ спанови-

лись они въ линію, посреди огни, между пѣть какъ резервъ, Португальская артиллерія и Англійская конница занимали высоты, на копорыхъ они прежде стояли. Французскія бригады столь хорошо держались, что все правое крыло Испанскаго корпуса, въ движеніи его около фланга позиціи, было отражено съ потерею. Тогда *Сультъ* приказалъ итти въ ашпакъ — и войска его бросились изъ своихъ линій, обошли правое крыло Испанскаго корпуса съ обѣихъ сторонъ дороги изъ *Тулузы* въ *Лакрод'Орадъ*, произвели ужасное кровопролитіе и привудили своихъ противниковъ ошсчупить въ безпорядкѣ. Въ семь сраженіи ранены Генераль-Лейтенантъ *Мендизабаль* и Генераль *Эспелетта*, также многіе Шшабъ и Оберъ Офицеры. Такимъ образомъ первое нападеніе было отражено; и Французская армія, гордясь симъ начальнымъ успѣхомъ всюду, противупоставляла многочисленнымъ непріятелямъ сильное сопротивленіе. Но *Веллингтонъ* удвоилъ свои усилія. Четвертая и шестая дивизіи, подь командою Маршала *Бересфорда*, взяли, по многократныхъ ашпакахъ, часпъ высоту и овладѣли первымъ шанцемъ, *ла-Пюжадъ*, прикрывавшимъ флангъ позиціи. Непосредственно за симъ Англо-Португальскія войска заняли сіи высоты, хотя во власти Французской арміи находились еще четыре редуша и множество другихъ укрѣпленій и домовъ. Не безъ кровопролитія пріобрѣшена была первая выгода, и Французы, казалось, рѣшились защищать каждой шанецъ. Съ стороны союзниковъ ашпака была отложена до прибытія артиллеріи Маршала *Бересфорда*, копорую задерживали дурныя дороги и дошолъ пока Испанскій корпусъ не будетъ въ состояніи возобновить нападеніе. По совершеніи сего, Маршалъ *Бересфордъ* предпринялъ свои наступательныя движенія вдоль по высотамъ, бригадою Генерала *Пака* и шестою дивизіею ашпаковалъ онъ мало по малу прочіе редушты. Въ семь предпріятіи Испанцы и Португальцы

неоднократно были отражены; но *Веллингтонъ*, не взирая ни на храброе сопротивление Французской армии, ни на важные потери въ своихъ войскахъ, приказалъ возобновить атаку Шотландскимъ корпусомъ, которому около полудня удалось овладеть обоими редутами центра и укрѣпленіями, составлявшими главную силу позиціи. Въ семь дѣлъ убитъ Подполковникъ *Ковлонъ* а Подполковникъ *Дугласъ* лишился ноги. Уже побѣда явно склонялась на сторону союзниковъ; уже окончаніе дня прешло бытъ сомнительнымъ, когда Англичаме не подалѣку отъ замка *Гери*, у канала, принуждены были выдержать отчаянную атаку Французской дивизіи, которая была въ засадѣ и хотѣла отнять высоты. Генераль *Топень*, командовавшій оною, могъ бы разрѣзать союзную армию и отдѣлить ее отъ праваго крыла, состоявшаго подъ начальствомъ *Гилля*; но слѣдуя слѣпой своей храбрости вышелъ онъ изъ засады слишкомъ рано, а потому былъ окруженъ, опрокинутъ и заплашилъ жизнью за неумѣстную ревность. Дивизія его отступила съ значительною потерею; и между тѣмъ какъ шестая Англійская дивизія продолжала походъ на вершину горы, а Испанскія войска дѣлали соотвѣтственное сему движеніе у подошвы оной, — Французская армія была вытѣснена изъ обоихъ редутовъ, и укрѣпленій на лѣвой сторонѣ. Тогда *Веллингтонъ* безъ всякаго уже труда овладѣлъ *Монтодронскою* дорогою, ведущею въ *Лореве* и такимъ образомъ закрылъ Французской арміи всѣ выходы.

Между тѣмъ какъ сіи важныя дѣйствія происходили на лѣвомъ крылѣ Союзной арміи по ту сторону *Гаронны*, Генераль *Лейтенантъ Гилль* прогналъ правымъ крыломъ лѣвое *Маршала Сульта* изъ всѣхъ укрѣпленій предмѣстія *Св. Бипріама* по сю сторону рѣки; при этомъ Генераль *Лейтенантъ Пиктонъ* возобновилъ свои атаки и вытѣснилъ Французскія войска изъ мостоваго прикрытія у канала, а сре-

жение болѣе и болѣе приближалась къ окончанію. Побѣдоносная армія расположилась во-вругъ Тулузы съ трехъ сторонъ и принудила Французовъ овладѣть въ городѣ. Конница, по неудобству позиціи, не была въ сраженіи; но лишь только Веллингтонъ увидѣлъ, что дѣло рѣшилось въ его пользу, по и послалъ свою легкую каваллерію чинить опрѣзеть Маршалу *Сульту* дорогу въ *Монпелье*. 12 часовъ продолжалось сраженіе, съ 7 часовъ утра до 7 вечера. Всѣ позиціи были поврыты мертвыми тѣлами, а городъ наполненъ ранеными. Во время сраженія привезли въ оный многихъ Генераловъ; между прочими дивизионныхъ Генераловъ *Гариспа* и *Вурета*, бригадныхъ *Берлиера* и *Гаскета*, Полковника 10 линійнаго пѣхотнаго полка и батальоннаго командира *Марленкура*, управлявшаго бапареями; всѣ они были опасно или легко ранены. Ужасъ заступилъ мѣсто страха въ Тулузѣ. Доселѣ жители города были заглушаемы шумомъ сраженія; но когда армія, болѣе нежели изъ 10,000 человекъ состоявшая, вбѣжала въ городъ въ величайшемъ разстройствѣ, расположилась по квартирамъ и предавалась всякимъ неистовствамъ. дѣлая также приготовленія къ оборонѣ: тогда бѣдные Тулузцы думали, что предъ ними разверзается адская бездна. Въ 9 часовъ вечера *Веллингтонъ* поспребовавъ сдачи; но *Сультъ* отвѣчалъ что онъ рѣшился погибнуть съ своею арміею подъ стѣнами города. Такъ началось 11 Апрѣля.

Въ этотъ день Французская армія дѣлала налсады, становилась вокругъ стѣнъ, чтобы до послѣдней крайности защищать городъ, а союзники закладывали бапареи, привозили мориры и готовились къ осадѣ. Французы вспомнили объ участіи *Сарагоссы* и *Тарагоны* и вознамѣрились поступить также. Требованіе сдачи было снова предложено; но Маршалъ пребылъ швердъ въ своемъ отвѣтѣ. Такъ прошелъ день. Наконецъ, вечеромъ около 9 часовъ, Маршалъ собралъ военный совѣтъ, къ кошорому

допущены были многіе депутаты гражданства. Сии усиленно просили спасти городъ; и какъ многіе Генералы подкрѣпили ихъ прозьбу, то онъ рѣшился ночью выйши изъ города. Вѣроятно, что это дѣлалось съ согласія *Веллингтона*, который далъ *Герцогу Ангуйемскому* обѣщаніе пощадишь *Тулузу*. Всѣ войска Маршала *Сульты* потянулись подъ пушками Англійской арміи, безъ выстрѣла, по одной шолько дорогѣ, которая оставалась для нихъ свободою. Маршалъ, коего артиллерія и багажъ шли впереди, направилъ отступленіе свое къ нижнему *Лангедоку*, на *Кастельнодари*, оставивъ въ *Тулузѣ* около 2000 раненыхъ. Съ восходомъ солнца вышли жители Тулузы изъ своихъ жилищъ и не мало удивились, увидя пустыя улицы. Англійскія войска приближались къ городу и движенія ихъ показывали, что ихъ нѣчего опасаться. Напослѣдокъ, въ восемь часовъ, одна дивизія вошла въ городъ чрезъ ворота *С. Кипріяна* и вышла изъ онаго чрезъ ворота *С. Михаила*. Другія дивизіи расположились въ сосѣдственныхъ деревняхъ или преслѣдовали армію Маршала *Сульты*. Тогда Тулузцы увидѣли, что желѣзное иго Наполеона разрушено; и по многихъ пожертвованіяхъ, которыя они должны были сдѣлать, почувствовали ревностное желаніе послѣдовать примѣру Бордо. Они начали произносить восклицанія: „да здравствуетъ Король! да здравствуютъ Бурбоны! да здравствуютъ потомки Генриха IV! да здравствуетъ Лудовикъ XVIII!“ Съ согласіемъ съ общимъ желаніемъ, гражданское Правительство подняло бѣлое знамя. Съ симъ знаменемъ, пошли на встрѣчу *Лорду Веллингтону*, когда онъ въѣхалъ около 10 часовъ утра и остановился на дворѣ Капитоліи. Усердіе Тулузцовъ къ Бурбонамъ было столь велико, что *Веллингтонъ* самъ принужденъ былъ укрощать оное. Но слова его имѣли шолько минушное дѣйствіе; и когда радостныя восклицанія опять возобновились, то *Лордъ Веллингтонъ* самъ принялъ въ нихъ участіе, до

собственному ли побужденію, или пошому что онъ зналъ положеніе дѣлъ въ *Парижѣ*. Къ великой радости Тулузцевъ, Полковники *Кукъ* и *С. Силонъ* прибыли въ пять часовъ по полудни и исполнили ихъ желанія, *Монтобанская* Префекшура освободила ихъ, услышавъ отовсюду подтвержденіе ихъ словъ! Тулузцы узнали изъ устъ *Веллингтона* о сверженіи Наполеона и опривзави Сенатомъ Лудовика XVIII. Радость ихъ была неизъяснима!

Полковникъ *С. Силонъ* ошправился немедленно далѣе, чтобы извѣстить Маршалавъ *Сультъ* и *Сюшета* о послѣднихъ происшествіяхъ при *Парижѣ* и склонить ихъ къ прекращенію военныхъ дѣйствій. *Сультъ* согласился только заключить перемиріе, въ которомъ *Лордъ Веллингтонъ* ему отказалъ. *Сюшетъ* прибылъ въ шопъ самый день, въ которой *Тулуза* досталась въ руки союзниковъ, съ остаткомъ Французской арміи изъ *Каталоніи* на Французскую землю, и какъ скоро узналъ о сверженіи Наполеона, то и вступилъ чрезъ Полковника *Рикарда* съ *Лордомъ Веллингтономъ* въ переговоры о прекращеніи непріяшельскихъ дѣйствій. Чрезъ нѣсколько дней *Сультъ* принялъ сіе же намѣреніе; и пошому на основаніи *Парижской* конвенціи, заключили другую, по которой Маршалавъ *Сульту* и *Сюшету* оставлены демаркаціонныя линіи въ шомъ сосояніи, въ которомъ войска ихъ находились во время перемирія, а *Гаронна* и *Тарнъ* назначены были границами *Лорду Веллингтону*. Въ южной Франціи давно ожидали прибытія *Сюшета* съ его арміею на помощь Маршалу *Сульту*; но это не могло быть исполнено пошому, что онъ отослалъ 22000 человекъ хорошаго войска къ *Ронской* и *Изерской* арміи, и принужденъ былъ съ 18000 человекъ занимать *Каталонскія* крѣпости, а между шѣмъ нельзя было заключить односторонняго мира.

Такимъ образомъ водворенъ былъ миръ въ южной Франціи. Самую пылкую радость произ-

вель онъ въ сердцахъ жителей *Бордо*. Чѣмъ бо-
 лѣе они дѣйствовали, тѣмъ болѣе должны были
 опасаться сдѣлать, естли бы дѣла у На ижа
 приняли другой оборотъ. Наполеонъ, весьма огор-
 ченный ихъ оппаденіемъ, сдѣлалъ было уже при-
 гошовленія къ завоеванію города, и 6000 чело-
 вѣкъ приближались по *Перигесской* дорогѣ. Жи-
 шели вознамѣрились сопротивляться, а чшобъ
 начашъ дѣйствія, сильнѣе, Графъ *Далузи* и
 Консръ-Адмиралъ *Пенрозъ* согласились съ же-
 ланіемъ *Ла Рошъ Жакевля*, снабдить Вандей-
 цевъ оружіемъ и порохомъ. *Герцогъ Беррійскій*
 прибылъ въ *Жерсей*. *Вртанскіе* роялисты
 ожидали его съ величайшимъ нѣшербнѣемъ Та-
 ково было положеніе вещей на семь берегу, ког-
 да 10 Апрѣля, во время богослуженія, пришло
 въ *Бордо* извѣстіе о сверженіи Бонапарша и об-
 рашномъ призваніи Бурбоновъ. Въ одно мгнове-
 ніе это извѣстіе распространилось по всему
 городу, и немедленно прервали обыкновенную
 службу, чшобъ оппѣть благодарственное молеб-
 ствіе „*Теперь ужъ не будетъ литься Француз-
 ская кровь!* воскликнулъ *Герцогъ Англемскій*,
 не зная, что въ шу минушу проливалась она
 рѣками у Тулузы. Корпусъ Генерала *Декана*,
 угрожавшій городу *Бордо*, не хотѣлъ сначала вѣ-
 рить столь внезапной перемѣнѣ; но какъ скоро
 сей Генералъ опправился къ *Герцогу Англем-
 скому*, чшобы ему покориться, то войска увѣ-
 рились въ истинѣ сего и раздѣлили общую ра-
 дость. Съ шого времени пріяшныя извѣстія
 сдѣдовали одно за другимъ; а когда узнали о
 прибытіи *Графа д' Артоа* въ столицу, и объ
 опъздѣ Короля изъ *Лондона*, происшедшемъ
 въ одно время съ опъздомъ *Бонапарша* къ
Фонтенбло, тогда всѣ вообразили, что вновь
 пришли въ тоже состояніе, въ какомъ были, до
 революціи, не размышляя о томъ, что возвра-
 щеніе въ потерянное уже состояніе, принадле-
 житъ къ числу невозможностей какъ для цѣ-
 лыхъ народовъ, шакъ и для частныхъ людей,
 Пер. П. Ге.

РАЗМЫШЛЕНІЯ ФРАНЦУЗА.

Замѣчаніе что *никого нѣтъ новаго подвѣ* *солнца и д!* лишился съ нынѣ всей силы своей. Исторія не можешь уже и давать намъ примѣровъ и уроковъ. Происшествія быстро сдѣдуютъ одно за другимъ, смѣшиваются, и — ни одно не похоже на другое. Мы замѣчаемъ случаи, хотимъ измѣрять ходъ ихъ, и съ ними сообразоваться, а между тѣмъ истинное благоразуміе повелѣваетъ не препятствовать ихъ теченію. Разсмотримъ лѣта писи міра: какаѣ эпоха обильнѣе нынѣшней происшествіями? Мы видѣли потрясеніе вселенной, видѣли какъ Наполеонъ, собравъ подъ знамена свои двадцать враждебныхъ между собою народовъ вступилъ въ Кремль, и вскорѣ обратился въ бѣгство, утѣвая пушью свой шрулами побѣдителей Европы! Мы видѣли, какъ онъ въ другой разъ обманулъ надежды своихъ воиновъ, свергнулъ былъ съ прона, и удалился на уединенный островъ, по опустошеннымъ полямъ несчастной Франціи, которая не смѣла потребовать у него ошчету въ крови дѣшей своихъ, въ потерѣ народной чести.

Мы видѣли, какъ Лудовикъ XVIII привѣш- *ошвуемый* восклицаніями народа, горѣвшаго нещербнѣишемъ видѣшъ Короля своего, вступилъ, по 20 лѣтнемъ изгнаніи, во дворець предковъ своихъ, какъ онъ старался примирить Французовъ съ Европою, и съ самими собою, какъ онъ обманулъ былъ въ справедливейшихъ ошжданіяхъ своихъ, оклеветанъ въ благошвореніяхъ, и сдѣался жертвою благодарности, которою хотѣлъ награждать двадцатилѣтніѣ услуги, щещно призывалъ друзей чести и Ошечества къ защитѣ прона Свяшаго Лудовика, и вшеришно принужденъ былъ оставишь пронъ, при дерзкомъ гласѣ Эльсасаго пѣвника.

Мы видѣли, какъ смѣлый воинъ, похишившій пронъ Неаполя, предшавалъ Ишалин мечу на

зависимости, вздумалъ прошивуешашъ (могуще-
сству Кесарей и похишишь доспоявіе церкви;
— видѣли, какъ сей кровавый метеоръ пошухъ
навсегда послѣ крапковременнаго; обманчиваго
блеска.

Мы видѣли, какъ дерзновенно Корсиканецъ
въ 20 дней прибылъ изъ Канна въ Парижъ, упо-
илъ армію воспоминаніями прежней славы, обма-
нулъ гражданъ обѣщаніемъ свободы, приказалъ
признать себя Императоромъ на Майскомъ полѣ
и воздвигъ чашть Франціи обманчивымъ гласомъ
независимости.

Мы видѣли, какъ чиновники и судьи, испол-
ненные любви къ Отечеству и шалантовъ, оболь-
щались мечтами, и служили хищнику, кошо-
раго ненавидѣли, ошринуди маслину, кошорую
Европа имъ предлагала, и въ одинъ день лиши-
лись всѣхъ плодовъ побѣды своей надъ чудови-
щемъ революціи.

Мы видѣли, какъ самые буйные прошивники
законнаго Государя, усшрашенные присущстві-
емъ чужеземцевъ и опаснымъ его положеніемъ,
вновь сдѣлались Французами, и чистосердечно
искали чести зашщитишь Принцевъ, кошорыми
сперва прошивились. Мы видѣли, дважды
въ печеніе 12 мѣсяцевъ, воиновъ Невы повелител-
ями Парижа; видѣли, что столица Франціи,
въ кошорую со временъ Карла VII не вступала
непріятель, принуждена была всего надѣяшсь
ошъ милосердія побѣдителей!

Кшо изъ насъ дерзнешъ, начершашъ сіи уди-
вительныя перемѣны на скрижаляхъ Исторіи!
Обычаи, нравы, народной характеръ, — все пре-
вратилось, и самый искусный наблюдатель не
можешъ сказать, гдѣ предѣлы, кошорые ве-
ликодушіе Монарховъ предпишешъ праву смѣ-
наго.

Званіе покорителей блистательно. Побѣда
вннчаетъ ихъ ослѣпительнымъ блескомъ. Но
сколь запруднительно званіе Государя, кошорому
одни изъ подданныхъ служатъ неусердно, а дру-
гіе измѣняютъ, въ кошоромъ большая ихъ чашть

обманываешься — и который величественно возвышаешь главу свою посреди неблагодарных и и несчастных, низходишь, не измѣняя величію Царскому, до прозбъ, и за всѣ спраданія свои ищешь въ награду спокойствія и щастія шѣхъ, копорые его оскорбляли.

Все перемѣнилось вокругъ Лудовика XVIII. Онъ вземаешь восклицаніямъ народнымъ, изъявляющимъ самую пламенную любовь, и въ тоже время видишь, что многія препяшствія оспѣдываютъ ошъ него чашь націи. Осташки арміи нашей, ужаснувшись заблужденій своихъ, спрашашь даже его милосердія: пламенники междоусобія пылають въ многихъ спранахъ Франціи. Возвращеніе Государя, долженствовавшее соединить всѣ сердца, ушвердишь всѣ выгоды, подало знакъ въ нѣкоторыхъ депаршаменахъ къ начашю смяшеній.

Между шѣмъ имѣемъ мы всѣ причины быть спокойными. Что привезъ намъ Король изъ започенія своего? Благодарнія и милосердіе! Къкое благородное опреченіе ошъ правъ, и, можешъ быть, ошъ желаній своихъ, видѣли мы въ выборѣ его Министровъ! Какое обезпеченіе предлагаешъ сей выборъ самой необузданной спрасти! — Король надѣялся обезпечить будущее благоденствіе Франціи своею харшіею, и по нѣкоторымъ жалобамъ предложилъ ее на разсмотрѣніе непосредственнымъ повѣреннымъ народа. Не унижая величія шрона, онъ ограничиваетъ преимущества его. Французы всѣхъ паршій! Не страждетъ ли ваше самолюбіе при настоящемъ положеніи Короля? Союзные Монархи, овладѣвшіе Парижемъ, по великодушію своему, скрываютъ свое торжество или лучше сказать, свое владычество, но онъ видишь бѣдствія, васъ обременяющія. Ваши жалобы, изъявленіе вашей печали раздаются въ его сердца!

Какое плачевное наслѣдство ему досталось! Онъ собираешъ его, чтобы прелупредить наше разореніе, облегчить ваши потери, излечишь бааль.

вамъ на раны ваши. Они оклеветаны были въ несчастія, которыхъ не было никогда — да нынѣ принимаемъ на себя затруднительную обязанность *исправить* ихъ.

Финансы приведены въ расстройство; узны общественнаго управленія распорядиши; пер-бно время, чтобы узнать все величье нашихъ бѣдствій. Нельзя ничего ожидать, нельзя ничего требовать отъ управленія немногихъ дней — а мы уже недовольны! — Загляните въ Исторію. Былъ ли какой либо Государь, какой либо народъ въ такомъ затруднительномъ положеніи?

Какъ мы безумны! пусканы въ арканъ, бесполезны инокосши насъ возмущающъ. Мы все прувеличиваемъ и предаемъ ненависти. Вся роды фанатизма сходны между собою. Злоупотребленіе свободы и злоупотребленіе власти причиняющъ революціи, а революціями дисперсируются народы. Вся націи владычествовали попеременно, но ни одна изъ нихъ не имѣла правилъ нашей политики. Мы не знали младенчества. Изъ бурной юности перешли мы вдругъ къ дрялости: мы погибаемъ отъ того, что все употребляли во зло. Но политическая сухоща наша не неизцѣлима; предадимся благоразумію Короля: будущее время еще принадлежитъ намъ.

Мы не могли думать, что размышленія о неосновательности правила, о которомъ упомянушо въ началѣ сей снати, заведутъ насъ такъ далеко, къ такому мучительному предмету, но — слово *Отвѣтъ* еще не имѣлось знаменованія своего въ нашихъ глазахъ. Прощаемъ всѣ заблужденія, ибо никто, можешь бытъ, не былъ невиненъ въ ужасной нашей революціи. Усмотрѣвъ зарю, мы не могли предвидѣть, что день ея будетъ продолжителенъ и ознаменованъ кровію. Приближаемся къ концу своего поврища, а можешь бытъ, видимъ нынѣ только начало бѣдствій Ошечества. Одинъ Король можешь спасти его, Побѣдители не обязаны намъ никакимъ велиководушемъ. Лудовикъ XVIII свободенъ отъ упрѣ-

жеть: онъ жертвуетъ собою общему спокойствію; и такъ да будешь общее спокойствіе его наградою!

Изъ Франц. Журн. *)

УѢ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Мы прожили плачевную эпоху съ того времени, когда я писалъ къ вамъ въ послѣдній разъ. Слава Богу! нынѣ кажется, что наступятъ дни спокойствія. Но духъ Французовъ, по возвращеніи Бонапартия съ Эльбы, принялъ такое прошивное, безнравственное направленіе, что они долго еще будутъ заниматься безпокойствами и злыми намѣреніями. Вы не повѣрите, какъ усердно старались помощники злодѣя привести народъ въ заблужденіе и развратить его, ещѣли можно, еще боѣе. Я не былъ въ Парижѣ во время революціи, но видѣнное мною, здѣсь въ печеніе шрехъ мѣсяцевъ представило мнѣ всѣ ужасы революціи, которой духъ вновь обуялъ Французовъ.

Бонапарте, прибывъ въ Парижъ, объявилъ, что намѣренъ царствовать по правиламъ республиканскимъ. Армія торжествовала, и безразсудный народъ предавалъ я буйному восторгу, но благо-разумные люди вскорѣ примѣтили, что сіе-скорое превращеніе Бонапартова ума нечистосердечно. Испина сего замѣчанія вскорѣ оправдана была разными самовластными поступками. Между пѣмъ обнародовалъ онъ свободу писменія. Начали писать весьма смѣло, но пѣрѣ какъ въ Журналахъ опмичали только нѣ сочиненія, которыя приняны Правительству, по остальные не могли произвести большаго дѣйствія; притомъ же немногіе хорошіе писатели являлись на поприщѣ; благо-разумнѣйшіе изъ нихъ видѣли, что новой порядокъ вещей не можешь бышь продолжителенъ.

*) Чрезъ Англію.

Только Г. Бенжаме́н де Констанъ, котораго Бонапарте пожаловалъ чиномъ Государственнаго Совѣтника, думалъ, что наступилъ золотой вѣкъ, и что пришло время исполненія его политическихъ плановъ. Онъ издалъ сочиненіе: *Principes de politique*, но оно не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія, между тѣмъ какъ сочиненія, изданныя имъ прежде того *противъ Бонапарта*, печатались нѣсколькими писменіями. Въ одномъ Журналь (*Le pain vert, зеленый карло*) начашомъ въ Іюнь мѣсяцъ и оплывавшемся приверженностию къ Королю, одурачили его подъ именемъ *Jacobi filius inconstans (непостоянный сынъ Иакова)*. Въ немъ же напечатано было письмо Г-жи Сталь къ одной ея подругѣ, въ которомъ она сильно жаловалась на скорую перемену мыслей ея друга. „Ты видишь теперь,“ говоритъ она между прочимъ, „какую мой другъ выбрала родю, совсѣмъ проотивную правиламъ, которыхъ онъ доселѣ держался, и которыхъ я нынѣ сохрѣяю.“ Донесеніе Королю Г. Карло, которое было запрещено и продавалось по 12 франковъ, вышавши на всѣхъ улицахъ и отдавали за 12 су, а одинъ острякъ возилъ экземпляры сего донесенія по улицамъ на шельжкѣ, Каррикатуры и пасквили на Королевскую фамилію и роллишповъ появлялись въ безчисленномъ множествѣ; въ нихъ болѣе видны были насмѣшки, нежели остроуміе. Бонапартисты почитали себя непобѣдимыми, слова: *gloire, honneur national, gouvernement libéral* *), повторялись во всѣхъ газетахъ и рѣчахъ. Офицеры основали въ кофейномъ домѣ Монпансіе, въ Пале Рояль (называвшемся оныи, какъ во время революціи: *Palais-égalité*) клубъ, въ которомъ съ развратными женщинами пѣли патріотическія пѣсни. Въ театрахъ, по требованію публики, актеры принуждены бывали пѣть революціонныя пѣсни, напр. *Allons, enfans de la patrie*, которыхъ партнеръ повторялъ съ вошторгомъ. Печатныя пѣсни

*) Слава, народная честь, свободное правленіе.

си раздаваемы были бродягамъ на улицахъ. При томъ ошмѣнили празднованіе воскресенья, и по воскреснымъ днямъ начали торговать, какъ во время революціи; это весьма нравилось народу. Ничто не ходило въ церкви. При всякомъ случаѣ чернь изъясляла презрѣніе къ религіи а особливо къ священникамъ. Но Правительство симъ неудовольствовалось: намѣреюе его было принудить народъ къ принятію участія въ политическихъ дѣлахъ. Революція доказала, сколь опасно возмущать народъ; но Бонапарше объ этомъ не думалъ. Жителей предмѣстій побудили приготовиться къ защитѣ города и требовать оружія. Назначили день, въ которой вся чернь Парижская должна была проходить въ парадѣ мимо Бонапарша на Тюльерійской площади. Смѣшно было смотрѣть какъ жители предмѣстій *С. Антоанъ* и *С. Марсо*, оказывавшіе во время революціи величайшее презрѣніе ко всякому правленію, проходили мимо великаго десноша! Между тѣмъ все это происходило съ довольнымъ порядкомъ; только одна часть кричала *ça ira*, а другая *à bas les royalistes! à bas la calotte!* *) шакимъ голосомъ, которой напоминалъ *фонари* и *гильотины*. Оружія они долго не получали. Сперва заставили ихъ работать въ укрѣпленіяхъ и только въ крайней необходимости вооружили. Между тѣмъ союзныя арміи приближались къ Франціи; торговля прекратилась; фабрики мало по малу упадали и наконецъ совсѣмъ оспановились. О лишературѣ нѣчего и говорить; одни газеты и журналы ходили по рукамъ. Появились многія новыя вѣдомости, какъ то: *l'Aristarque*, *l'Indépendant*, который иногда въ самомъ дѣлѣ показывалъ, что ни ошъ кого не хочешь зависѣшь, и *le Patriote de 1789*, который въ на-

*) *Ça ira!* припѣвъ революціонной пѣсни, которую сопровождали убійства. *À bas les royalistes! à bas la calotte!* долой скуфью, ш. е. духовенства.

смѣшку называлъ Пашпріономъ 1789 г. 4. (ужаснаго 1793 года.) Во всѣхъ частяхъ города за-
 делись собранія для чтенія газетъ; въ обще-
 ствахъ говорили шолько о поляшкѣ и какъ
 всегда Юдаисты встрѣчались съ Бонапарти-
 шами, шо весьма часто происходили споры и
 расгласія. Многіе пріятели переслали ходили
 другъ къ другу; иные убѣгали всякихъ обществъ,
 чшобъ не услышатъ чего нибудь непріятнаго. Но
 всего больнѣе для безприспращнаго зрителя бы-
 ло шо, что правительство спаралось возмутить
 и самое юношество. Ученики въ Лицеяхъ про-
 бовали барабановъ и оружія, говорили съ пре-
 зрѣміемъ о своемъ Королѣ и съ угрозою о Сова-
 нѣхъ съ нимъ Монархахъ. Въ газеткахъ преево-
 носили сей шакъ называемый пашпріонизмъ, а
 кто изъ учившей не раздѣлялъ съ ними сего
 изсшупленія, шога почитали роялистомъ. Въ
 двухъ бодьшихъ Лицеяхъ произошло возмуще-
 ніе; въ одномъ ученики заперлись въ залѣ и про-
 были тамъ 24 часа, грозя погибелю шимъ, кошо
 рые спанушъ принуждашъ ихъ къ выходу. Съ
 ними надлежало заключить мирный договоръ.
 Имъ дали пушки и ружья; они явились на пла-
 щади, а ученіе — прекратилось.

Между шимъ Бонапарте занимался съ вели-
 чайшею дѣятельностію и шпрогоснію военны-
 ми пригошовленіями: по недосшашку въ деи-
 гкахъ хотѣлъ онъ захватить суммы заемнаго
 банка, но въ семъ ему воспрепятшвовали. Мно-
 гіе чиновники не получали жалованья; одна ар-
 тія была имъ удовлетворена. Въ Тюльерій-
 скомъ дворцѣ показалось Бонапаршу слишкомъ
 пусто: онъ не имѣлъ инаго придворнаго щшаша
 кромѣ своихъ Генераловъ и Министровъ. По-
 сланниковъ въ Парижъ вовсе не было; едва ви-
 дны были немногіе иностранцы. Многія знаш-
 ныя фамиліи опправились въ деревни. И шакъ
 Бонапарте занялъ маленькой Елисейскій двор-
 ецъ, и жилъ въ немъ до своего ошъзда. Онъ
 вссиялся, вида, што къ ошврышному со всѣхъ сто-

р на Тюльерійскому дворцу прибываютъ сочинен-
ныя на него пасквили и сатиры; утверждаютъ
даже, что въ своей комнатѣ находилъ такія
сочиненія. Декреты его, прибываемыя по угламъ
улицъ, были закидываемы грязью. Но за посода-
ты, а особливо гвардейскіе, почти его обожали.
Ощущеніе, въ глазахъ ихъ, не существовало.
Они видѣли только его особу. При смотрахъ
и парадахъ войска произносили дикія восклица-
нія, которыя въ самомъ дѣлѣ для всѣхъ благо-
мыслящихъ были ужасны: обыкновенно посреди
криковъ: vive l'Empereur! слышно было: a bas les
Bourbonnes или a bas les Bourbons, а иногда a bas la
salotte! Солдатамъ шакже успѣли внушить не-
нависть къ духовенству, хотя они и безъ то-
го не имѣли съ нимъ никакого дѣла, ибо со вре-
мени революціи Французскія войска не видали
богослуженія. Единственный достопамятный
день въ продолженіе трехълѣтняго пребыванія
Бонапартова было 20 Мая, когда депутаты де-
партаментовъ собрались на Майскомъ полѣ и
калялись предъ Бонапартомъ въ сохраненіи но-
вой конституціи и въ вѣрности къ нему и его
династіи. Сверхъ депутатовъ находились въ
церемоніи Генеральный штабъ, національная
гвардія, всѣ знатнѣйшіе чиновники и депутаты
Лепки: она была въ самомъ дѣлѣ блестящелна.
Легкомысленные люди думали, что этою коме-
діею правленіе Бонапарта на вѣкъ утвердится;
но благородные видѣли, что оно не можетъ
быть продолжительно.

(Окончаніе впереди.)

VII.

С М Ъ С Ъ.

Изъ разныхъ Журналовъ.

Въ одномъ Англійскомъ Журналѣ, по случаю отдачи подь судъ Французскихъ измѣнниковъ, напечатанъ слѣдующій анекдотъ: Во время революціи отданъ былъ подь судъ одинъ хищникъ казеннаго интересу. Являсь къ суду, онъ началъ оиъ на первой вопросъ, виновенъ ли онъ въ кражѣ: „Глаголъ дѣйствительный правильный, первого спряженія, настоящее время: я ворую, ты воруетшь, онъ воруеть, мы ворувемь, вы воруете, они воруютъ! — Судья расхохотался и — отпустилъ вора-грамашья.

Въ одной Англійской газетѣ сказано: „Говорять, что въ Королевскомъ Французскомъ декретѣ о наказаніи измѣнниковъ не сказано ни слова о Дауэ пошому, что союзныя державы намерены произнести строгій приговоръ надъ нимъ и его арміею, по предложенію Бриганскаго Министерства. При этомъ пригласили Короля издать приказаніе Французской арміи положить оружіе безусловно: естли она сего не сдѣлаешъ, то Король торжественнымъ актомъ будетъ просить Союзниковъ принудить ее къ шому и поскупить съ нею, какъ съ шайкою бунтовщиковъ. Сими средствами надѣющя въ шеченіе одного мѣсяца кончить всѣ дѣла во Франціи.“

(19 Августа.)

СЫНЪ
ОТЕЧЕСТВА.
1815. № XXXV.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА.

I.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КАПИТАНА ГОЛОВНИНА
ИЗЪ ЯПОНСКАГО ПЛѢНА.

(Продолженіе второй статьи. *)

„На другой день съ примирившимся со мною удивительнымъ Японскимъ Начальникомъ побхалъ я на берегъ. Приближаясь къ берегу, увидѣли мы двухъ идущихъ изъ селенія Японцевъ, которыхъ вскорѣ признали къ общей радости нашими Японскими матрозами. Приславши къ берегу, мы ихъ дождались у рѣчки, противу которой стоялъ нашъ шлюпъ. Они увѣдомили своего Начальника, что въ Кунаширъ главнымъ Командиромъ

*) Начатой въ 21 книжкѣ С. О. сего года. Нынѣ сообщена будетъ мало по малу вся статья сія безъ осянровки.

были приняты весьма хорошо, и на испра-
 шиваніе мною позволенія наливатьсѣ у
 рѣчки водою дано согласіе на условіи, чшобъ
 наши люди не переходили на другую сто-
 рону рѣчки противъ селенія. По случаю
 прихода Россійскихъ судовъ къ Кунаширу,
 находились въ селеніи шрое большихъ чи-
 новниковъ. Старшіе два, по объявленіи
 Японскими маэрозами ихъ именъ, оказались
 нашему Начальнику хорошими пріятелями.
 Больше никакикъ извѣстій они намъ не со-
 общили. Главный Начальникъ острова же-
 лалъ только поскорѣ свидѣнься съ нашимъ
 Японскимъ Начальникомъ. Изъ сдѣланныхъ
 мною Японскимъ маэрозамъ подарковъ, въ
 которыхъ бездѣлицы были ими взяты съ со-
 бою на берегъ; всѣ безъ изыятія были Ку-
 наширскимъ Начальникомъ размаэтриваемы,
 и Японскимъ маэрозамъ не позволили ниче-
 го при себѣ оставишь. Они принесли на-
 задъ въ особомъ узелкѣ всѣ вещи до игол-
 ки. Я называлъ это передъ нашимъ Япон-
 скимъ Начальникомъ непріязненнымъ по-
 скупкомъ, но онъ меня успокоилъ, объяс-

ннвъ, что прнннтіе подарковъ у ннхъ за-
 прещено закономъ. Тогда я распрощался
 съ нашимъ почтеннымъ Японцемъ, и оп-
 давая ему половину разрваннаго своего
 блага плашка сказалъ: кто мнѣ другъ,
 пошъ черезъ день, два и не долѣе
 трехъ пренесшъ ко мнѣ другую поло-
 вину моего плашка. Твердымъ увѣритель-
 нымъ голосомъ отвѣчалъ онъ, что одна
 смерть можетъ воспрепятствовать ему сіе
 исполнить. „Не черезъ день, продолжалъ онъ,
 а завтра поутру непременно возвращусь
 къ тебѣ на корабль, но позволъ моимъ ма-
 трозамъ со мною опншь ворошнться въ се-
 леніе.“ Я согласился на шо, а самъ воро-
 шнсь на шлюпъ, приказалъ раскрѣпнть всѣ
 пушки, у служншелей осмошрѣшь исправ-
 носнть оружія, часовымъ заряднть ружья
 пулами, и содержанъ шлюпъ къ ночи въ на-
 сшоющемъ боевомъ порядкѣ. — На другой
 день по утру съ вахшы извѣстнли меня,
 что видншь двухъ идущнхъ изъ селенія
 Янонцевъ, и что одннъ машешъ чѣмъ-шо
 бѣлымъ. Я узналъ, что это нашъ добрый

Японскій Начальникъ и немедленно послалъ а нимъ шлюбку, на которой онъ съоднимъ своимъ мапросомъ къ намъ прївхалъ и привезъ прїяшнія для насъ извѣстія, что по письмамъ, полученнымъ изъ *Матц-Мая*, всѣ наши Рускіе здоровы, кромѣ шшурмана, который былъ въ весьма опасномъ состояніи, не допускалъ къ себѣ Японскихъ лекарей, и десять дней не употреблялъ никакой пищи; теперь однакожь ему сдѣлалось легче. Попомъ въ каюшѣ вручилъ онъ мнѣ препровожденное отъ Кунаширскаго начальника изъ *Матц-Мая* офиціальное письмо или листъ на Японскомъ языкѣ съ Рускимъ переводомъ. Въ полученіи сихъ бумагъ я послалъ съ нашимъ добрымъ Такашя-Кахи къ главному начальнику Кунашира письмо, и по его совѣшу предложилъ нашу готовность итти опсюда со шлюпомъ прямо въ *Гако-даде*, есѣли онъ согласится прислать къ намъ двухъ Японцевъ, посредствомъ коихъ можнобъ было по прибытіи въ *Гако-даде* сдѣлать первое съ берегомъ сношеніе. Содержаніе сего письма Такашя Кахи

взялся пересказать Начальнику Кунашира и въ вечеру мы его свезли на берегъ. Въ слѣдующій день, не взирая на ненастную погоду, онъ опять прѣвхалъ къ намъ на шлюпъ, и объявилъ мнѣ, что Кунаширской начальникъ, признавая мое требованіе о двухъ Японцахъ для слѣдованія со шлюпомъ въ *Гако-даде* справедливымъ, не можешь самъ на это рѣшиться, а пошлешь объ ономъ съ нарочнымъ къ *Матц-Майскому* Губернатору особое донесеніе вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, ибо онъ опривилъ шуда и первое мое письмо, въ день нашего въ Кунаширь прибытія. Тамъ находясь, говорилъ онъ, переводчики Русскаго языка. Почта, по увѣренію нашего усерднаго друга *Такатая-Кахи*, изъ Кунашира въ *Матц-Май* обращается въ двадцатый день. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствѣхъ я рѣшился дожидаться насущнаго разрѣшенія отъ *Матц-Майскаго* Губернатора, коему безъ сомнѣнія мои письма будутъ переведены; слѣдовательно опривша его, нельзя было не починать особенно для насъ

важнымъ. Мы желали съ пользою упошре-
 бить опредѣленное для ожиданія почты
 время, вѣрившимъ описаніемъ всего залива
Измѣны, — для чего необходимо нужно бы-
 ло по заливу развѣзжать на гребныхъ су-
 дахъ, о чемъ я спрашивала у Кунаширска-
 го начальника позволенія. Но онъ весьма
 учпивымъ образомъ просилъ нашего дру-
 га *Такатая-Кахи* намъ объяснить, что
 это будетъ противно предписаніямъ, и объ-
 явилъ, чтобы наши шлюбки ни подъ какимъ
 видомъ никуда далѣе рѣчки не вѣдали, и то
 на прежнемъ условіи. Мы принуждены бы-
 ли осматрѣться довольными, что по крайней
 мѣрѣ приказъ сдѣланъ былъ учпивымъ обра-
 зомъ. Между тѣмъ почтенный *Такатая-
 Кахи*, искренно участвовавшій въ нашемъ
 положеніи, не преспавалъ навѣщать насъ
 чрезъ каждые три дни. Добрые его манпро-
 сы иногда приносили намъ отъ имени его
 небольшое количество свѣжей рыбы, кото-
 рая всегда раздѣлялась поровну на всю
 команду. Въ уплату за нее строго прика-
 залъ Начальникъ никакой вещи на берегъ

еще насъ не привозишь, и всегда извинялся скуднымъ промысломъ, что и дѣйствительно было такъ, ибо во все время доставлено было къ намъ не болѣе семидесяти рыбъ.“

„20 Июля было для всѣхъ насъ днемъ величайшей радости. Другъ нашъ *Такама* привезъ къ намъ присланное изъ *Маиц-Мая* опять несчастнаго, доспойнаго нашего начальника *Капианъ Лейпенанша Головинна* письмо, адресованное на имя начальника *Россійскаго* корабля. Оно состояло въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ: „*Мы всѣ, какъ* *Офицеры*, *такъ* *матросы* *и* *Курилецъ* *Алексѣй*, *живы* *и* *находился* *въ* *Матмаѣ*.
„*Мая* *10* *дня* *1813* *года*.“

Василій Головинъ.

Федоръ Муръ.

„Сии радостныя строки, освободившія отъ всякаго сомнѣнія о дѣйствительномъ пребываніи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ въ *Маиц-Мавъ*, прочитаны были мною на шканцахъ всей команды; къ лучшему удостовѣренію

Многіе изъ служителей сами читали ихъ, и признали руку обожаемаго своего Начальника, за что съ восклицаніемъ изъяснили искреннюю благодарность почтенному *Такашя Кахи*. Драгоценныя для насъ справки сія я приказалъ хранить при командномъ образъ; всей командѣ дано было выпить по цѣлой чаркѣ водки за здоровье шѣхъ друзей, коихъ въ прошломъ лѣтѣ мы почиали убитыми, и всѣ гоповы были на шѣхъ же берегахъ окончить и свою жизнь. При отъѣздѣ нашего Японскаго друга на берегъ, команда изъяснила желаніе прокричать ему *ури!* — что и было съ восторгомъ исполнено.“

„6 Іюля Такашя Кахи, по пріѣздѣ на шлюпѣ уведомили насъ паршикулярно, что изъ *Матц Мая* пришла почта и въ отвѣтъ на наше письмо идетъ сюда на Императорскомъ суднѣ первый по *Матц Шойскомѣ* Губернаторъ Начальникъ; при немъ Курилецъ *Алексѣй* и одинъ изъ нашихъ плѣнныхъ Русскихъ. По мнѣнію Такашя Кахи нашъ Русской не могъ бытъ Офицеръ, какъ мы было

всѣ заключенн, а вѣрно нашпроеъ. По вращеніи онп правленія судна изъ *Митц-Мая*, ему должно было сегодня или завтра сюда прийти. Черезъ нѣсколько часовъ было усмотрѣно, что оно приближается къ заливу. Такашя-Кахи призналъ его, по красному шарообразному знаку на парусѣ, судномъ Императорскимъ. Корпусъ его былъ весь выкрашенъ красною краскою, борты завѣшены по носатую матеріею, на кормѣ развѣвались при флага, каждый съ особеннымъ изображеніемъ, въ кормовой же части утверждены были четыре большія пики съ какими-то чернѣющими на вершинахъ перевязками (по числу такихъ пикъ въ Японіи вѣдѣется чинъ того, передъ кѣмъ ихъ несутъ.) Изъ селенія на встрѣчу Императорскому судну вѣзжали байдары подъ флагами; каждая байдара подавала особой своей буксиръ и рядомъ буксировали оное судно къ селенію. При наступленіи темноты нельзя намъ было замѣтить, какал на берегу сдѣлана была церемоніальная встрѣча прибывшему *Митц-Майскому* Начальнику. Такашя-Кахи, увѣ-

жия на берегъ, дажь вѣрное слово завила къ намъ побывашь, ж объяснишь намъ, по какой причинѣ прѣхалъ сюда Начальникъ изъ Машц-мая.“

„Въ слѣдующій день увидѣли мы его идущаго вдвоемъ. Самаго *Такатая-Кахи* мы пошчасъ узнали по привязанному къ его саблѣ бѣлому плашку. Въ размашиваніи другаго также не долго зашруднились: какъ они шли рядомъ, но высокій его ростъ по временамъ совсѣмъ заслонялъ ось нашихъ взоровъ малорослаго нашего, но великаго друга *Такатая-Кахи*. Всѣ сказали: это одинъ изъ нашихъ плавныхъ машросовъ.“

„Здѣсь я не могу не описать пошй шрогательной сцены, кошорая промшодила при вспрѣтѣ нашихъ машросовъ съ появившимся между ими изъ Японскаго павна шоваржемъ. Въ это время часпъ нашей команды у рѣчки наливала бочки водою. Нашъ плавный машросъ все шель вмѣстѣ съ *Такатая Кахи*, но когда онъ спалъ сближашься съ

усмотрѣвшими его на другой, вѣторонѣ рѣч-
ки Рускими, между коими вѣроятнѣо началъ
распознавать своихъ пашмльщныхъ, шовари-
щей, шо сдѣлалъ къ самой рѣчкѣ три боль-
шіе шага, какъ надобно воображать *давде-*
ніемѣ сердетмой лружины, и оставилъ по
крайней мѣрѣ въ девяти хорошихъ Яцю-
скихъ шагахъ нашего малорослаго *Такатад-*
Лакх. Тогда всѣ наши машрозы, на против-
ной споронѣ рѣчки споявшіе, въ изумленіи
нарушили черпу нейспралишеша и бросились
чрезъ рѣчку въ бродъ обнимающъ своего шо-
варища по Христіански. Бывшій при работѣ
на берегу Офицеръ меня увѣдомилъ, что дол-
го не могли узнать нашего пашнаго маш-
роза — шакъ много онъ въ своемъ здоровѣе пе-
ремѣнился! Подлѣ самой уже рѣчки всѣ вос-
кликнули: *Симановѣ!* (шакъ его звали) Онъ,
скинувъ шляпу, кланялся, оставался без-
молвнымъ, и привѣшшвовалъ своихъ шова-
рищей крупными слезами, кашившимися
изъ большихъ впалыхъ глазъ. Сія шрогатель-
ная сцена была возобновлена, когда онъ при-
ѣхалъ на шляпѣ. Я первый, съ нимъ подо-

ровавшись, спросилъ только о здоровьѣ всѣхъ оснавшихся нашихъ павныхъ въ *Матц-Маѣ*. Онъ ошвѣчалъ: „Слава Богу, живунъ, хотя не такъ здоровы, особенно шшурманъ опасно боленъ!“ Далѣе удовлетворяя любопытству распрашиваніемъ о моемъ другѣ *Василѣ Михайловичѣ Головинѣ* я не смѣлъ, видя, съ какимъ нетерпѣніемъ команда желала его принять въ свои дружескія объятія.“

(Продолженіе въ средѣ.)

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

На вторичное вступленіе Союзныхъ арійъ въ Парижъ.

Блаженство міра несомнѣнно,
 Коль Россю Царь въ шомъ далъ обѣщъ.
 Кмо силенъ одолѣшь геройство?
 Чшо можешъ адъ прошивъ Небесъ?
 Гдѣ Фурія имъ порожденна?
 Гдѣ сонмы змѣи ея шипящихъ?
 Союзъ прекрасный, шоржесивуй!
 Въ Парижъ Блюхеръ съ Веллингтономъ.
 Духъ безначалъ, раздора,
 Корысти жрецъ вторично палъ.

Проклятый небомъ и землею,
 Ненасышимый кровью палъ.
 Куда шлопы свои подвигнешъ?...
 Они всѣхъ пожрашь хошѣлъ одинъ.
 Лешашъ небесной правды грома
 Ишторгнушь злочесивыхъ сѣмя;
 Тогда ошраду вкушитъ міръ:
 Рѣкою лишся кровь преспанешъ,
 Когда съ земли искоренишся
 Зложадный своеволя духъ

Нещасны мудрецы! возшанше
 Изъ хлада мрачнаго гробовъ!
 Вѣщайте мнѣ: какое благо
 И плодъ вы міру принесли?
 Ахъ нѣшь! пусшь ваши косши ноюшь

Сырой земли под пятошою.
 Почто соблазнъ пардишь зеву?..
 Пускай проклятіе вселенной
 Гремилъ надъ вашею могилою,
 Полюнь надъ нею да расшешъ.

Вдругъ буря грозная ошъ южныхъ странъ
 спала,
 Сорвавъ съ корней древа, далече размешала:
 Здѣсь гибнешъ маслица, шамъ пазъ высокіи кедръ;
 Тамъ зданья мчишь въ волнахъ неукротимыи въшръ;
 Тамъ море воскигѣвъ шьму кораблей грошаешъ;
 Раздоръ съ огнемъ въ рукѣ, чшо вспрѣлишь, ко-
 шребляешъ,
 Обшашки древности, хранилища наукъ,
 Плоды ума и шрудъ неупомимыхъ рукъ,
 Огромные сполны, до облакъ вознесенны;
 Града, оплошь ошъ бурь, сполѣшьемъ огражденны,
 Склоня глады свои, преобращая въ прахъ,
 Наносящъ пуш ику уныніе и страхъ;
 Тамъ спраждешъ смершныхъ родъ, мечи съ мечьми
 обкушся;
 Тамъ спонешъ воздухъ весь, шамъ крові рѣки
 льюшся;
 Тамъ спарцевъ воля, вой вдовъ, шамъ блѣдныи ры-
 щешъ гладъ;
 Тамъ опустѣніе, и шшь на земли опрадь.

Не благъ, училели развраша,
 Отечеству желали бы;
 Но мысль пишая гордливу,
 Царей хошѣли выше бышь.
 Вы, уснилая умъ и совѣшь,
 Пуши въ грабительству ошкрыли;

Несышу, дерзосенну мечу
 Весь міръ вы предади на жершву;
 Вы звѣзды среди небесъ не зрѣи,
 Ни розъ, цвѣшущихъ на землѣ.

Рука небесъ осягошѣла
 Во гнѣвъ праведномъ на злыхъ,
 Чшо, разошкая узелъ мира,
 Преспали бышь въ числѣ людей.
 И чувшво крошоси высоко,
 Спрадалицевъ истинныхъ ошрада,
 Ошъ нихъ свой ошврашмо взоръ.
 Оно всѣхъ миауешъ, прощашъ:
 Но чадамъ ада звѣроправнымъ,
 Рабамъ ачбы — пощады нѣвшъ.

Гдѣ свѣшлой Франціи судьбина?
 Безвѣрія на парусахъ
 Плывешъ корабль ея несчастный!...
 Се Музы любимая шпрана,
 Медеею очарованна,
 Бросашъ всюду мрачны взоры,
 Пишай въ сердцѣ злобы огонь.
 Потерпяшъ ли Цари, народы,
 Чшобъ въ ярости она дерзала
 Небесной связи рушимъ чинъ?

Она въ одрѣ, болѣзнью спраждешъ,
 Къ ней снова Александръ предшашъ —
 Десницей крѣпкой разрѣшашъ
 Онъ шягосшъ адовыхъ цѣней.
 Возшпанъ, о Галль! себя поешигми,
 Просшри свои повсюду взоры
 И виждъ священныхъ предковъ сонмъ.

Лучами свыше озаренный,
И Генрихи и Босюены
Являющъ къ славъ, къ чести пушъ.

Залогъ осьми вѣковъ блаженства
Твой украшаетъ снова край;
Твой цвѣтъ, се лилія священна,
О Галль, сіяетъ предъ шобои:
Она двукратныи миръ приносишь,
Тебя двукратно избавляешь
Отъ лютоости ужасныхъ бѣдъ:
Ея спасенныи бѣлизною
Любуися ею, величаюся,
И чистоту ея храни.

Зри, Франція! се Царь швой крошкѣй
Грядетъ со маслинои въ рукѣ:
Глава напастыи искушенна,
Любовь блистаетъ на очахъ,
Устами говоришь премудрость,
А въ сердцѣ обитаешь правда.
Отъ норда свѣтлая звѣзда,
О Галль! къ тебѣ лучи склоняешь:
Возстань — и доблесни ояннемъ
Доспоишь славныхъ предковъ будъ!

Гр. Дм. Хвостовъ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ;

Н О В Ы Е К Н И Г И :

1815-ГОДА.

119 * *Повѣсти и басни Фенелона, переведенныя съ новѣйшаго Французскаго изданія И. Протопоповымъ (съ Французскимъ подлинникомъ)* С. П. б. 1815 въ шип. Плюшара. 2 ч. въ б. 12, въ первой 176, а во второй 193 стр.)

(Кто написалъ *Телемака*, говоритъ сочинитель Недоросля, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Намъ нѣчего прибавить къ сему сужденію. — Руской переводъ хорошъ, но мѣстами слишкомъ близокъ и недостаточно свободенъ. Помѣщеніе при немъ подлинника дѣлаетъ чашашедя взыскательнымъ)

120. † *RussSpraklära för Begynnare, utarbetad af E. G. Ehrström och S. G. Ottelin. (Руская Грамматика для начинающихъ, сочиненная Э. Г. Эрстрёмомъ и К. Г. Оттелиномъ)*. С. П. б. 1815 печ. въ шип. Иверсена въ 8. 296 стр.

С О В Р Е М Е Н Н А Я И С Т О Р І Я
И П О Л И Т И К А.

IV.

КРАТКАЯ БІОГРАФІЯ ФЕЛЬДМАРШАЛА
КНЯЗЯ БЛЮХЕРА ВАЛЬНГТАТСКАГО.

Гебгардъ Лебрехтъ Блюхеръ происходитъ изъ благороднаго дома въ Герцогствѣ Мекленбургѣ-Шверинскомъ. Онъ родился 16 Декабря 1743. Отець его былъ Ротмистромъ въ службѣ Ландграфа Гессенъ Кассельскаго, а мать изъ фамиліи фонъ Цулова. Во время семилѣтней войны родители его жили въ Растовѣ, Шверин-

ской деревнѣ. По причинѣ безпокойствъ отецъ опоселалъ обокъ своихъ сыновей, *Ульриха Зивфрида* и *Гевгарда Лебрехта* на островъ *Рюгенъ* въ зяблю своему *Краквицу*. Тамъ въ первый разъ молодые *Блюхеры* увидѣли *Шведскихъ* гусарь, и хотѣя *Ульриху Зивфриду* было отъ роду не больше 13 лѣтъ а *Гевгарду Лебрехту* около 12, но они возымѣли непреодолимое желаніе вступити въ гусарской полкъ. Они открыли сіе желаніе своему зяблю и сестрѣ, которые щещно старались доказать имъ, что они еще слишкомъ молоды. Наконецъ они тайно ушли изъ помѣстья *Краквица*, явились къ стоявшему тамъ гусарскому *Ротмистру* и просили опредѣлити ихъ въ полкъ. Сей *Ротмистръ* былъ другомъ *Краквицу*. Онъ уведомилъ его о прибытіи обокъ молодыхъ *Блюхеровъ* и освѣдомился, какъ ему поступити въ семъ случаѣ. *Г. Краквицъ* яриѣхалъ къ нему и старался уговорити молодыхъ людей возвратитися домой. Но они не хотѣли слышать объ этомъ, пребовали, чтобъ ихъ приняли въ службу и наконецъ были дѣйствительно опредѣлены въ полкъ *Мернера*.

На второмъ году службѣ *Гевгардъ Лебрехтъ Блюхеръ* былъ откомандированъ Юнкеромъ на *Фортпоссы*, для занятія *Уншеръ-Офицерскаго* мѣста, съ приказаніемъ въ случаѣ непріятельскаго нападенія немедленно отспуити, и соединитися *Офицеромъ*, который командовалъ отрядомъ. Противъ него стояли черные гусары *Прускаго* полка, *Беллинга*. Одинъ день и ночь прощали спокойно, но на другое утро одинъ *Шведскій* гусаръ уведомилъ Юнкера *Блюхера*, что передъ посломъ близъ лѣса примѣчено движеніе, и что это по всей вѣроятности *Беллинговы* гусары. *Блюхеръ* поѣхалъ впередъ и едва приблизился въ лѣсу, какъ черные гусары на него напали. Онъ не могъ сопротивляться и пошому отступилъ, въ надеждѣ соединитися съ *Офицеромъ*, который назначекъ былъ для его подкрѣпленія, но и сей также удалился. Подъ *Блюхеромъ*

убило ядромъ лошадь, и онъ былъ взятъ въ плѣны *Мартиномъ Краузе*, гусаромъ *Беллингова* полка.

По окончаніи сраженія въ пользу бывшего тогда Прусскимъ Полковникомъ *Беллинга*, плѣнные, въ числѣ коихъ находился и *Блюхеръ*, по ведены были далѣе. *Блюхеръ*, по молодости своей и смѣлымъ отвѣтамъ объ имени и родителѣхъ его, понравился Полковнику и вскорѣ приобрѣлъ его любовь. Полковникъ оставилъ его у себя, хотя онъ былъ военноплѣнный, взявъ съ него честное слово не уходить до размѣна къ Шведамъ. *Блюхеръ* находился почти цѣлый годъ при Полковникѣ *Беллингѣ*, которой неоднократно уговаривалъ его вступить въ Прусскую службу: но *Блюхеръ* на сіе не соглашался, ибо присягнулъ въ вѣрности Шведскому Королю, и не хотѣлъ прогнѣвши вступленіемъ въ чужую службу отца своего, у котораго самъ Полковникъ *Беллингъ* шестеро просилъ на то соизволенія. При томъ же одинъ престарѣлый честный Ротмистръ *Беллингова* полка также совѣтовалъ ему быть въ своемъ словѣ твердымъ.

Однажды черные гусары поймали Шведскаго Офицера, который бѣжалъ Унтеръ-Офицеромъ изъ *Беллингова* полка. Полковникъ *Беллингъ* хотѣлъ его повѣсить, но какъ онъ былъ весьма нуженъ Шведскому Генералу, то и сдѣлали условіе отпустить его за отпущекъ Юнкера *Блюхера*. Шведскій Генералъ охотно на это согласился, и немедленно послалъ требуемое свидѣтельство объ увольненіи *Блюхера*. Въ этотъ же самый день убитъ былъ *Беллингова* полку Поручикъ *Гельмгольцъ*, и Полковникъ *Беллингъ* не только предложилъ молодому *Блюхеру* заступить его мѣсто, но купилъ весь экипажъ убитаго *Гельмгольца* и подарилъ ему. Потомъ принялъ онъ его къ себѣ Адъютантомъ.

Беллингъ, получивъ чинъ Генерала, помогая молодому *Блюхеру* какъ отецъ, а сей послѣдній чувствовалъ къ своему благодѣтелю величайшую привязанность: онъ защищалъ его

неоднократно съ распорштія своей жизни. Когда онъ дослужился до Штабсъ-Ротмистра, Генераль *Беллингъ*, послѣ Шльсской кампаніи пришель у Короля *Фридриха Великаго* въ немилость, и сдалъ начальство надъ полкомъ Полковнику *Лоссову*, своему сопернику. Вскорѣ пошомъ умеръ того полка Маіоръ *Мезебергъ* и хотя *Блюхеръ*, какъ старшему Штабсъ-Ротмистру, надлежало получить его эскадронъ, однако Полковникъ *Лоссовъ* опредѣляль на сіе мѣсто Г. *Левефельда*, Ротмистра зеленого гусарскаго полка.

Полковникъ *Лоссовъ* не очень былъ благоклоненъ къ Ротмистру *Блюхеру*, пошому что онъ въ разговорахъ принималъ всегда спорону втораго своего ошца и благодѣтеля, Генерала *Беллинга*. *Блюхеръ* часто послѣ того говариваль, что онъ обязанъ военными своими познаніями покойному Генералу *Беллингу* и Маіору *Подшарль*, заслуженному Офицеру *Беллингова* полка.

Фридрихъ Великій согласился на предложеніе Полковника *Лоссова*, объ опредѣленіи Ротмистра *Левефельда*, и *Блюхеръ* не шолько ча, по на сіе жаловался, но и просилъ еще ошсшавки, ештли не получишь эскадрона. Король написаль на сіе въ отвѣтъ къ Начальнику полка Маіору *Шуленбургъ*: „Ротмистръ *Блюхеръ* увольняется ошъ службы. Пусть уберетса онъ къ чорту.“

Въ это время Ротмистръ *Блюхеръ* былъ сговоренъ съ второю дочерью, жившаго въ Польшѣ Саксонскаго Полковника *Мелинга*. Онъ не имѣль большаго сосшрянія, и невѣста его также, но не смощря на сіе, онъ женился взял у своего шестя на откупъ землю и занялся сельскимъ домоводшвомъ. Прилежаніемъ и дѣяшельностію нашиль онъ шолько, что чрезъ нѣсколько лѣтъ купиль землю въ Помераніи. Онъ былъ тамъ Земскимъ Совѣшникомъ и 15 лѣтъ провелъ въ сельскихъ занаяшякъ. Между тѣмъ примѣшво

было, что *Фридрихъ Великій* любилъ его: Онъ нѣсколько разъ жаловалъ ему значительныя суммы на исправленіе его помѣшья. Отъ сего брака, родились два сына и дочь. Одинъ изъ сыновей, Прусскій Полковникъ Графъ *Блюхеръ*, споевшествуетъ славу отца знаменитыми своими подвигами.

По смерти *Фридриха Великаго* Земскій Совѣтникъ *Блюхеръ* просилъ Короля *Фридриха Вильгельма III* принять его опять въ службу. Онъ получилъ немедленно въ прежнемъ полку мѣсто и даже съ старшинствомъ прошивъ Маіора *Исверфельда* и пожалованъ былъ командиромъ втораго батальона сего полка. Въ 1789 году получилъ онъ орденъ *pour le mérite*, въ 1794 произведенъ былъ въ Шефы полка, а 4 Юня погожъ 1794 пожалованъ въ Генералы.

Генераль *Блюхеръ* находился во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Пруссіею; шолько не былъ при послѣднемъ походѣ съ Французами въ Россію. Сперва дѣйствовалъ онъ на *Рейнѣ*. Многіе знаменитые дни 1794 года, а особенно 16 Января, 23 Мая и 18 Сентября свидѣтельствуютъ о его искусствѣ и храбрости. Онъ получилъ команду на *Нижнеиъ Рейнѣ* и вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1794 г. орденъ краснаго орла. Король пожаловалъ его 20 Мая 1801 въ Генераль-Лейтенанты, а въ 1802 изъявилъ ему благодарность за принятіе въ Прусское подданство *Эрфурта* и *Мюльгаузена*. Послѣ сего былъ онъ въ *Минстерѣ* Губернаторомъ, оставаясь при томъ командиромъ полка, стоявшаго въ *Помераніи*.

Въ сіе время вступилъ онъ во второй бракъ съ меньшею дочерью Тайнаго Совѣтника и Президента Палаты *Коломба*, сестрою извѣстнаго въ новѣйшей военной исторіи Прускаго Маіора *Коломба*. 1806 годъ вызвалъ его изъ *Минстера* на поприще, приличное его дѣятельности и духу, противъ Французовъ. Онъ былъ на *Ауерштедскоиъ* сраженіи и по несчастномъ окончаніи онаго, слѣдовалъ съ большею

частію кавалеріи и лѣвымъ флангомъ за отступленіемъ *Князя Гогенлоге* въ *Померанію*. Но ему не возможно было совершенно соединиться съ Княземъ, не изнуривъ солдатъ своихъ въ конецъ форсированными ночными маршами. Между тѣмъ *Князь Гогенлоге* заключилъ при *Пренцлау* капитуляцію и *Блюхеръ* былъ отпущанъ отъ *Штетина*. Сіе понудило его воротиться въ *Мекленбургскій* округъ, гдѣ онъ могъ соединиться съ корпусомъ *Герцога Веймарскаго*. Французскій *Принцъ Мюратъ* спсаль прошивъ его лѣваго фланга, *Принцъ Понтекорво* прошивъ фрунца, *Маршаль Султъ* прошивъ праваго фланга, къ помужь войска его были изнурены и имѣли во всемъ недоспашокъ.

Главное дѣло состояло въ томъ, чшобъ сколько можно долѣе удерживать Французовъ отъ *Одера*. Сіе понудило его пойти къ *Любеку* и остановиться у *Травы*. Но Любекъ не былъ сильно укрѣпленъ, и Французы взяли его иншурмомъ; при всемъ томъ онъ заключилъ 8 Ноября 1806 капитуляцію, которая оканчивалась слѣдующими словами: „Я сдаюсь, пошому что не имѣю ни аммуниціи, ни хлѣба, ни фуража.“ Къ щастію въ сіе время Прусакы взяли въ пѣнь *Маршала Виктора*, котораго и вымѣняли на *Генерала Блюхера*. Послѣ сего отпратился онъ къ *Королевской* арміи въ *Восточную Пруссію* и былъ отпсуда откомандированъ съ важнымъ числомъ войска въ *Шведскую Померанію*, отчасти для того, чшобъ охранять *Стральзундъ*, а отчасти, чшобъ подкрѣплять дѣйствіа *Шведовъ*. Въ Іюнѣ 1807 года получилъ онъ орденъ чернаго орла, а 20 Мая 1809 пожалованъ въ *Генералы* отъ *Кавалеріи*.

(Оконч. въ сл. кн.)

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

(Окончаніе.)

Двадцать девять Департаментовъ не при-
слали депутатовъ, въ Бандеѣ взяли за ору-
жіе противъ Бонапарта; въ южной Франціи гос-
подствовали опасныя безлокойства. Къ шомужь
примѣнили, что обѣщанное Бонапартомъ рес-
публиканское правленіе есть пустой призракъ;
ибо вмѣсто того, чтобы Перамъ и Депутатамъ
самимъ сочинить конституцію, какъ онъ объя-
вилъ прежде того, издалъ онъ *тошій* дополни-
тельный Актъ (acte additionel) въ независимымъ
конституціямъ Имперіи. И въ сохраненіи сей
столь несовершенной конституціи надлежало
дать клятву! Всѣ говорили: въ спокойнѣйшее
время можно ее исправить. Это возбудило все-
общій ропотъ. Появилось около дюжины со-
чиненій, въ которыхъ доказывали, что допол-
нительный Актъ противорѣчитъ конституці-
ямъ и сверхъ того весьма недостаточенъ; даже
въ преніяхъ Палаты Депутатовъ намѣкали на
недобытки конституціи, и противъ ожиданія
Бонапарта, назначили комиссію для сочиненія
лучшей конституціи. Одинъ только Швейца-
рецъ, *Г. Сисмонди*, вздумалъ защищать сей актъ, и
въ особомъ сочиненіи объявилъ его произведени-
емъ превосходнаго ума; но *Г. Сисмонди* никого
не преклонилъ на свою сторону и еще недавно
въ *зеленомъ карлѣ* сказано было, что введеніе
въ сей актъ, состоящее изъ двадцати строкъ,
содержитъ въ себѣ по крайней мѣрѣ сорокъ
ажей. Съ самыхъ первыхъ засѣданій Палата
Депутатовъ оказывала много твердости. Одинъ
Депутатъ, предложившій назвать Бонапарта
спасителемъ Отечества принужденъ былъ за-
молчать; другой хотѣлъ издать противъ Ван-
дейскихъ инсургентовъ законъ, по кошорому всѣхъ
инсургентовъ и ихъ родственниковъ по восхо-

дящей и нисходящей линіямъ, надлежало изгнать изъ Государства; его едва невыгнали изъ залы, — споль велико было негодованіе депутатовъ на сіе гнусное предложеніе. Напротивъ того въ Палатѣ Перовъ, составленной изъ Бонапартовыхъ Генераловъ и приверженцевъ, господствовала таже подчиненность, какъ и въ прежнемъ Сенатѣ.

Черезъ нѣсколько дней по открытіи засѣданій обѣихъ Палатъ Бонапарте отправился къ арміи и вскорѣ попомъ началась компанія. Появились два бюллетеня, въ кошорыхъ говорили о побѣдахъ великой арміи, палили изъ пушекъ, и въ газетахъ утверждали, что въ теченіе мѣсяца всѣ непріатели отступятъ за Рейнь. Слѣдующіе два дни прошли въ спокойствіи. 9 числа поущру распространилось вдругъ извѣстіе, что Бонапарте возвратился, потерявъ большую часть своей арміи. Внезапный ужасъ овладѣлъ всѣмъ городомъ; народъ собрался шолпами на улицахъ и гульбищахъ, чтобы узнать достоверно о происшествіяхъ. Даже непоколебимые любители шахматной игры въ кофейномъ домѣ Régence оставили въ эшотъ день свое важное занятіе. Въ Палатѣ Депутатовъ происходили безпокойства; слухъ носился, что Бонапарте приказалъ войскамъ подойти для удержанія въ повиновеніи Палатѣ и города. Между шѣмъ объявилъ онъ чрезъ брата своего Луціана, что хочетъ набрать еще 300,000 человекъ и 20 милліоновъ франковъ.

Палата Депутатовъ увидѣла необходимость обуздать сіе бѣшенство, созвала національную гвардію и рѣшилась въ слѣдующій день просить Бонапарта, чтобы онъ отказался отъ престола. Проницательные люди совѣщавали ему въ день собранія Депутатовъ на Марсовомъ долѣ отказаться отъ короны, но онъ тогда не хотѣлъ объ этомъ слышать; да и теперь съ трудомъ могли его уговорить. Наконецъ онъ согласился, видя, что его легко можно свергнуть съ прони

силою. Тогда началось царство безначалія. Палата Депутатовъ сначала не знала, что дѣлать. Республиканцы сдѣлались дерзновеннѣе; армія приближалась, а за нею по пятамъ слѣдовали союзныя войска. Парижъ наполненъ былъ войсками и около города союзники болѣе и болѣе сближались. Солдаты были въ изступленіи и ходя по улицамъ кричали: *Vive l'Empereur! à bas les Royalistes!* *Даву, Вандамъ* и подобныя Генералы сердечно желали предать городъ осадѣ или по крайней мѣрѣ сильной атакѣ; но хитрый *Фуше* приготовилъ уже капитуляцію и успѣлъ завести переговоры. Прозорливости *Г. Фуше* обязаны мы щасливымъ окончаніемъ послѣдовавшаго переворота. О немъ говоря слѣдующее: Когда въ Мартѣ шестяцъ Бонапарше съ войсками своими приближался къ Парижу, Король хотѣлъ въ сей необходимости сдѣлать *Фуше* Министромъ Полиціи. Но *Фуше*, видя что сіе уже поздно, поблагодарилъ Короля, и сказалъ ему, что можетъ служить Е. В. съ большею пользою, объявивъ себя его врагомъ, и пригрозивъ все къ его возвращенію; и пошому просилъ преслѣдовать его, какъ приверженца Бонапарцова, — что и было сдѣлано. За день до отъѣзда Короля всѣ бумаги *Фуше* были запечатаны, а онъ самъ бѣжалъ къ Принцессѣ Горшензіи, бывшей Королевѣ Голландской. Бонапарше нашелъ его тамъ и сдѣлалъ Министромъ Полиціи. Въ семъ званіи онъ поступалъ весьма искусно: въ рѣчахъ своихъ изъяслялъ великую ненависть къ Королевскому правленію, но тайно спасалъ эмигрантовъ отъ ярости Бонапарта и употреблялъ противъ инсургентовъ слабыя полько мѣры. При заключеніи условій о сдачѣ Парижа имѣлъ онъ свиданія съ *Веллингтономъ*, а можетъ быть и съ самимъ Королемъ; которой по вступленіи въ Парижъ сдѣлалъ его Министромъ Полиціи.

Между тѣмъ Палата Депутатовъ надѣялась удалить Королевскую фамилію отъ престола, и хотя еще не знала, кого избрать Королемъ,

однако довольно ясно показывала, что никогда не призоветъ обратно Бурбоновъ. Доколѣ предѣ стѣнами Парижа стояла армія, она говорила весьма смѣло; но когда армія удалилась, тогда и она лишилась бодрости. Ужасень былъ для Парижа вечеръ по заключеніи капитуляціи. Французскія войска пришли въ движеніе; но чіпобы они не предались въ Парижѣ неиспов- ствамъ, заперли всѣ заставы. Это привело ихъ въ бѣшенство, и нѣкоторые хотѣли силою во- рваться въ городъ; слышны были выстрѣлы. Вдругъ пронесся слухъ, что войска грабятъ пред- мѣстія. Немедленно раздался по всему городу барабанной бой для сбора національной гвардіи и въ одну минуту закрылись всѣ лавки. Всю ночь провели въ страхѣ и безпокойствѣ; одна- кожь важнаго ничего не случилось. Въ слѣдствіе капитуляціи Англійскія и Прускія войска под- ходили ближе; все было спокойно, только въ Палатѣ Депутатовъ происходили еще пренія, и Маршалъ *Массена*, объявленный Команди- ромъ національной гвардіи, не хотѣлъ снять прехцвѣтной кокарды. Но на другой день по утра Генераль *Дессоль* принялъ опять началь- ство надъ оною, и въ мигъ всѣ прехцвѣтныя знамена и кокарды исчезли, а вмѣсто ихъ появи- лись бѣлыя. Въ три часа національная гвардія стала подѣ ружье, и вскорѣ потомъ въѣхалъ Король съ своею гвардіею. Прекрасное шествіе! Всѣ окна и балконы булеvara, по которому ѣхалъ Король, наполнены были дамами. Всѣ махали бѣлыми платками; однѣ держали въ ру- кахъ лиліи, другія носили ихъ на шляпкахъ; ра- достный крикъ: *Vive le Roi!* повсюду раздавался. Часть національной гвардіи встрѣтила Короля въ *С. Дени* и пошла съ бѣлыми знаменами, на которыхъ изображенъ былъ Королевскій гербъ, позади Лейбъ-гвардіи. Шествіе продолжалось болѣе часа. Король сидѣлъ въ простой каретѣ. Онъ былъ очень пронутъ и нѣкоторые примѣ- тили на глазахъ у него слезы — слезы радости

или печали? Можешь быть и тѣ и другія. Нѣтъ сомнѣнія, что восторгъ, съ копорымъ его принимали, былъ непригвѣренъ, но кто не знаетъ ничего, легковѣрнаго, непостояннаго характера Французовъ? Все новое ихъ занимаетъ; и всякая малость можешь переменить ихъ мысли. Высокочарная рѣчь о національной чести, и о спыдѣ бытъ униженными присутствіемъ иностранныхъ войскъ можешь заставить ихъ забыть, что они во впервой разъ обязаны Королю міромъ. Къ помужь армія имѣеть еще много приверженцевъ, и удалена противъ воли. Она издада даже родъ прощальной рѣчи, въ которой говоришь, что есѣли возвратишься такое Правленіе, которому она никогда не будетъ повиноваться, то послѣдишь въ Парижанамъ на помощь и возстановишь національную независимость. Это одно только хвастовство; но показывается духъ народа. Король занялъ опять Тюльерійскій дворець: радостныя восклицанія слышны въ дворцовомъ саду и на улицахъ. Весь городъ иллюминированъ и повсюду поюшь или играюшь любимую пѣсню: *Vive Henry IV!* Королевскимъ повелѣніемъ призваны опсѣваленные, Бонапартомъ чиновники обращно къ ихъ должностямъ, и сіе усугубляетъ радость. Ахъ! есѣлибъ она могла бытъ долговременна и не возмущаться прощивнымъ духомъ! Одна только армія опасна; есѣли ее успѣюшь распустишь или преобразовать, то Король ушвердится навсегда.

Дептинадъ.

(Изъ Morgenblatt.)

СРАВНЕНІЕ ДВУХЪ ВЕЛИКИХЪ МУЖЕЙ.

Фильдингъ былъ отличный писатель. Многие знаютъ его только по одному его сочиненію *Томъ-Джонсу*, а прочія творенія его неслишкомъ извѣстны; но безчисленные романы *Августа Лафонтена* и другихъ новыхъ *Скюдери* никакъ не могутъ сравниться съ *Иосифомъ Андрюсомъ*, *Амелиею* и *Ионатаномъ Вильдомъ*. Въ семъ послѣднемъ сочиненіи, *Фильдингъ* подъ завѣсою насмѣшки старается исцѣлить людей отъ ложныхъ и опасныхъ мнѣній о величіи. Перечитывая сіе сочиненіе, я былъ пораженъ сходствомъ между *великимъ* Ионатаномъ и *великимъ* Наполеономъ. и подумалъ, что сравненіе сихъ двухъ *великихъ* мужей можетъ быть пріятно и полезно читателямъ.

Но кто былъ сей знаменитый Ионатанъ Вильдъ? Кто онъ былъ, Милостивые Государи? Признаться, онъ былъ смѣльчакъ, искатель счастья, воръ но воръ перваго класса, великій геній въ изящномъ художествѣ; слишкомъ мало уважаемъ.

„Отецъ Вильда, говоритъ сочинитель, отличился во время междоусобныхъ войнъ, переходя попеременно всегда на ту сторону, которой, по видимому, благопріятствовало небо.“ Сожалѣемъ, что сія черта принадлежитъ великому Вильду не одному. Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что въ прекрасный день 13 Вандемьера, великій Наполеонъ предложилъ сначала услуги свои Парижскимъ гражданамъ, державшимся стороны Короля, а потомъ сдѣлалъ поже предложеніе конвенту. *Небо, по видимому, благопріятствовало конвенту*, и онъ направилъ въ гражданъ каршечные выстрѣлы.

Послушаемъ, какимъ образомъ Вильдъ великій изъясняетъ свои правила: „Я отъ природы такъ самолюбивъ, что охотѣе желаю

бышь первымъ въ самомъ низкомъ сословіи, нежели послѣднимъ въ самомъ высокомъ. Мысли мои могутъ показаться вамъ справными, но вершина навозной кучи моему самолюбію пріятнѣе нежели подошва величественной горы. Не забѣчусь, какого рода ролю я играю, только чтобы она была блистательна. Мнѣ все равно — шолько, чтобы я могъ повелѣвать!

Успрашая и увлекая за собою людей честныхъ, но слабыхъ и безхарактерныхъ, принимая начальство надъ всѣми гнусными, дерзкими и свирѣпыми исчадіями революціи, Наполеонъ также достигъ вершины — навозной кучи.

„Въ нашемъ героѣ, прибавляетъ Фильдингъ, все было истинно велико: онъ всегда былъ господиномъ самаго себя, и никогда не могъ насытить своего самолюбія. Онъ не столько былъ богачъ тѣмъ, что имѣлъ, какъ бѣденъ ошъ ного, чего ему не доставало, и распространялъ свои желанія по мѣрѣ своего благодѣтствія; ибо сія милое безпокойство, которое никогда не оставляетъ сердца, сія величественная ненасытность, которая умножается по мѣрѣ ея удовлетворенія есть первое правило или необходимое свойство великихъ людей.“

Въ семь случаевъ сходство между Гошананомъ великимъ и Наполеономъ великимъ споль очевидно, что мы не имѣемъ надобности доказывать оное; но не можемъ не выписать трогательныхъ размышлений историка о плачевной судьбѣ сихъ великихъ геніевъ, сихъ существъ высшей природы, для которыхъ, по видимому, созданы всѣ прочіе люди, и которые получаютъ споль малую пользу отъ бѣдшвій, причиняемыхъ ими своимъ сопшчичамъ.

„Что до меня касается, присовокупяетъ онъ; но я признаюсь, что почишаю себя изъ числа шѣхъ слабыхъ смертныхъ, которые родились для славы и пошѣки великихъ людей, и ештьлибъ я увидѣлъ, что мой герой дѣлаешся щасшливымъ отъ спраданий и погибелъ шисл-

чи подобныя мнѣ пресмыкающіяся, но упокоился бы и могъ бы даже воскликнуть съ удовольствіемъ: прекрасно, прекрасно, другъ мой! уснѣвай! — Не когда я вижу, что великій телодѣльцъ цлиравтъ съ холоду и стужи посреди ста тысячъ несчастныхъ, испускающихъ дыханіе для злого забавы, когда усмашриваю, что цѣлыя народы въ конецъ разоряются единственно для того, чшобъ великій телодѣльцъ изъавилъ сожалѣніе, что не остается болѣе народовъ, которые могъ бы погубить — тогда, признаюсь, готовъ желать, чшобъ природа избавила насъ отъ сихъ превосходныхъ произведеній своихъ, и чшобъ великіе люди никогда не являлись въ свѣтѣ.“

Слишвомъ извѣстны правила, по которымъ Наполеонъ великій въ теченіе 15 лѣтъ управлялъ несчастною Франціею. Не его ли устами Ионапанъ говоритъ: „Что дѣлать мнѣ для допстиженія величія? Добывать людей и заставлятъ ихъ шрудиться для меня одного. Служители мои будутъ грабить въ мою пользу и довольствоваться небольшою наградою за шруды. Изъ нихъ выберу я въ свои любимцы самыхъ смѣлыхъ и самыхъ прешупныхъ — такъ называютъ ихъ люди обмановенные. Прочихъ же могу по временамъ изгонять и вѣшать, какъ мнѣ вздумается! Сямъ средствомъ — и вошь главная заслуга людей моего разбора — я буду употреблать въ личную пользу мою и самыя законы, установленныя для выгодъ и охраненія общества.“ Никшо не можетъ опровергнуть, чшобъ Наполеонъ не исполнялъ непрерывно сихъ предписаній. Читатели! эту самую тактику наблюдалъ Ионапанъ Вильдъ великій, какъ вы усмотрите изъ перваго тома его удивительной исторіи. „Сей великій мужъ, по свидѣтельству его историка, умѣлъ играть страстями людей, пропшотивопоставляя ихъ искусно одну другой, употребляя въ пользу свою зависть и боязнь, которую умѣлъ возбуждать

въ сердцахъ тѣми выпрепными подвигами, которые у людей обыкновенныхъ называются измѣною, ложью, обманомъ, подлогомъ, а у людей великихъ именуется политикою. . . . Онъ обманывалъ и шѣхъ, которыхъ употреблялъ для приведенія въ заблужденіе другихъ. Это высокая степень величія, и шотъ, кто достигаетъ оной, приближается, сколько возможно, къ совершенству силъ адскихъ.“

Никшо не приблизился къ сему совершенству болѣе Наполеона великаго. Доказательства сему встрѣчаются на каждой страницѣ его исторіи, и мы не имѣемъ надобности исчислять ихъ.

Ионашанъ великій не зналъ правописанія, и говорилъ дурно: ои два сходства съ новымъ героемъ достойны примѣчанія. Мы слышали, какъ великій человекъ при открытіи засѣданій Законодательнаго Сословія говорилъ: *voire de piere section* вмѣсто: *session*, *le plus petit tateau*, вмѣсто: *le plus petit hameau* и пр. но, какъ Фильдингъ весьма благоразумно, замѣчаетъ, никшо не думаетъ, чтобы великому человеку надобно было и грамотныиъ. Довольно шого, еслии сии знаменитыя особы умѣють искусно заговаривать и исполнять вѣроломныя происки, для приобрѣтенія средствъ, чтобы разорять и убивать часть рода человѣческаго. Они не будутъ имѣть недостатка въ умныхъ и ученыхъ писателяхъ, которые всегда готовы восхвалять имъ хвалы.

Еще одно сходство: Вильдъ великій, не успѣвъ въ одномъ изъ великихъ предприятий своихъ, подобно Наполеону вздумалъ было лишиться себя жизни, но природа, по словамъ его историка, шепнула ему въ ухо, чтобы онъ поберегъ свою жизнь — и онъ повиновался сему внушенію. Фильдингъ при семъ случаѣ старается извинить своего героя въ упрекъ малодушія, который могъ бы погрязить его славу и унижить величіе его характера. Онъ говоритъ: «если-

ли природа произнесла уже какой нибудь приговоръ, но ни что въ свѣтъ не можетъ удержатъ его исполненія. Припомъ не подожмиь никакому сомнѣнью что всякой человекъ при рожденіи въ свѣтъ, имѣетъ особенное назначеніе, а природа въ самомъ началѣ приудила нашему герою то роковое возвышеніе, которое есть самый приличнѣйшій конецъ для всѣхъ великихъ людей. Это подтверждаетъ истину зачатія: *кому быть повдвигну, того не утопятъ.*

Мы не могли сообщить здѣсь всѣхъ достопамятныхъ приключеній *Ионатана великаго*, но шѣ, которые примуть на себя трудъ прочесть ихъ, увидятъ, сколь трудно рѣшить, не болѣе ли онъ сдѣлалъ на шѣснѣ своемъ поприщѣ, нежели нашъ современникъ на обширномъ возрищѣ вселенной.

Одинъ изъ послѣднихъ подвиговъ *Вильда* былъ столь великъ и чудесенъ, что Фортуна сама позавидовала своей пвари, и по ревности, по непоспоянству или по прихоти, стоидъ своей собственной Женщинамъ, по шавляющимъ часто любимцевъ своихъ на высокую степень для того, чтобъ паденіе ихъ было шѣмъ ужаснѣе — вздумала замышлять противъ него. Казалось, что *Вильдъ* достигъ той точки, до которой возвысились всѣ герои его разбора, и чрезъ которую Фортуна переступитъ не позволяетъ. Можно бы прибавить, что всякой великой человекъ назначенъ, по видимому, для наполненія въ семъ мѣрѣ известной мѣры злодѣяній и несправдливостей, и что по наполненіи оной, Фортуна также мало бережетъ своего героя, какъ червь, изъ котораго вытянули шелкъ: она престааетъ его поддерживать и предаетъ его на произволъ судьбы.

Можно догадаться, какой конецъ *Вильдъ Ионатанъ великій*; онъ былъ выведенъ изъ *Нюгешской тюрьмы* и.... Но мы не можемъ еще кончить сравненія.

(Изъ Франц. Журн.)

VII.

С М В С Б.

Изъ разныхъ Журналовъ.

Расположеніе Союзныхъ армій во Франціи.

I. *Пруская армія*. Канд (Саен) гл. квартира Фельдмаршала *Князя Блюхера*. Она занимаетъ департаменты: Финистерра, Морбигана, Кошдю-Нордъ, Маншь, Илли и Вилени, Калвадоса, Орны, Майенны, Саршы, Эры (Еуре) и Лоары; Нижней-Сейны, Эры, (оба до лѣваго берега Сейны) Лоары и Шера, Эндры и Лоары, Мена и Лоары, Нижней Лоары (послѣдніе до праваго берега Сейны.)

II. *Пруская армія* въ соединеніи съ *Великобританскою* и *Австрійскою* арміями, деп. Сейны, Сейны и Оазы до лѣваго берега Сейны.

III. *Великобританская* и *Нидерландская* армія. *Парижъ*, гл. кв. Фельдмаршала *Герцога Веллингтона*. Деп. Нижней Сейны, Эры, Сейны и Оазы (по правому берегу Сейны) Лиса, Норда, Сейны и Марны (на лѣвомъ берегу Сейны) Сомы, Па-де-Кале и Оазы.

IV. *Россійская армія*. *Мелёнъ* гл. кв. Фельдмаршала *Графа Барклая де Толли*. Департ. Сейны и Марны (на пр. б. Сейны) Эны, Арденскій, Марны, Мааса, Мёршы, четверть верхней Марны, прешъ Обы.

V. *Баварская армія*. *Озёрръ*, гл. кв. Фельдмаршала *Князя Вреде*. Деп. Лоарэ до Лоары, Юнны, Ниевра, двѣ прешни Обы, три четверти Верхней Марны, Вогезскій.

VI. *Виртембергскія* и *Дармитатскія* войска, состоящія подъ командою Кронпринца *Виртембергскаго* въ деп. Аалъе и Пюи-де-Домъ.

VII. *Австрійская армія*. *Понтенебло* гл. кв. Фельдмаршала *Князя Шварценберга*.

а) *Верхне-Рейнская армія.* Деп. Каншаль, Лозера, Гарда, Лоары, Верхней Лоары, устьевъ Ромы, Воклюзы, Нижнихъ Альповъ, Бара.

б) *Италійская армія.* Деп. Кош-д'оръ, Верхней Соны, Соны и Лоары, Юры, Дубса, Ромы, Эни, Монблана, Изеры, Ардеша, Дромы и верхнихъ Альповъ.

VIII. *Саксонскія и Баденскія войска.* Деп. Верхняго и Нижняго Рейна.

Дополнительныя извѣстія о Бонапарте.

Экспедиція, съ кошорою Бонапарте отправленъ на островъ *Св. Елены*, состоитъ изъ 11 судовъ. При немъ находящіяся *Бертрамъ*, *Монтоломъ* (съ женами и дѣтьми) *Гурго* и *Ласъ*, *Казасъ*, всего 19 человекъ 30 Іюля транспортное судно *Земобія* пришло съ письмами съ *Португуберланда* въ *Фальмутъ*. По извѣстіямъ, сообщеннымъ съ симъ судномъ, Бонапарте нашедся въ судьбѣ своей и былъ очень веселъ. Онъ взялъ съ собою великое число Англійскихъ книгъ и намѣренъ дорогою выучиться основательно Англійскому языку. — Въ разговоръ съ *Лордомъ Кейтомъ*, до отъѣзда своего, сказалъ онъ: *Лудовикъ XVIII* добрый и честный человекъ. Онъ не годился для Французовъ. Они должны имѣть шакого человека, какъ я! (Прекрасная рекомендація великому народу!) Предъ отъѣздомъ своимъ написалъ онъ шоржещественный прошесть прощанья отправленія его на островъ *Св. Елены* и раздалъ оставшимся на *Белдерофонъ* Офицерамъ своимъ свидѣтельства слѣдующаго содержания: „Обстоятельства препяшшающыя мнѣ долѣ держашъ васъ при себѣ. Вы мнѣ усердно служили и я всегда былъ вамъ доволенъ. Поведеніе ваше въ послѣднихъ обстоятельствахъ заслуживаетъ мою похвалу и оправдываетъ мои ожиданія. На *Португуберландѣ* 8 Августа (н. ст.) 1815. *Наполеонъ*.“ Бонапарте,

просился съ прежними друзьями своими, съѣзъ за карты. Онъ великой охошникъ играть въ вискъ и vingt et un. Въ числѣ взятыхъ имъ съ собою вещей находится и бильярдъ.

Процессъ Полковника Лабедейера.

Военный судъ первой дивизіи, въ исполненіе приказанія Е. С. *Графа Мезона*, собрался 3 Августа для произнесенія приговора въ дѣлѣ *Карла Анжелика Франциска Гюше Лабедейера*. Между многочисленными зришелями были *Принцъ Прусскій Вильгельмъ* и *Принцъ Оранскій*. Предсѣдательствомъ былъ Полковникъ *Бертъе де Совиньи* докладчикомъ Башальонный командиръ *Вюитти*, а защитникомъ (Адвокатомъ) обвиненнаго Г. *Бексонъ*. Лабедейеръ, 29 лѣтъ отъ роду, Полковникъ 7 линійнаго полку, Кавалеръ почетнаго Легіона и желѣзной короны, былъ введенъ въ судейскую, въ простомъ зеленомъ серпукѣ, безъ орденскихъ знаковъ. Онъ былъ блѣденъ, но спокоемъ, походка и голосъ его были тверды. Предъ нимъ прочли прежніе допросы, и послѣ обыкновенныхъ вопросовъ, приступилъ къ слушанію свидѣтелей. Главную жалобу принесъ Генераль-Майоръ *Девилье* изъ *Шамберы*, котораго приказанія *Лабедейера* нарушилъ. Онъ не могъ въ семь заперещься, равно какъ и въ переходѣ къ *Вонапаршу* при *Греноблѣ*; только не признавался онъ въ томъ что возвращалъ полку знамя съ орломъ, и раздалъ солдатамъ прехвѣтные кокарды, спрячанныя имъ въ барабанѣ. Другой свидѣтель утверждалъ, что онъ видѣлъ своими глазами, какъ *Лабедейеръ* приказалъ разбить топорами *Гренобльскіе* ворота, претій говорилъ, что слышалъ его восклицаніе: „ошворите! эшо я! Здѣсь Императоръ!“ и пр. — По выслушаніи свидѣтелей и разныхъ вопросахъ (продолжавшихся до полудня) докладчикъ въ краткой, но связной и сильной рѣчи доказалъ, что хотя обвинительныхъ пунктовъ не много, но они такого рода, что обвиненный долженъ былъ

осужденъ на смерть. Генералы *Маршанъ* и *Дювилье* поручили ему посль, который онъ долженъ былъ защищать съ опасностію своей жизни. Бонапаршу надлежало только по мерщвому его шлу войши въ Гренобль. Безъ его измѣны 7 и 11 полки остались бы вѣрными. За симъ докладчикъ предложилъ приговорить Лабедойера къ смерти какъ измѣнника и мятежника, способствовавшаго впорженію Бонапарша. По окончаніи его доклада, Лабедойеръ вспаль и самъ прочель свое оправданіе, начинавшееся увѣреніемъ, что онъ хранилъ бы молчаніе, естлябы дѣло шло только о его жизни, но обязанъ защищать свою честь, которую долженъ передать своему сыну. „Я не участвоваль ни въ какомъ заговорѣ противъ Бурбоновъ, продолжалъ онъ, Наполеонъ вышелъ на берегъ, и я увлеченъ былъ минушнымъ воспоргомъ, не думая, что Опечество мое принуждено будетъ сражаться со всѣми державами Европы. Тогда господствовало всеобщее неудовольствіе. Въ Апрельѣ 1814 года нація и войско оставили Бонапарша, и Бурбоны были приняты съ воспоргомъ. Ошъ чего произоща перемѣна въ общемъ мнѣніи?“ Въ семь мѣсць Президентъ, опасаясь, что онъ прешулитъ границы собственнаго защищенія, перебилъ рѣчь его, и просилъ не вдаваться въ полишику, а только защищать самаго себя. Лабедойеръ пересталъ читать, и кончилъ оправданіе свое объявленіемъ, что раскаишься въ своемъ заблужденіи, и желаетъ, чтобы всѣ Французы чистосердечно собрались вокругъ Лудовика XVIII. „Желаю, вскричалъ онъ, чтобы признаніе и раскаише въ моемъ просшупкѣ было полезно другимъ, и чтобы сынъ мой послѣ моей смерти не спыдился опца!“ — Онъ вышелъ. Пренія судей продолжались до 4 часовъ. Принцы уѣхали, не дождавшись рѣшенія. Приговоръ написанъ слѣдующимъ образомъ: „Военный судъ единогласно признаетъ обвиняемаго виновнымъ 1) въ измѣнѣ 2) въ возмущеніи, 3) въ неиспол-

нені Королевскаго повелѣнія явиться въ печеніи недѣли, и въ слѣдствіе сего приговариваешь его къ смертной казни.“

У одного изъ мяшежниковъ, кошорые шалили предъ Тюльерійскимъ дворцемъ, выпала изъ кармана бумага слѣдующаго содержанія:

Списокъ платы въ первой недѣлѣ Августа мѣсяца.

1-го	Заплатишь Якову С. за прокрашенное восклицаніе: да здравствуетъ Императоръ	15 фр.
2-го	Севастьяну Р. за восклицаніе: да здравствуетъ Наполеонъ второй	5 —
3-го	Ивану Н. за однокрашенное восклицаніе: да здравствуетъ Императоръ	5 —
	— Ему же за три полученные имъ удара палкою	3 —
4-го	Христофору А. ополченному рашнику за разрѣзаніе шали	5 —
	— Ему же за то, что его выгнали изъ саду пиньками	3 —
5-го	Лазарю С. кошорый выжегъ дыру въ плашьь крѣпкою водкою	5 —
	— Ему же за то, что онъ просидѣлъ двѣ ночи въ шюрмѣ	20 —
6-го	числа опредѣлено, по причинѣ усугубившейся бдишельности Полиціи, и сопряженной съ тѣмъ большей опасности, платишь за каждое восклицаніе по 20 франковъ.	

И того . . . 63 фр.

Получишь сіи деньги у Г. М. и сверхъ того бутылку крѣпкой водки.

VIII.

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

157. „Извинише стараго художника, кошорой опягощаешъ васъ своею прозъбою и выслушайте, въ чемъ состоишь дѣло. Я музыкантъ и люблю поезію, копя не большой знатокъ въ ней. У меня есть странная привычка: увидѣвъ новые стихи, раздѣленные на куплеты, я шпотаюсь по первому изъ нихъ дѣлаю годось и читаю даале уже на распѣвъ, подобно древнему трубадуру. Замѣтите, Милостивые Государи! что *отбивная нота* въ музыкѣ щоже, что начальной короткой слогъ въ ямбическихъ стихахъ. Она также не принадлежитъ къ счешу такта, какъ шопъ слогъ не принадлежитъ къ счешу стопъ. Вошь, взглянувъ на стихи и видя, что они ямбическіе, я шотчасъ беру перо, спашю отбивную ноту и за нею черцу, означающую начало полного такта. До сихъ поръ дѣло шло всегда хорошо: я пѣлъ стихи и не сбивался по милости добрыхъ людей, кошорые ихъ писали; но вошь какой то Г. вздумалъ надо мною старикомъ смѣяться. Онъ въ 3 № своего Демокриша напечаталъ письмо къ Машушъ, раздѣленное на куплеты. По обыкновенію своему, я взялъ первой *здравствуй, милой другъ, Машуша!* увидѣлъ, что это хорей, взглянулъ на рифмы, нашель, что первая строка оканчивалась женскою и что въ слѣдующихъ трехъ рифмы сочешавались черезъ спрочку съ мужескими, какъ водишся, что пятая и шестая были обѣ женскія, а седьмая и осьмая обѣ мужескія. Все въ порядкѣ! Я взялъ перо и написалъ голось безъ отбивной ноты, согласуя свои такты съ окончаніями строкъ. Дѣло сдѣлано и я началъ пѣшь: вшорой, третій куплетъ — все стройно; дошло до четвертаго (*я погибъ отъ пустяковъ*) и — шпоткнулся: въ окончаніи первой строки у меня оказалась нота лишняя. Чшо за диковина? Смош-

рю, ашо всё шесть строкъ съ мужескими рифмами. Я передѣлалъ голосъ, смаралъ лишнія ноты и началъ опять пѣшь; но въ слѣдующемъ куплетѣ опять смѣшался. Что за чудо? этого со мною не бывало. Разсматриваю и вижу, что женская рифма изъ первой и шрешей строки пересѣкалась въ вторую и четвертую, а пятая и шестая опять возвратили прежнія права свои, назывались именемъ прекраснаго пола. Я съ огорченіемъ взялъ прежній голосъ и сдѣлалъ, чшобъ всё шакшы годились на женскія окончанія, и чшобъ мужескую рифму, гдѣ она случилась (да, Милоспивые Государи, *случится* пошому чшо я только случайности это приписываю) *потянуть* голосомъ. Дѣло пошло на лады, но пришелъ седьмой куплетъ: *надб предразсудками чловѣ*. Чоршь возми! или я не музыкантъ или сочинилель не стихотворецъ: эшо ямб! надобно поршить голосъ и ставить отбивную ноту; но я остерегся, посмошрѣлъ дальше: только два куплета ямбическихъ, а девятой и десятой опять хорическихкіе. Лучше пропустить ихъ, чѣмъ поршить ноты, подумалъ я, право смыслу не убудеть; но между тѣмъ я напуганъ и прибѣгаю къ вамъ, Милоспивые Государи! съ поворнѣйшею просьбою: вразумите меня, смѣюшся надо мною такими стихами, или эшо нынѣ шакъ у васъ водилсь. Ежели первое, то не правда ли, Милоспивые Государи! чшо эшо грѣхъ? Покойникъ *Демокритъ* не смѣялся надъ честными людьми; онъ осмѣивалъ только пороки и слабости чловѣческія, а ежели послѣднее, то я заблаговременно сталъ бы выдумывать, какъ сочинять ноты съ *наставками*, чшобъ можно было отбивную ноту и другія въ случаѣ надобности подразумѣвать только, а иногда приставлять ихъ по приходи поэша. Одолжите меня, Милоспивые Государи! ошвѣтомъ и выведите изъ безпокойства. Я прочиталъ речитативомъ уже слѣдующее *Рондо*: хорошо, чшо я въжливъ, а другой счелъ бы, чшо сія стихи, гдѣ главную

ролю играешь *сивуха, сивухванъ, сивалдай* (какіе dur-тоны для нѣжнаго слуха!) — сочинены съ первыми въ одинаковомъ духа расположеніи.

Приложенные у сего *десять руб.* (10 р.) покорнѣйше прошу употребить въ пользу раненыхъ полковыхъ музыкантовъ. Это коня рѣдко, но бываешь и съ ними, и я приглашаю всѣхъ любители музыки не оставить пособіемъ сей также нужный классъ людей. — Честъ имѣю пребыть и пр.

Муромской музыкантб.

Муромъ,
3 Августа 1815 года.

Деньги сіи будутъ отданы по назначенію. Что касается до разрѣшенія сомнѣнія Господина Муромскаго музыканта, то, намъ кажется, онъ самъ, и при поверхностномъ обзорѣніи *Демокрита*, увидишь, что главная цѣль его свѣяться надъ суешами міра сего: Грамматикою, Логикою, Риторикою, Пѣншикою, и прочимъ вздоромъ, кошорымъ люди обыкновенные кошатъ удерживать пареніе выпреннаго генія. Въ четвертой книжкѣ онъ свѣется надъ симъ еще удачнѣе. Вошь одинъ изъ помѣщенныхъ въ ней (на стр. 34) куплетовъ. (Совѣтуемъ положить его на музыку.)

Разсвворяешь хляби мрачны
Свои зловерный амещистъ,
Ударивъ въ саллинги прозрачны —
Берлашовъ раздаешь свистъ.

(27 Августа.)

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А .

1815. № XXXVI.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА.

I.

С Е Л Ъ С К А Я Ж И З Н Ъ .

Пятнадцатое письмо въ Нижній-Новгородъ.

Я могу сказать о себѣ, что всегда спрашно любилъ деревню. Когда былъ помоложе, когда пылкость спрашней, разсвѣяность, честолюбіе, успрямляли всю дряхельность ума моего къ шумному кругу большаго общесшва, и тогда сердце мое шайно вздыхало по сельской жизни. Удавалось ли мнѣ, хотя на корошкое время, вырывашься изъ городскихъ спшнь, и я чувспвовалъ себя со-всѣмъ другимъ человекомъ: мнѣ казалось, что я дышалъ и мыслилъ свободнѣе. Бродя по рощамъ, съ Виргиліемъ или Томсономъ въ рукахъ, я, въ бесѣдъ ихъ, по цѣлымъ днямъ забывалъ, что еспш города на свѣшъ;

а когда приходило время разспавашься съ полями, и опять возвращашься шуда, гдѣ всѣ слѣды природы изглажены, то сердце мое, сжималось ошъ грусти, и я повшоралъ за Гораціемъ:

O! Rus, quando ego te aspiciam? quandoque licebit
Nunc veterum libris nunc somno ac inertibus horis
Ducere sollicitae jucunda oblivia vitae? *)

— Наконецъ пламенное желаніе мое исполнилось: я щасплавъ, другъ мой! я въ деревнѣ!

— Ты спросишь меня: въ чемъ состоишь благополучіе мое? Я тебѣ скажу: оно такого рода, что его можно ощущать, а не описывать. Забываю прошедшее, не забочусь о будущемъ; все бытіе мое сосредоточено въ наслажденіи настоящимъ; и все, что ни окружаетъ меня, веселишь сердце мое и улаждаетъ чувства. Спокойство ничѣмъ ненарушаемое, жизнь, *незнающая* злобы, тишина, обширныя долины, аромашный воз-

*) Жилища сельскія! когда я васъ узрю!

Когда позволено мнѣ будешь небесами,

Иль чтеніемъ, иль сномъ, иль праздными часами

Забошы жищія въ забвенье погрузишь? —

Переводъ М. Н. Муравьева.

духъ, священный сумракъ дубравъ... Чего больше! Каждая мысль моя — чувство; каждое бѣненіе сердца — роскошь. Какія сладостныя минушы, въ кошорыя человекъ можетъ благодарить Бога за то — что онъ *существуетъ*! И не лучше ли одна такая минуша, въ кошорую я, въ полномъ убѣжденіи совѣсти, могу сказать: *я счастлива!* — чѣмъ цѣлый вѣкъ, проведенный въ суешныхъ исканіяхъ честолюбія, или въ пустомъ шумѣ свѣтской жизни?

Въ провздѣ мой изъ Москвы сюда, я имѣла случай удостовѣриться, что у насъ еще очень мало охотниковъ до сельской жизни. Бдучи на долгихъ, я оспанавливалась вездѣ, гдѣ привлекала меня красота мѣстоположенія; и, такимъ образомъ, подробно осматривая множество прелестныхъ усадебъ, въ кошорыхъ... Увы! по большой части живущіе только управители. Сколько видѣла я прекрасныхъ, но опустѣлыхъ домовъ, съ садами заросшими крапивою! — Здѣсь стоишь замокъ съ куноломъ, со всеми запѣями великолѣпной архитектуры, но онъ бо лишь стоишь недоспроенъ, и гра-

нишний помосць его начинаеть уже зара-
спашь мохомъ. Видь печальный запусша-
нїя!

A naked subject to the weeping cloud,
And waste for churlish winters tyranny!

Индь видьль барской домъ, съ кровлею, ош-
часпи обвалившеюся, безъ оконъ, безъ две-
рей: развалина не ошь времени, а ошь не-
бреженїя. Гдѣ ни спросишь о помѣщикѣ,
вездѣ почши одмиь ошвѣшь: — *въ Питербъ.*
— Давно ли былъ у васъ? — Или: *никогда,*
или: *давно, проѣздомъ.*

Надобно признашься, что изъ Европей-
скихъ народовъ, Англичане лучше всѣхъ
умвюшь и любяшь жишь въ деревняхъ, а
что еще шого похвальнѣе: любовь ихъ къ
сельской жизни, ешь плодь насшоющаго
ихъ просвѣщенїя. Совсѣмъ шому прошив-
ное, произошло у насъ: мы съ образованїемъ
начали покидашь деревни, и ошь шого у
насъ множешво дворянъ, кошорые по сло-
вамъ Ювенала *) въ *бѣдной лышности* про-

*) *Nic vivimus ambitiosa
Paupertate omnes.*

живаюшь въ еполицяхъ, тогда какъ въ по-
мѣстцяхъ своихъ и они бы могли жишь бо-
драми, а еще того лучше — *наслаждаться*
жизнью. Конечно, есть люди, кошорымъ
должно жершвовашь собою для общей поль-
зы; — о шѣхъ ни слова: но большая часть
нашей браньи, какъ говоринся, *кодитиѣ*
небо! Не лучше ли было бы намъ дома уна-
важивашь свои нивы? Такъ ившь! прокля-
ное чесполубіе! — „Въ городахъ вѣдь шод-
„на людей: семь-ко и я взмошусь на плечи
„народу и буду казашься выше другаго.“ —
Бвднякъ! народъ разшунишся, а ты — плаухъ!
и лежишь въ грязи. — Не помню, гдѣ я чи-
шалъ и о кошоромъ Англійскомъ Королѣ,
шолько анекдотъ мнѣ очень понравился. —
Воишь онъ: — Лорды любили еще шѣснись
въ дымномъ Лондонѣ, а Королю ихъ впо
не нравилось. Онъ имъ говорилъ: „Государи
„мой! я отдаю полную справедливосшь ва-
„шему усердію, и благодарю васъ за чесшь,
„кошорую вы мнѣ дѣлаеше — наливашь мнѣ
„вино, распоряжашь моею кухню, держашь
„мнѣ шпремя, илч носишь при себѣ ключъ
„отъ моей спальни; но... согласишесь са-

„ми, что въ вашихъ помѣстьяхъ, вы какъ
 „военные корабли на Темзѣ, а здѣсь въ
 „Лондонѣ какъ рыбачьи лодки въ морѣ!“ —
 Удачное сравненіе и весьма ясное для того
 кому случалось видѣть суденочки, ко-
 торыя на Невѣ, какъ челноки, чушь мель-
 кають, тогда какъ на Пахрѣ и они бы ка-
 зались, по крайней мѣрѣ, барками.

Часто врачи совѣщаютъ *болныиѣ* сво-
 имъ жить въ деревнѣ для воздуха: я бы и
здоровыиѣ совѣщевалъ почаще жить въ
 деревнѣ, для исправленія или подкрѣпленія
нравственнаго здоровья. Никто не оспори-
 ваетъ существованія тѣсной связи между
 тѣломъ и душою, и что въ слѣдствіе сего,
 чистый воздухъ, какого никогда въ боль-
 шихъ городахъ не бываетъ, принося пользу
 физическому нашему составу, долженъ не-
 премѣнно имѣть сильное вліяніе и на душу.
 Но это еще дѣйствіе *посредственное*, а я
 утверждаю, что сельская жизнь должна *не-
 посредственно* излечивать многіе нравствен-
 ные недуги, лишь бы одержимые оными не
 прошивались предписаніямъ благошворной
 природы. Не говоря теперь о прочихъ бо-

лѣзняхъ, заражающихъ въ многолюдствѣ, я назову только честолюбіе: отъ него деревня — радикальное лекарство; и вошь сему доказательство въ повѣсши, которую напишу пѣмъ самыми словами, коими слышалъ оную отъ сосѣда моего.

„Филошимъ родился съ душою доброю и съ умомъ способнымъ къ истинному просвѣщенію, но воспитаніе дало самолюбію его ложное направленіе, и онъ взросъ и возмужалъ, полагая все блаженство жизни въ томъ, чтобы доспичь до такой степени, на которой любимецъ щасія оплещается отъ полпы смертныхъ — шипымъ золотымъ кафшаномъ и лентами. Стремленіе къ превосходству, конечно, есть потребность души благородной, но, по несчастію, Филошимъ смѣшивалъ въ понятіяхъ своихъ — *превосходство съ превосходителствомъ*, а форшуна, благосклонная ко многимъ другимъ, ничѣмъ его не лучше, противъ него одного заупрямилась, и ни въ малѣйшемъ не хотѣла угодить его самолюбію. Такая неудача, хотя во всякое время раздражала его, но пока онъ былъ еще молодъ, шо поддерживала

его надежда на лучшее шасіе; когдаже онъ перешунилъ за тридцать, и увидѣлъ, что всѣ сверстники его вѣдѣшь цугомъ, а онъ одинъ четверней, что на всѣхъ сыплюсь деншы, а на него ни одна не упадешъ — тогда потерялъ надежду, и бодрость его оставила. Онъ изнемогъ подъ бременемъ гнѣшущей его горести: мрачная меланхолія имъ овладѣла, и бѣдный Филошимъ, унылый, блѣдный, не въ силахъ уже былъ даже и пришворно улыбаься, когда слышалъ о чемъ либо производствѣ. Въ шакомъ положеніи жизнь его висѣла на нишкѣ, и ша было порвалась онъ шушки. Нѣсколько шпыней, примѣтившихъ слабость Филошиму, согласились между собою позабавиься на его щетѣ. Они увѣрили его, что въ какое-шо насшупающее шоржештво, онъ получишь чинъ и деншу, и что они видѣли докладъ у Министра и сами чишали имя его въ списокъ производшва. — Чего очень хочешся, шому легко вѣришся: Филошимъ ожилъ. Насшупидъ день шоржештва, и онъ до свѣша всчалъ и разрядился. Первая его кареша гре-

мишь на дворцовой площади; первый онъ вбѣгаешь въ залы, въ кошорыхъ полонеры еще напирали подь — и безъ чюго скользкой. — Съ какимъ неперпвнїемъ Филошимъ ожидалъ обнародованїя производсва — это можно легко вообразить. Но кто можешь представишь себѣ проложенїе его, когда, перечиславъ нѣсколько разъ списокъ, онъ не нашель въ немъ своего имени! — Лисшь, заключавшїй въ себѣ сполько обрадованныхъ, для него одного былъ Медузиною головою: онъ ошполбенѣлъ, лишился языка, движенїя. Увидя его въ шакомъ положенїи, одинъ изъ его знакомыхъ опвезъ его домой. Филошимъ опомнился сполько на другой день, окруженный врачами, и шущь рошли ежедневныя консулшаци, на кошорыхъ не было двухъ человекъ одного мнѣнїя. Одинъ говорилъ *Левкофлегматїя*; другой кричалъ: *Эретизмъ*; шрешїй шого громче ушверждалъ, что ешь замѣшашельсшво въ *Пересталтїкъ*; и одинъ Богъ знаешь, сколько бы продолжалось ученое пренїе сіе, на щепь жизни и кармаца бѣднаго Филошима, ешьли бы, наконецъ, не одержалъ побѣды одинъ изъ гро-

могласнѣйшихъ Эскулаповыхъ дѣшей, прѣмъ упорнѣе успоявшій въ мнѣніи своемъ, что во всѣхъ случаяхъ онъ видѣлъ всегда одно и тоже, именно: *Метастазъ*, въ слѣдствіе чего и Филошиму должно было покориться приговору, имѣвъ въ печени *желтый Метастазъ*. Назномъ остановилось. Врачъ побѣдитель взялъ больного на свои руки, лечилъ его годъ, два, и наконецъ до того долечилъ, что онъ не могъ уже и пальцемъ пошевелить. Дѣло остановилось плохо: но какъ поборнику *Метастазовъ* надобно было успоять въ своемъ и доказать, что *Метастазъ* и онъ правы, а виноваты одинъ только Филошимъ, то онъ и послалъ его *отправляться*, (чуть не сказавъ, *отправляться*) на чистомъ воздухѣ въ деревнѣ: точно такъ какъ Лондонскіе врачи посылаютъ неизлечимо больныхъ своихъ — къ Бришольскимъ водамъ. “

„Филошимъ былъ такъ слабъ, что не могъ и сидѣть въ каретѣ: его лежащаго ошвезли въ деревню. Это было въ первыхъ числахъ Мая, когда природа обновляясь даруетъ жизненные силы всему шворенію, и волнуя сердце человѣческое неизъяснимымъ

чувствованіемъ радости, внушаетъ ему какое то таинственное предчувствіе счастья. Больной былъ такъ слабъ, что не могъ пользоваться симъ благошворнымъ вліяніемъ; однакоже и надъ нимъ природа подвѣшвала, какъ палліативъ. Въ городъ, онъ не могъ и подумать вспавать съ послами; въ деревнѣ, съ самыхъ первыхъ дней, началъ сидѣть въ креслахъ, и вскорѣ пошомъ ходитъ по комнатамъ. Тѣло, какъ будто прошивъ воли его, приходило въ силу, тогда какъ мучительный призракъ все еще гнѣздилился въ сердцѣ и перзалъ его. Мечты, источникъ его несчастія, преслѣдовали его въ деревнѣ и не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. То тѣмъ, то другой изъ знакомыхъ представлялись воображенію его обвѣшанные лентами, осыпанные звѣздами; и призраки сіи нарушали спокойствіе его даже и шамъ, гдѣ ленты и звѣзды всего менѣе нужны. Въ одно утро, предавшись, болѣе обыкновеннаго, мучительнымъ размышленіемъ своимъ, онъ подошелъ къ открытому окну и машинально устремилъ взоры на поле. Крестьянскія дѣшши, здоровыя, прекрасныя, рѣзвились на лу-

гу и въ запуски гонялся за бабочками. — Щастливый возрастъ! — сказала вздохнувъ Филошимъ — когда мечты занимающъ, веселятъ и не оставляющъ горечи въ обманутомъ сердцѣ . . . мечты! — Филошимъ! . . .”

— И онъ отошелъ отъ окна, какъ будто успѣдая самаго себя. — Это было первое благотворное впечатлѣніе. Филошимъ мыслями пренесся къ прелестнымъ явленіямъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ. — Кто не любилъ вспоминать о нихъ! — Представилъ себѣ, какъ онъ самъ бѣгивалъ по широкимъ лугамъ, гдѣ шеперь видѣлъ мальчиковъ, вспомнилъ и о сверстникахъ своихъ, но безъ лѣтъ, безъ звѣздъ, а играющихъ съ нимъ и отъ всего сердца веселящихся. Въ такихъ размышленіяхъ, онъ опять подошелъ къ окну, и, въ первый разъ, почувствовалъ ароматный запахъ березокъ, примѣшивъ цвѣтши на лугу и услышавъ голосъ жаворонка. Онъ сълъ въ пріятной задумчивости, изъ коей вскорѣ извлекъ его крестьянской мальчикъ, бѣспородный по дорогѣ и поющій во все горло. — Куда, молодецъ? — закричалъ Филошимъ. — На пашню, баринъ! — былъ отвѣтъ, доно-

ши, съ кошорымъ онъ еще удвоидь шагъ. —
 Посшой, другъ: куда снѣщишь? — На пашню,
 баринъ Башюшка пашеть на милосшь швою
 подь яровое, а вошь уже солнце высоко,
 шакъ я несу ему покушашь. — Снѣши, лю-
 безный, снѣши накормишь отца; полькъ
 скажи мнѣ одно слово: щаспливъ ли ты? —
 Ахъ! баринъ, какъ не бышь щаспливу! Ви-
 димъ ли, какую намъ Богъ даешь погоду!
 Взгляни на ромъ: эшаконъ всходь, чшо какъ
 досмошришь на ниву, шакъ сердце запры-
 гаешь онъ радости. А вѣдь намъ, баринъ,
 здоровье, урожай, да добрый помѣщикъ, шакъ
 мы и щаспливы. — Сказавъ эшо, онъ пу-
 ешлася бѣжашь во всю мочь.

Здоровье да хлѣбъ — и съ эшимъ онъ
 щаспливъ! — говорилъ про себя Филошимъ.
 Онъ думаешь.... Но на чшо *думать* о ща-
 сшнн? надобно чувствовашь его! — Такъ, дн-
 шя природы! я вѣрю шебъ: ты щаспливъ!
 Ты исполняешь священный долгъ, ты слу-
 жишь отцу своему ты... — а я! — кому
 служилъ? — Отцу? — Нѣшь! въ 15 лѣшь
 голова моя кружилась химерами въ сполицъ;
 я изрѣдка посѣщаль шарика, и по еще вмѣ-

нялъ въ большую жертву; что на несколько дней вырвался изъ вихря суеты, для того, чтобы предаваться въ объятія родителъ и природы. Тѣнь священная; суди меня! — Я не заслужилъ быть щасливымъ! — Проговоривъ это, Филошимъ горько зарыдалъ.

„Слезы, для скорбнаго сердца; но; чшо дождь для земли, послѣ долгой засухи: душа Филошимова облегчилась и оживилась; онъ почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, и съ самой этой минутой, природа преснула бытъ мертвою въ глазахъ его. Во весь день сей, онъ не вспоминалъ ни о звѣздахъ, ни о чинахъ, и даже ночь провелъ спокойно: мечты не возмущали его сна. Когда онъ проснулся, первое его движеніе было подойти къ окну: ему опять хотѣлось видѣть играющихъ дѣтей; но упрѣ было ненащливое и на лугу не было ни кого. — Вошь образъ жизни моей! сказалъ Филошимъ. — Вчера солнце свѣшило, дѣши рѣзвились; день прошелъ, и сего дня уже пасмурно! — Но всѣмъ ли такъ какъ мнѣ? — Нѣтъ! — Родитель мой! Солнце на тебя свѣшило во всю жизнь твою! Небесная улыбка сопровождала послѣдній вздохъ

швой, и жизнь швоя, какъ пихая вечерняя зря, погасла на земль, для того, чшобы возобновишься въ чистыхъ источникахъ безсмертія! — Какъ всь предметы здьсь напоминають мнѣ о тебѣ!.... Сказавъ эшо, онъ пошелъ къ опцовской библиошекѣ.“

„Надобно знашь, что тогда уже нѣсколь-ко лѣтъ прошло, какъ Филошимъ лишился опца своего. Онъ былъ при кончинѣ его, опдалъ ему послѣдній долгъ, и на другой же день, отпраляясь обрашно въ столицу, заперъ библиошеку и взялъ съ собою ключъ, кошорый всегда держалъ при себѣ. — Съ шѣхъ поръ, онъ шеперь шолько, въ первый разъ, рѣшился войти въ эшу комнашу. Опво-ряя дверь — рука его задрожала. Онъ перешу-лилъ за порогъ — и священнй прешешъ обя-лялъ всь чувсшва его. Все въ комнашѣ было на шомъ же мѣсшѣ, какъ при жизни опца; все шакже какъ на канунѣ болѣзни его; одна шолько перемѣна: *кресла стариковы стояли лустыя.* — Филошимъ оспавался додго неподвиженъ у порога; шисычи вос-пминаній, сладкихъ и горькихъ вмѣсшѣ, предшавляли воображенію его рядъ минув-

шихъ лѣтъ: ему казалось, что тѣнь опцовская окружала его со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, успѣдаясь собственной своей слабости, онъ рѣшился подойти къ кресламъ, и увидѣвъ предъ ними то, чего въ первомъ смущеніи не примѣшилъ — нагой, а на немъ опкрышую псалтырь, ту самую, которую опецъ его ежедневно читалъ. Филошимъ взглянулъ на книгу, и первый стихъ, который представился глазамъ его, былъ слѣдующій:

*„Человѣкъ яко трава; днѣ его, яко цвѣтъ
 „сельній. Яко духъ пройде въ пемѣ, и не бы-
 „детъ, и не познаетъ къ тому мѣста сво-
 „его: — милость же Господня отъ вѣка и до
 „вѣка на болящихся его!“*

Что псалтырь случилась опкрышою на этомъ самомъ мѣстѣ, это общошательство самое простое — дѣйствіе случайности; но въ расположеніи ума, въ которомъ находился Филошимъ, оно представилося ему сверхъестественнымъ; ему казалось слышавъ гласъ опца, зывающаго къ нему изъ могилы. — „Такъ! — вскричалъ онъ: — я слышу тебя, родитель мой! Ты зываешь мнѣ изъ гроба и указываешь путь,

по кошорому ты прошелъ поприще добродѣтельной и безмятежной жизни своей. Клянись тебѣ, клянись сею священною книгою, на кошорую я сколько разъ видалъ капающія слезы твои; слезы благоговѣнія и небесной радости — клянись, посвятивъ остатокъ дней моихъ на подражаніе тебѣ!“
 Съ сию клятвою, въ восторгъ произнесенною, Филошимъ вдругъ почувствовалъ радость, кошорой давно душа его не вмѣщала: — яркій лучъ надежды блеснулъ въ оживленномъ его сердцѣ.“

„Такимъ образомъ Филошимъ сперва сдѣлался способнымъ чувствовать прелести природы; пошомъ душа его наполнилась нѣкошорую таинственную надеждою, предчувствованіемъ блага — и этимъ совершился первый, главный подвигъ къ его излеченію. Не доспавало еще уму его упражненій, кошорыхъ, ошвлекая его опъ ложныхъ понятій, сколько вреда ему причинившихъ, дали бы воображенію его новое направленіе, къ предмешамъ, вмѣстѣ занимательнымъ и полезнымъ. И шупъ ошцовская библіотека послужила главнымъ орудіемъ къ совершенн-

му его мсцѣленію. Онъ былъ вѣрнень пріяшному обязательству: не проходило ни одного дня, чтобы онъ не провожалъ въ ней по нѣскольку часовъ, и вскорѣ почувствовалъ, что для мыслящаго чловѣка, хорошія книги лучшіе друзья, коихъ укоризны, справедливы безъ желчи, насмѣшки остры безъ злости, а совѣты всегда истинны и полезны. Чтеніе сдѣлалось потребностію ума его, а плодомъ онаго: убѣжденіе въ томъ, что въ людствѣ чловѣкъ теряется, а находишь себя въ уединеніи.⁶

„Переродился Филошимъ. Душа его спокойна, умъ заняшь; хлѣбопашество, садоводство доставляютъ ему пріяшныя упражненія а физическія науки сдѣлались спрашнію его. Никогда онъ прежде не желалъ, съ такою жадностію, леншы, съ каковою теперь ождаетъ успѣха отъ химическихъ опышовъ своихъ. Однимъ словомъ, Филошимъ здоровъ, щасливъ и каждый день благодаритъ Бога, внушившаго докшору мысль послать его въ деревню. Однако, при всемъ томъ, что умъ его заняшь и душа спокойна, онъ чувствуешь въ сердцѣ ка-

кую, по пустоту, которой самъ себя объяснить не можешь. Однажды случилось ему повспрѣчаться, на большой дорогѣ, съ вдуцими старикомъ и спарухой, крестьянами его. Онъ остановилъ ихъ: — Куда, сшари-вушка? — Въ городъ, отецъ нашъ. — Зачѣмъ? — Купишь кое-что: мы женимъ внука. — Не раненько ли, друзья? — Можеть быть, и рано, да намъ захощьлось, чтобы онъ еще при насъ женился. Вопшь, бабюшко, мы съ сшарухой 45 лѣтъ живемъ и другъ ошъ друга не слышали дурнова слова. Какъ мы, шакъ и сынъ нашъ живешъ съ своею подругою. Авось Богъ благословишь и внучанъ нашихъ, а они пусть при насъ еще поучашся, какъ вести хозяйство, какъ угождашь другъ другу, какъ не всякое лыко шпавишь въ спрокъ. Мы (не въ осудъ бы сказашъ милости швоей) мы вдѣ, отецъ нашъ, не какъ госнода: намъ жена и другъ и помощникъ; вишься смѣемъ, вмѣстѣ плачемъ. Худо съ женою какъ ладу нѣшь, а безъ жены и шоро хуже: одному кусокъ въ горло нейдешъ... — Шасливый путь, друзья, Богъ съ вами!

„Возвращаясь домой, Филошимъ не однократно повшорялъ: *одному кусокъ въ горло нейдетъ!* — За ужиномъ, прошивъ обыкновенія, апецишь его не шакъ былъ хорошь. На другой день, въ библиошекъ, когда онъ читалъ Циммермана *о цединеніи*, слова шариковы: *одному кусокъ въ горло нейдетъ*, невольно въ мысляхъ повшорялся и ошвѣкали вниманіе его ошъ чшенія. Онъ положилъ книгу и пошелъ по аллеѣ, ведущей къ большой дорогѣ. Подходя къ рогащкѣ, видилъ подъвзжающую коляску. Эшо былъ сосѣдъ его, добрый и умный человекъ, прѣхавшій, со всѣмъ семействомъ своимъ, погоспимъ къ Филошиму. Хозяинъ обрадовался госпимъ и повелъ ихъ къ дому. На дорогѣ пошли разспросы. Здоровъ ли нашъ добрый другъ? — сказалъ сосѣдъ. — Слава Богу, ошвѣчалъ Филошимъ; однакоже... — Однако же! что, развѣ худо принимаются Ишальянскіе шополы, или не удаешся сахаръ? — Совсѣмъ не шо: и шополы принялись и сахаръ удаешся — но... — Но! однакоже! — эшо не ошвѣшь друзимъ, сердечное учасшіе принимающимъ во всемъ до

себя принадлежащемъ. Филошимъ, будь почисшосердечнѣе. — Такъ откровенно вамъ скажашь: все хорошо, да шолько... *одному кусокъ въ горло нейдетъ.* — Въ эту минушу Филошимъ и Ларисса, старшая сосѣдова дочь, взглянули другъ на друга. Ларисса покраснѣла и пошупила глаза въ землю; а Филошимъ, хошя спо разъ прежде видѣлъ ее, но шущь {какъ будшо впервые примѣшилъ, что она пріяшна, любезна, что ей лѣшъ подь 30, и что съ нею бы ему *лошелъ кусокъ въ горло.*“

„Предложеніе Филошима, соглашеніе Лариссы, бракъ, семейшвенное шаспіе — все эшо не входилъ въ сосшавъ моей повѣспи. Довольно скажашь, что Филошимъ, шаспнливый супругъ, ошець дѣшей здоровыхъ и прекрасныхъ; однимъ словомъ, шолько благополучень, сколько человѣку дано бышъ благополучнымъ на земль. — Въ одинъ вечеръ, когда онъ сидѣлъ съ женою за чайнымъ шоликомъ, принесли ему письма съ почшмы и при нихъ газетшмы и журналшмы. Первое, что попалось ему въ руки, былъ списокъ произшводства, по случаю какого-шо шор-

жества. Не могъ онъ не вспомнить о дѣйствіи, которое такіе листки производили надъ нимъ, за нѣсколько тому лѣтъ, и не могъ припомъ ушерпѣшь, чшобы не расхотѣдшься, вообразивъ себѣ прежнее безуміе свое. Ларисса спросила его о причинѣ смѣха. — Здѣсь было бы долго объ эщомъ говорить, другъ мой, — отвѣчала Филошмъ, а мы пойдемъ гулять, и я шебѣ подробно расскажу, какъ глупость моя довела было меня до края гроба, въ который бы я и сошель преждевременно, не вкусивъ щастія на землѣ, ещлы бы докторъ... не избавилъ меня оцъ неизбѣжной смерти. — О! эщомъ докторъ, прервала жена, заслуживаетъ какъ швою, такъ и мою живѣйшую благодарность! — Правда швоя, сказала Филошмъ, и я шеперь только вспоминаю что ничѣмъ еще за шо его не наградила: завтра же пошлю ему богатую золошую табакерку... — А я, прибавила Ларисса, наполю ее червонцами. Да чѣмъ же онъ вылечилъ шебя? — Деревнею. — Какъ деревнею? — Предписавъ мнѣ жить, *въ деревнѣ*. — Конечно онъ расчелъ, что чистый деревен-

скій воздухъ будешь тебѣ полезенъ? —
 Нвшь! онъ разсчелъ, что мнѣ вовсе жить
 нельзя, и для того, чтобы сбыть меня съ
 рукъ, отправилъ меня умирашь въ деревню...
 — Такъ за что же его дарить? — А вошь
 за что; какая ни была причина, побудив-
 шая докшора высадить меня изъ города, не
 менѣе того я ему обязанъ, что я въ дерев-
 нѣ, что я здоровъ, что я швой мужъ.
 Впрочемъ, что намъ за нужда до того, что
 онъ будешь чужариться, приписывая исцѣ-
 ление мое своему искусству? Въ душѣ своей
 онъ знаетъ, что меня посавило на ноги,
 а потому и другимъ, можешь бышь, посо-
 вѣдуешь — жить въ деревнѣ.“

II.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1815 ГОДА.

121 † The English Reader. Designed particularly for the use of schools. (Английская книга для чтения, въ пользу училищъ.) С. П. б. 1815 въ шип. Иверсена въ 8 216 стр.

122 * Филибертъ или друзья дѣтства. Сочиненіе Коцебу Переводъ съ Французскаго. М. 1815 въ Унив. шип. въ 12. 4 части, въ первой 156, во второй 107, въ третьей 130, въ чешв. 147 стр.

(Другой, лучший переводъ романа, о которомъ упомянуто было въ No 67 Совр. Р. Библиографіи.)

123 * Тельмакъ на островѣ Калипсо. Большой лирическій представленіе, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ великолѣпными зрелищель, хорами и балетами. Музыка А. Бойельдье. Переведенная (музыка?) съ Французскаго А. Шеллеромъ. С. П. б. 1815 въ Театр. шип. въ 8, 44 стр.

124 † Марсъ и Венера, Анакреонтическій балетъ въ 2 дѣйствіяхъ, соч. Ге. Валберга и Огюста, музыка Г. Антонолини. С. П. б. 1815 въ Театр. шип. въ 8, 7 стр.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИКА.

ИСТОРИЯ ПЯТНАДЦАТИ НЕДЕЛЬ ИЛИ ПОСЛѢДНЕЕ ЦАРСТВОВАНИЕ БОНАПАРТА. *)

Чудовищная власть утѣсняла Францію и угрожала вселенной; она царствовала при звукѣ оружія, въ громахъ объявляла свои усавы. — и сія власть, по прехмѣсячномъ существованіи, по прехдневной войнѣ, исчезла какъ призракъ. *Видѣхъ негестиваго возносяща и высяща и мило идохъ и се не бѣ.*

Въ прошедшемъ Мартѣ мѣсяцѣ благомыслящіе люди говорили: *Бонапарте несетъ къ намъ междуцубную и вишнюю войну*, а приверженцы Бонапарта ошвѣчали восклицаніями: *да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ Наполеонъ!* Предсказанія благомыслящихъ совершенно сбылись. Судно, высадившее Бонапарта на наши берега, подобно кораблямъ, возвращающимся съ воспока и привозящимъ съ собою заразу, привезло къ намъ печаль и смерть; при первомъ знакѣ, духъ революціи — чудовище давно уже скованное — испустило ревъ; ложь и заблужде-

*) Переводъ книжки, вышедшей недавно въ Парижѣ подъ заглавіемъ: *Histoire de 15 semaines ou le dernier gouvernement de Bonaparte*. Хотя мы не совсемъ согласны съ Авторомъ (особенно въ брзвѣнности Французовъ, въ рѣдкой вѣрности ихъ къ Королю и пр) но должно сказать, что это одно изъ лучшихъ изображеній царствованія Корсиканца. Въ другой книжкѣ: *Histoire du Cabinet des Tuileries depuis le 20 Mars 1815 et de la conspiration qui a ramené B en France* содержится подробное описаніе гнуснаго заговора, подавшаго поводъ къ новымъ происшествіямъ во Франціи, но мы ее получили, когда сія спашья была уже переведена, и пошому ошлагаемъ до слѣд. книжекъ. Изд.

не воспріяли свое дѣйствіе; всѣ язвы Франціи раскрылись; всѣ болѣзни человѣческаго разсудка, которыя почитались уже исцѣленными, появились вновь съ ужасными припадками. Въ то время, когда безразсудная червь кричала по дорогѣ Бонапарша: *да здравствуетъ Императоръ! свобода!* у жителей сосѣднихъ странъ господствовало смятеніе. между Французскимъ народомъ и прочими націями вознеслась, преградъ; казалось, что черный флагъ развѣвался на нѣшихъ границахъ, какъ во дни моровой язвы для извѣщенія путешественниковъ, чтобы они удалялись отъ земли, пораженной мщеніемъ небесъ. Видя горестъ и нещастія Франціи, видя всеобщее вооруженіе Европы, приверженцы Бонапарша не преставали еще восклицать: *да здравствуетъ Императоръ!* Угрозы служили отвѣтомъ на всѣ убѣжденія мудрости, на всѣ жалобы злополучія; всѣ семейства должны были нрійти въ опчаяніи, для того, чтобы семейство Бонапарша пребывало въ радости; пристра тысячь человекъ поспѣшили на смерть для спасенія одного; опщы принуждены были отдавать своихъ дѣтей, богашые свои сокровища, бѣдные плоды своихъ трудовъ для защиты того, который навлекалъ на Францію всѣ бѣдствія; восклицанія: *да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ Наполеонъ!* не преставали заглушать всеобщій ропотъ, и изъ нѣдра нищеты, изъ среды развалинь возникали голоса: *да здравствуетъ Императоръ!* Сіи страшныя слова уподоблялись восклицаніямъ смерти, распространяющимъ повсюду ужасъ, и слышны были во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сославлялись заговоры, и совершались кровавыя пресшупленія. Унывшій народъ кричалъ: *да здравствуетъ Императоръ!* для испрошенія милосердія. *Да здравствуетъ Наполеонъ!* надлежало кричать для сохраненія своего имущества и жизни. Сіи восклицанія должны были произноситьъ трепещущія жершвы цѣрковнаго; нещастные Французы, обремененные оковами, повсюду угрожаемые нападешми, повсюду

пресѣдуемые, слышали вездѣ крики: *да здравствуетъ Императоръ!* Тѣ, которые гошовы были пролить за Бонапарша свою кровь, спѣшили на грабежъ, непрерывно повшорая: *да здравствуетъ Наполеонъ!* Во вѣсѣхъ нашихъ военныхъ городъхъ, на полѣ сраженія, по вѣсѣхъ границахъ дошорядись слова которыхъ бойцы, идучи на побоище, говорили Каагуль: "идущіе на смерть привѣтствуютъ Императора."

Франція никогда не забудетъ того дня, когда лучшій изъ Королей оставилъ столицу, къ кошрой въ торжествѣ приближался свирѣпой похишитель. Волъ отчаянія раздавался на улицахъ и площадяхъ. Тюльерійскій дворець былъ розорищемъ печальныхъ явленій, и вѣкорѣ долженствоваль явить зрѣлище плачевнѣйшее — торжество и радость злодѣевъ. Исторія опишетъ горѣсть гренадровъ національной Парижской гвардіи, которые заливались слезами и бросались предъ злополучнымъ Королемъ на колѣна испрашивал у него благословенія. Потомъ ства прольетъ слезы умиленія, когда узнаетъ величественное спокойствіе Монарха и глубокую печаль отца семейства, вырывающагося изъ объятий своихъ дѣтей.

Бонапарше тогда еще не прибылъ. Воспоминанія о добромъ Королѣ, глубокая печаль, причиненная его бѣдствіемъ, одни управляли столицей, удерживали враговъ Королевства, сохраняли порядокъ и миръ. Французскій Король, изгнанный изъ своего города Парижа, проѣзжалъ чрезъ провинціи въ сопровожденіи нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ; на вѣсѣхъ его проѣздѣ видимы были знаки любви и почтенія; всякой городъ желаль удержать его у себя, и весь народъ клялся умереть за него; но измѣна старалась его разлучить съ вѣрными подданными. Заблуждшіеся солдаты, клятвопреступные Генералы, которые омѣливались говорить объ Отецествѣ и народной славѣ, становились повсюду между Монархомъ и его народомъ. Отець Отечества спасался бѣгствомъ, а съ нимъ вмѣстѣ бѣжало

и Отечество. Народъ прощался съ своимъ Монархомъ, а Монархъ старался утѣшить свой народъ. Вскорѣ объшны, сѣшванія, молишвы Франціи послѣдовали въ чужую землю за Государемъ, жившимъ единственно для благополучія и славы Французовъ.

Въ сіе время прибылъ Бонапарте, предшественный ужасомъ. Военные крики раздавались на его пуши. Окруженный пушками, среди толпы солдатъ, шель онъ подобно побѣдоносному непріятелю. При его приближеніи воздухъ наполняемъ былъ угрозами и проклятіями; раздоръ потрясалъ страшнымъ своимъ пламенникомъ; машери прижимали дѣшей въ объшіяхъ своихъ и шрепепали отъ страха; добрые граждане сохраняли глубокое молчаніе и очи свои, наполненные слезами, отворачивали отъ бѣдствій Отечества. На улицахъ и дорогахъ видны были одни упоенные солдаты и люди, покрытые рубищемъ, вѣрнымъ изображеніемъ наступающаго правленія. Человѣкъ, ознаменовавшій свое царствование гнуснѣйшимъ самовластіемъ, возвратился повторая слова: *свободныя мысли*. Сія слова, толкуемая гнуснѣйшими спрасшиями, были подобны талисману, которой имѣлъ свойство приводить въ заблужденіе умы и дѣлать людей глупцами. При сихъ словахъ всѣ мяшежники, устарѣвшіе въ возмущеніяхъ революціи, всѣ бродяги, почитавшіе своимъ Отечествомъ цѣлую вселенную и пробѣгавшіе міръ, держа въ рукахъ конотуцію, всѣ тѣ, которые основывали свое щасіе на безпорядкѣ, которые говорили, что бури приносятъ золото, всѣ ложные умы, всѣ разарщенные люди возмечтали, что Франція предаешся имъ: однимъ, для полишическихъ опышовъ, другимъ, на разграбленіе. Съ шакою свишою Бонапарте перевелъ насъ изъ своего деспотизма въ царство свободныхъ мыслей безъ всякой перемѣны; это доказываешъ, что свободныя мысли, любимое орудіе злоумышленныхъ, недалеко отстоятъ отъ деспотизма и суть орудіе тиранства. Слова, которыхъ нельзя опредѣлишь, и конерны

не имѣють почтаго значенія, легко возжигаютъ народный духъ и способствуютъ успѣхамъ революцій.

Бонапарте, осужденный на изгнаніе союзомъ Государей, зналъ, что можешь быть призванъ обратно во Францію только скопищемъ всѣхъ пороковъ. Едва вышелъ онъ на берегъ, то и обратился къ гордости, любостыжанію, тщеславію сіи слова: *вы будете со мною влѣтъ царствовать*. Приверженцы свободныхъ мыслей сдѣлались немедленно исполнителями самовластия, которое предоставляло имъ въ удѣлъ всю власть и общало добычу съ побѣжденныхъ. Имя Императора почтшали они за одно съ революціоннымъ равенствомъ, посредствомъ котораго возвысились. Они вознамѣрились употребить Бонапарша, какъ употребляли прежде того вольность, на услащеніе и поработеніе свѣта. И такъ свободныя мысли состояли не въ истинной вольности, не въ истинномъ равенствѣ, а въ тиранствѣ многихъ до возвращенія деспотизма одного человека, которой могъ быть возстановленъ штыками и утверждень побѣдою.

Осматривая Преторіанскую гвардію, Бонапарте общалъ возвратитъ намъ щасливые дни республики. Окруженный множествомъ пѣлохранишелей проповѣдывалъ онъ о свободныхъ мысляхъ, какъ Магомедъ похвалялъ свой алкоранъ. Вышедъ на Французскую землю, сей страшный проповѣдникъ вольности составилъ списокъ наказаній: изгнаніе многихъ тысячъ гражданъ, конфискованіе имѣній, секвестры ознаменовали его возвращеніе въ столицу. Нѣкоторыя особы, извѣстныя по своей умѣренности, вознамѣрились было остановить его ярость и укротить стремленіе тиранства; но, для обузданія самовластия, надлежало поощрять своеволие. Чшобъ защититься отъ тирана, призывали духъ революціи, не менѣ страшный самаго тиранства и долженствовавшій вскорѣ подвергнуть Францію игу гнуснѣйшаго самовластия.

Безначаліе подавило уже всякую вольность; хвалились повиновением законамъ, а Франція не имѣла ихъ болѣе. Французскій народъ представляемъ былъ примѣромъ свободныхъ націи, и десять тысячъ пбборниковъ тиранства, именовъ свободныхъ мыслей, распоряжали по своей воли имѣніемъ и вольностію гражданъ. Во всѣ провинціи разосланы были чрезвычайные Комиссары, чтобы повсюду водворить деспотизмъ. Подобно сему, ады разсылаютъ злыхъ духовъ, которыя пробѣгаютъ землю, развращая человеческій родъ и разсѣвая вездѣ раздоры. Сіи комиссары имѣли порученіе истреблять во всѣхъ мѣстахъ добро, произведенное Французскимъ Королемъ; они были обязаны поощрять зло, преслѣдовать вѣрныхъ Французовъ и награждать развратителей и измѣнниковъ.

Дороги покрыты были ополченными, (fédérés) новаго рода Якобинцами, вооруженными въ одно время и словомъ и мечемъ. Они ходили изъ города въ городъ, для воимущенія заблуждающейся черни; для поощренія гражданъ противъ гражданъ, для побужденія къ грабежу имущества; для возженія повсюду пламени разврата и войны. Каждый кварталъ въ столицѣ, каждый городъ, каждый округъ въ провинціяхъ имѣлъ своихъ тирановъ, носившихъ имя друзей вольности и Отечества. Каждая деревня имѣла своихъ донощиковъ, которые денно и ношно занимались въ преслѣдованіи добродѣтели, скрывавшейся отъ глазъ тиранства, и несчастія; искастаго убѣжища. Всѣ сіи проповѣдники разврата съ величайшею дерзостію насмѣхались надъ отеческимъ правленіемъ Бурбоновъ; въ прокламаціяхъ они говорили: *горе богатымъ, горе добродѣтельнымъ, горе всѣмъ тѣмъ, которые прѣбываютъ вѣрными законной монархіи*. Они уверяли Провидѣніе въ томъ, что оно даровало намъ лучшаго изъ Государей. Служивши олтара, моляшіеся о щастіи и долгоденствіи Французскаго Короля, осыпавы были ругательствами и принуждаемы молишься за вѣрнѣшнихъ.

шеля Отечества. Во многихъ городахъ на олшаряхъ видѣли возобновленіе страшнаго нечестія ужасныхъ временъ революціи. Необузданная чернь прерывала богослуженіе, крича: *à bas le paradis! vive l'enfer!* *) У подножія олшарей всемилосердаго Бога клялись умерщвлять тѣхъ, которые не забывали его заповѣдей и опзывались съ почтеніемъ о Монархѣ, намѣстникъ его на землі.

Между тѣмъ Герцогъ Ангюльскій собиралъ въ Провансѣ добрыхъ Французовъ и презиралъ всѣ опасности, для спасенія Королевства; сшо-явшаго на краю гибели. Сей храбрый Принцъ сославлялъ всю надежду Отечества; но Бонапарше повсюду имѣлъ заговорщиковъ; духъ мятежа имѣлъ вездѣ своихъ согладатаевъ; тщетно вѣрный народъ собирается на берегахъ *Дюрансы*; тщетно юный Принцъ, надежда Монархіи, оказываетъ невѣроятную храбрость и принимаетъ начальство надъ національною гвардією, истинною защитницею Отечества: наследникъ престола Св. Лудовика оставленъ Французскими воинами и руки его, долженствующія нѣкогда держать Королевскій скиптръ, обременяются цѣпами. Поколебался прронъ древней Франціи. Молчаніе заступило мѣсто шумныхъ восклицаній, которыми народъ приветствовало Бурбоновъ, а храбрые оставшіеся вѣрными Монархіи, удалялись изъ Франціи; повторяя: *все потеряно, кро аъ тести.*

Въ то же время дщерь *Лудовика XVI* одушевляла своими рѣчами и благороднымъ примѣромъ любовь къ Отечеству и ревность жителей *Бордо*; весь народъ собирался вокругъ нея; но солдаты, потерявшіе подъ влініемъ Бонапарша, свойство и духъ, истинныхъ сыновъ Отечества, заглушали голосъ гражданъ и отвергали просьбы героини спасти честь и славу Отечества. Тщетно, подобно *Прародительни-*

*) Долой рай! да здравствуетъ адъ!

цѣ своей *Маріи Терезіи*, Принцесса сія объ-
вѣжаешь ряды воиновъ; шщечно закланаетъ
ихъ, защищаеша тронъ ладій ошъ мяшежниковъ.
Она говоритъ Офицерамъ: *повинуйтесь своему*
Королю, и они пребываютъ неподвижными. Она
обращагшся къ солдатамъ: *спасайте Францію*
и своего Короля: шаже неподвижность. — Ни долгъ,
ни благо Франціи, ни зрѣлище Августѣйшей спра-
дливости, ушопашей въ слезахъ, ничшо не могло
шронушь жестокыхъ сердцеъ. Презрѣніе шшоль
высокой добродѣтели есть гнуснѣйшее преступ-
леніе сего пагубнаго времени и доспащочно изоб-
ражаеша царшвованіе свирѣпаго злодѣя.

Уже шшранство, не находя болѣе препяш-
ствій, попирало Францію желѣзными шшопами,
а чернѣ не прешавала кричаеша: *да здравствуетъ*
Императоръ! вольности! Въ ослѣпленной шшолѣ
обожашелей Бонапарша похищеніе шрона при-
няло названіе законной власти; вѣрность почи-
шалась гнусною измѣною; прешупленіе сдѣла-
лось добродѣтелию: шшранству необходимо нуж-
но перемѣнить языкъ народовъ, чшобъ ихъ об-
манываша, чшобъ ихъ порабощаша. Люди, ош-
вергаемые правосудіемъ, должны безъ сомнѣнія
измѣнить мысли о справедливости и неспра-
ведливости, чшобъ укрощить совѣшъ свою и
своихъ соумышленниковъ. Когда сущешвующія
мнѣнія для нихъ неблагопріятны, шшогда имъ на-
добно выдумаша новыя Мяшежники и шшраны
особенно способны къ низпроверженію древнихъ
посшановленій, чшобъ освящаша новыя безпо-
рядки и прешупленія. Бонапарше, всегда вѣр-
ный своей полишкѣ, сзываетъ собра-
ніе Майскаго поля. Названіе Майскаго поля,
казалось, возбудиша въ насъ народное воспо-
минаніе. Можно было подумаша, чшодругой
Карль Великій вшшупаетъ на прешшоль и воз-
шшановляетъ Западную Имперію. Но кто сзы-
валъ собраніе Майскаго поля? Похишишедъ Ко-
ролевской короны, начальникъ военнаго мяшежа!
На новомъ Майскомъ полѣ не прешшествовали
ни *Бароны*, ни *Видалы*, ни благочешшяе Ры-

цари, составлявшіе у нашихъ предковъ блескъ и podporу Французской Монархіи; но нѣсколько законоискусниковъ, отчасти неизвѣстныхъ отчасти слишкомъ извѣстныхъ, которые явились для уничтоженія всѣхъ остатковъ законовъ и вѣры нашихъ отцевъ, воѣхъ остатковъ древней Монархіи; солдашы и питомцы революціи, собравшіеся шамъ, чшобъ предашь Отечество подлымъ ширанамъ и вручишь скипшрь иноземцу.

Для порабощенія Франціи Бонапарше не имѣль нужды въ Майскомъ полѣ; для бѣгства своего съ острова, онъ не дожидался рѣшеній Майскаго поля; но теперь хотѣль освятить свое похищеніе и дашь ширанству видъ свободы: онъ хотѣль увѣрить народъ, что дѣло меча есть собственное его дѣло. Поработивъ и преогорчивъ Французскую націю онъ хотѣль причинишь ей еще послѣднее оскорбленіе, призваніемъ ея имени; онъ хотѣль наконецъ вопль смятенія превратишь въ конституцію, а стыдъ Франціи въ государственный законъ.

Вскорѣ является толпа Депушатовъ, избранныхъ меншимъ числомъ оболъщенныхъ голосовъ. Они говорятъ, что имѣють довѣренность народа, никогда ихъ незнавшато; они заставляють говорить націю, которая упорствуетъ въ молчаніи; они объявляютъ войну именемъ Отечества, желающаго единственно мира; вооружаються противъ иностранцевъ, а между тѣмъ самому жестокому изъ чужеземцевъ воздають похвалу. Всѣхъ тѣхъ, которые не принимаютъ участія въ ихъ сумасшествіи, исключаютъ они изъ числа Французовъ, какъ будто сами Французы — они, которымъ исторія нашего Отечества кажется чуждою, они, которые осмѣливаются говорить, что слава Франціи началась съ Бонапаршомъ и должна съ нимъ окончишься.

(Оконтаніе впрядь.)

IV.

ОФФИЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ О ЗАКЛЮЧЕНИИ БОНАПАРТА НА ОСТРОВЪ Св. ЕЛЕНЪ.

Цисьмо Военнаго Министра Лорда Баторста къ Лордамъ Адмиралтейства.

Доуниестритъ $\frac{30}{18}$ Юля 1815.

Милорды! Прошу ВВ. ПП. сообщить Контръ-Адмиралу *Сирю Джорджу Кокборну* коколю съ прилагаемой при семь записки, кошорая должна служить ему инструкцією въ поведеніи его при надзорѣ надъ *Генераломъ Бонапарте*.

Принць-Регентъ, поручая Англійскимъ Офицерамъ столь важную должность, чувствуешь, что излишне будешь изъявлять имъ желаніе свое, что въ разсужденіи заключенія его не было наблюдаемо большей строгости прошившой, кошорая потребна для наблюденія обязанности, возложенной на Адмирала и Губернатора острова, и состоящей въ томъ, что особа Генерала Бонапарте охраняема быда въ совершенной безопасности.

Все то, что можетъ быть сдѣлано для Генерала безъ противорѣчія главному предмету, будешь, какъ Е. К. В. надѣется, безъ затрудненія исполняемо. Принць-Регентъ полагается впрочемъ на извѣстное ему усердіе и рѣшительный характеръ *Сира Джорджа Кокборна*, и надѣется, что онъ не отступитъ неосторожнымъ образомъ отъ наблюденія своей обязанности.

Баторстѣ.

З а л и с к а.

Когда Генераль Бонапарте оставитъ ворабль *Веллерофонъ* для того, что въ отправление на *Нортумберландъ*, то сіе время будешь самое приличное для Адмирала *Кокборна*, что въ раз-

смотръшь вещи, которыя Генераль беретъ съ собою.

Адмираль позволишь, чшобъ весь багажъ, вино, и съслпные припасы, привезенные Генераломъ съ собою, были взяты на *Нортулберландъ*.

Подъ названіемъ багажа разумѣется споловый сервисъ его, естли онъ не пакъ важень, чшобъ болѣе былъ способенъ къ обращенію въ наличныя деньги, нежели къ настоящему употребленію.

Деньги его, алмазы и вещи способныя къ продажѣ (въ томъ числѣ и вексея) какого бы роду онъ ни были, должны бытъ выданы. Адмираль объявишь Генералу, что Великобританское Правительствво ни мало не имѣеть намѣренія, присвоивать себѣ его имущество, а намѣрено шолько принять на себя присмотръ за его вещами, чшобъ воспрепятствовать ему къ употребленію ихъ средствами для своего побѣга.

Досмотръ сей долженъ бытъ произведенъ въ присутствіи особы, назначенной Бонапартомъ. Списокъ удержанныхъ вещей долженъ бытъ подписанъ сею особою и Адмираломъ или чиновникомъ, которому онъ поручишь изгошвление сего списка.

Проценты или капиталъ (смотря по важности его имѣнія) будутъ употребляемы на его содержаніе, и въ семъ отношеніи будетъ ему предоставлено главное распоряженіе ими.

По сей причинѣ онъ можетъ по временамъ изъявлять желанія свои Адмиралу до прибытія новаго Губернатора острова, а въ послѣдствіи сему Губернатору, и естли его предложенія могутъ бытъ исполнены, то Адмираль или Губернаторъ можетъ дать надлежащія приказанія, и выплаишь издержки ассигнаціями на казначейство Е. В.

На случай смерти можетъ онъ сдѣлать объ имуществѣ своемъ духовное завѣщаніе, и бытъ увѣренъ, что содержаніе сего завѣщанія будетъ исполнено въ точности.

Поелику могутъ назватъ часть его имущества принадлежностію особъ его свиты, то надлежитъ объявить, что имущество провожающихъ его подлежитъ тѣмъ же самымъ распоряженіямъ.

Начальство надъ войсками, опредѣленными для охраненія его, предоставлено будетъ Губернатору, которой получилъ предписаніе въ случаѣ, о коемъ упомянуто будетъ ниже, сообразоваться съ требованіями Адмирала.

Генераль долженъ всегда находиться въ сопровожденіи Офицера, назначеннаго Адмираломъ или Губернаторомъ. Если позволятъ Генералу выйти изъ круга, въ которомъ стоятъ часовые, то по крайней мѣрѣ одинъ ординарецъ долженъ провожать Офицера.

Когда приходятъ корабли, и доколѣ они находятся въ виду, Генераль не смѣетъ выходить изъ круга, въ которомъ разставлены часовые.*) Въ сіе время воспрещается ему всякое сношеніе съ жителями. Провожающіе его на островъ Св. Елены подвергаются въ сіе время тѣмъ же правиламъ и должны при немъ оставаться. Въ другое время предоставляется благоусмотрѣнію Адмирала или Губернатора принять, въ разсужденіи ихъ, надлежащія мѣры.

Должно объявить Генералу, что если онъ сдѣлаетъ покушеніе убѣжать, то будетъ заключенъ гораздо строже, а провожающимъ его данъ знать, что если примѣшатъ съ ихъ стороны происки для способствованія бѣгству Генерала, то они будутъ разлучены съ нимъ и посажены подъ крѣпкой караулъ.

Всѣ письма къ Генералу или особамъ его свиты вручаются Адмиралу или Губернатору, который обязанъ прочесть ихъ прежде доставленія по адресу. Сими же правиламъ подвер-

* Корабли, идущіе въ Остъ-Индію и обратно, являются обыкновенно цѣлыми флотами въ извѣстныхъ времена года.

гающія письма, писанныя Генераломъ или особами его свиты.

Письма, присылаемыя на островъ Св. Елены не Статсъ - Секретаремъ (Великобританскимъ) не могутъ быть сообщены Генералу или особамъ его свиты; изъ сего исключаются письма живущихъ на самомъ островѣ. Всѣ письма Генерала и свиты его къ особамъ, живущимъ не на островѣ, должны быть отправляемы подъ адресомъ Статсъ Секретаря.

Генералу будетъ объявлено, что Губернаторъ и Адмиралъ имѣютъ рѣшительныя приказанія сообщать Правительству Е. В. всѣ желанія и представленія, которыя Генералу вздумается препроводить къ оному; въ семь случаевъ нѣтъ надобности наблюдать осторожности; но бумага, въ которой изображено такое пребываніе, должна быть представляема незапечатанною, чѣмъ они оба могли прочесть ее и при отправленіи снабдить пошребными замѣчаніями.

До прибытія новаго Губернатора, Адмиралъ опѣчиваетъ одинъ за особу Генерала Бонапарте. Правительство Е. В. не смѣняется, что нынѣшній Губернаторъ будетъ въ томъ вспомошествовать Адмиралу.

Адмиралъ имѣетъ власть удерживать Генерала на кораблѣ или обратно посадить на оный, естли, по его мнѣнію, нельзя будетъ иначе обезпечить его особы.

По прибытіи Адмирала на островъ Св. Елены, Губернаторъ, по предложенію его, приметъ мѣры отправить немедленно въ Англію, на мысъ Доброй Надежды или въ Остъ - Индію, тѣхъ Офицеровъ или военныхъ саужиселей острова, которыхъ Адмиралъ заблагоразсудитъ удалить потому что они иностранцы, или подозрительны по характеру и образу своихъ мыслей.

Естли на островѣ найдутся иностранцы, которыхъ пребываніе, по видимому, можетъ имѣть цѣлю пособіе бѣгству Генерала Бонапар-

ше, по надлежитъ принявъ мѣры для удаленія оныхъ.

Весь берегъ острова, всѣ корабли и суда, посѣщающіе оный, отдаются въ вѣдѣніе Адмирала. Онъ назначитъ мѣста, каторыя судамъ позволено посѣщать, и Губернаторъ отправитъ надлежащія караулы въ тѣ мѣста, гдѣ Адмиралъ почтетъ за нужное употребить сію предосторожность.

Адмиралъ приметъ самыя строгія средства для надзора за приходомъ и отплытіемъ каждаго корабля, и для воспрепятствованія всякому непозволенному сношенію съ островомъ.

Дано будетъ повелѣніе, чтобы по истеченіи нѣкотораго срока, никакія чужія или торговыя суда впредь не приходили къ острову Св. Елены.

Еслили Генералъ впадетъ въ опасную болѣзнь, то Адмиралъ и Губернаторъ назначатъ по одному врачу, на котораго могутъ положиться, для пользованія Генерала, вмѣстѣ съ его собственнымъ врачомъ. Они строго предпишутъ имъ ежедневно доносить о состояніи его здоровья.

Въ случаѣ смерти его, Адмиралъ дастъ повелѣніе отвезти тѣло его въ Англію.

Дано въ Военномъ Департаментѣ $\frac{30}{8}$ Іюля 1815.

С М Ъ С Ъ.

Изъ разныхъ Журналовъ.

Въ Англійскихъ газеткахъ напечатанъ прошесть, написанной Бонапартомъ при отправленіи его на островъ *Св. Елены*. Мы сообщили бы сей актъ, естлибы не были увѣрены, что онъ подложенъ. — Въ сихъ же газеткахъ помѣщены разныя подробности разговора его съ *Гордономъ Лостеромъ*: онѣ неважны. Бонапарте, на вопросы о причинахъ поведенія его въ Испаніи, отвѣчалъ — лжами, которыя намъ давно извѣстны изъ его бюллетеней: что Король Карль IV. его туда призвалъ, что онъ хотѣлъ переродить Испанію и пр. и пр.

— Въ одной Лондонской каррикатурѣ представлено, что Бонапарте, командуешъ на островѣ *Св. Елены* легиономъ крысъ (которыя тамъ очень много) чтобы не разучиться военному искусству. У нихъ за ушами шреждѣшныя кокарды, а на знаменахъ написано: *смерть всѣмъ кошкамъ!*

— Островъ *Цейланъ* объявленъ имуществомъ Британніи, но экспедиція Англичанъ противъ Королевства *Непаульскаго* (лежащаго въ горахъ при сѣверовосточной границѣ Остъ-Индіи) была неудачна. Англійская армія двинулась туда въ трехъ колоннахъ подъ командою Генерала *Джиллеспі*. Горные жители разбили двѣ колонны, при чемъ сей Генераль лишился жизни.

— *Герцогъ Орлеанскій* прибылъ въ Лондонъ. Пишутъ, что онъ просилъ Короля Французскаго о принятіи его въ службу, но получилъ въ отвѣтъ, что еще не насшупило къ тому время.

За симъ просиль онъ позволенія жиць въ Англіи, копорое ему и дано.

— Въ Парижъ прибыль Англійскій Генераль *Блуифильдъ*. Онъ привезъ знаки ордена *Бачи Князьимъ Шварценбергу, Блюхеру и Вреде и Графалъ Барклаю де Толли и Витгенштейну.*

— Въ *Journal des Débats* напечатаны слѣдующія замѣчанія о Бонапаршѣ; „Скорость и легкость, съ которою онъ взбѣжалъ по веревочной лѣстницѣ на Нортумберландъ, представляешь странную противоположность съ объявленіемъ, что его живаго не посаждать на сей корабль. Угрозы его, перейши изъ сего свѣща въ другой, ограничались тѣмъ, что онъ перескочилъ съ Беллерофона на Нортумберландъ, и при семъ случаѣ успѣлъ показатъ всю ловкость шапцовщика по камату. Вѣроятно, что ему хотѣлось удивить своимъ проворствомъ Англійскихъ машрозовъ. Одобреніе корабельнаго юнки, похвала машроза въ глазахъ его вознаградили спѣдъ, что онъ шакъ скоро забыль свое изрѣченіе: „Я не Геркулесь, но живаго меня не свезуть съ Беллерофона.“ Бонапарте величайшій скоморохъ въ свѣтѣ. Онъ успѣлъ поддѣлаться ко войнородчмъ: игралъ въ драмѣ и въ шупочной комедіи, и плакаль какъ крокодиль. На Беллерофонѣ рыдалъ онъ какъ ребенокъ. Со времени *Виргиліева* благочеспиваго Енея, ни одинъ герой не проливалъ сподько слезъ, какъ благочеспивый Бонапарте.“

(2 Сентябр.)

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А.

1815. № XXXVII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА.

I.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КАПИТАНА ГОЛОВНИНА ИЗЪ ЯПОНСКАГО ПЛѢНА.

(Окончаніе вѣторой статьи.)

„Съ прѣхавшимъ на шлюпъ почтеннымъ *Такаѣя - Кахи*, сошелъ я въ каюту. Онъ объявилъ мнѣ, что прибывшій съ нимъ къ гавани, первой по Губернаторъ *Матц - Май*-скомъ чиновникъ *Такахасси - Самлей* поручилъ ему сообщить мнѣ особые пункты, вынулъ памятную свою книжку и прочелъ мнѣ слѣдующее: „*Такахасси - Самлей* свидѣ-
„тельствуетъ свое почтеніе Камчатско-
„му Начальнику и извѣщаетъ его, что въ
„слѣдствіе полученнаго отъ него въ *Матц-*
„*Маѣ* письма, Бунъо (Губернаторъ) предпи-
„салъ ему посвящать отправленіемъ въ
„Кунаширь, куда прибылъ на Россійскомъ

„военномъ корабль Камчатскій Начальникъ,
 „для изъявленія къ такому высокому зва-
 „нію должнаго вниманія и сообщенія пред-
 „варительныхъ пунктовъ по предмету
 „освобожденія всѣхъ Рускихъ. *Такахаси-*
 „*Самлей*, по чувствамъ своимъ, крайне со-
 „жалѣеть, что Японскіе законы не позво-
 „ляютъ ему имѣть въ здѣшнемъ мѣстѣ лич-
 „ныхъ съ Камчатскимъ Начальникомъ пере-
 „говоровъ. Принимая большое участіе въ
 „шрдахъ, коимъ Офицеры и команда Рос-
 „сійскаго военнаго корабля подвергаются
 „впоричнымъ приходомъ къ острову Куна-
 „ширу, для освобожденія своихъ соотече-
 „ственниковъ, и соболѣзнуя о случившемся
 „съ ними непріятномъ происшествіи, при-
 „везъ онъ съ собою, съ позволенія Машц-
 „Майскаго Буньо, одного изъ павшихъ Ру-
 „скихъ. Для лучшаго обо всемъ удостовѣ-
 „ренія своихъ соотечественниковъ, ему по-
 „зволено каждодневно навѣщать Россійскій
 „корабль съ условіемъ возвращаться къ но-
 „чи въ селеніе. *Такахаси-Самлей* проситъ
 „Камчатскаго Начальника, принять из-
 „браннаго для переговоровъ довѣреннаго чи-

„новника *Такадая - Кахи* представляющимъ
 „его лицо, ибо онъ объявилъ, что свободно
 „объясняется съ Камчатскимъ Начальни-
 „комъ.“ — За симъ слѣдовали официаль-
 ные пункты, въ кошорыхъ Японское Пра-
 вительство изложило свои требованія и
 условія, на коихъ опущишь захвачен-
 ныхъ имъ Русскихъ.“ *)

*) Сии пункты будутъ помѣщены вполнѣ въ
 книгѣ, особо издаваемой о семъ предметѣ. Главное
 ихъ содержаніе состояло въ томъ, что Японцы
 пребывали свидѣтельства за подписаніемъ двухъ
 начальниковъ и съ приложеніемъ печатей, что при-
 чиненныя Японцамъ неудовольствія и обиды сдѣла-
 ны были дѣйствительно безъ вѣдома и согласія
 Россійскаго Правительства. Пункты сии заключа-
 лись слѣдующимъ: „*Такахасси - Сайпэй* надѣет-
 ся, что нынѣшняго же года Россійскому военному
 кораблю возможно будетъ, съ полученными въ
 Олошскѣ требуемыми Японскимъ Правленіемъ сви-
 дѣтельствами возвратиться къ *Гако - Даде*, гдѣ
 онъ и другой чиновникъ, *Коожимото - Фюнегороо*
 будутъ ожидать Камчатскаго Начальника, для
 принятія отъ него сихъ свидѣтельствъ и объясне-
 ній лично, съ должными по нашимъ законамъ об-
 рядами; увѣряя о непреложномъ нашемъ обѣщаніи
 просить въ *Еддо* возвращенія всѣхъ плѣнныхъ Ру-
 скихъ, при изъявленіи шеперь искренняго желанія
 Россійскому военному кораблю благополучнаго пла-
 ванія и скорого въ *Гако - Даде* возвращенія, гдѣ
Такахасси - Сайпэй, по чувствамъ своимъ, бу-
 детъ имѣть удовольствіе о многомъ съ Камчат-
 скимъ Начальникомъ объясниться паршикулярно и
 дружески.“

„Симъ окончилъ почтенный *Такатая-Кахи* возложенное на него по особой доверенности порученіе. Я просилъ его сообщить въ отвѣтъ *Такахасси-Самлею*, что завтра же, естли позволитъ въспрѣ, Россійскій корабль отправится въ *Охотскъ*, и что мы не замедлимъ нашимъ приходомъ нынѣшняго же лѣта въ *Гако-Даде* со всеми пребуемыми Японскимъ правленіемъ свидѣтельствами и объясненіями. Въ особенноти просилъ я его изъяснить общую нашу чувствительную признательность *Такахасси-Самлею* за хорошее его къ намъ расположеніе, и особенно за доставленіе свиданія съ нашимъ плѣннымъ маэрозомъ. — Къ вечеру усерднаго нашего друга *Такатая Кахи* и добраго маэроза свезли на берегъ.“

„9 числа Іюля мы распрощались съ нами. *Такатая-Кахи* привезъ для команды приспа рыбу. Мнѣ весьма было прискорбно, что онъ изъ предлагаемыхъ нами ему въ подарокъ вещей не принялъ ничего (кромя бездѣлицъ, головнаго сахару, лучшаго чаю и Французской водки) даже все свое, довольно дорогое имущество оставилъ у насъ на мо-

емъ попеченіи, извиняясь тѣмъ, что въ *Гако-Даде* мы съ нимъ вскорѣ опять увидимся. „Тамъ, говорилъ онъ, безъ всякаго препятствія я буду имѣть счастье получить отъ васъ въ знакъ дружбы предлагаемые мнѣ теперь подарки, а здѣсь, по нашимъ законамъ, много мнѣ будешь затрудненія отдавать отчетъ въ каждой маловажной, отъ васъ полученной вещи.“ — Пльнный нашъ машрозъ, распроганный крашкимъ свиданіемъ съ своими поварищами, прощаясь, заливался слезами, какъ будто осужденный снова испытывалъ всѣ мученія несчастнаго Японскаго плѣна. Мы его ободряли несомнѣннымъ нашимъ приходомъ въ *Гако-Даде*, и тѣмъ, что нынѣшняя его при разлукѣ съ нами печаль вознаградится доставленіемъ радостнаго утѣшенія почтенному нашему Начальнику и соповарищамъ его несчастія. — Я проводилъ самъ друга моего *Такашя-Кахи* на берегъ и тамъ распрощался съ нимъ. Возвращаясь на шлюпъ, и не взирая на прошивной вѣтеръ, поспѣхъ снялся я съ якоря, чтобъ выйти въ проспранство залива. Перемѣнившійся вско-

рѣ въспрѣ позволилъ намъ безпрепятственно продолжать предпріятый путь. Чрезъ 15 дней благополучнаго плаванія прибыли мы къ *Охотскому* рейду и спали шамъ на якорь.“

„Объ успѣшной нашей къ Японскимъ берегамъ кампаніи и обо всѣхъ дѣйствіяхъ моихъ донесъ я подробно Охотскому портовому Начальнику, Г. Капшану з р. и Кавалеру *Миницкому*, которому опъ высшаго Начальства поручено было главное распоряженіе сею Японскою экспедиціею. Вскорѣ получилъ я опъ него требуемое Японскимъ Правительствомъ свидѣтельство и особо присланное опъ Г. Иркутскаго Гражданскаго Губернатора дружественное письмо къ Губернатору Машц - Майскому съ объясненіемъ всѣхъ дѣлъ, относящихся къ сему предмету. Сверхъ того, для переводовъ съ Японскаго языка, поскупилъ на шлюпъ присланный изъ Иркутска Японецъ Киселевъ. При такихъ пособіяхъ возымѣлъ я несомнѣнную надежду, съ Божіею помощію, получить освобожденіе доспойнаго нашего Начальника съ прочими участниками его нещастія.“

Третья статья.

„Августа 15 дня шлюпъ *Диана* отпра-
 видся съ *Охотскаго* рейду въ назначен-
 ный путь. Прощивные южные вѣтры, го-
 сподствовавшіе вдоль полуострова *Сахали-*
на, не допустили прежде 40 дней войти въ
 избранную мною безопасную гавань *Эдомо*.
 При входѣ въ заливъ, увидѣли мы селеніе,
 завѣщенное, подобно Кунаширскому, полоса-
 шую машерію. Тамъ встрѣчены мы были
 байдарою, на которой пріѣхалъ на шлюпъ
 бывшій съ нами въ *Камгаткѣ* машрозъ по-
 чтеннаго *Такатая-Кахи*. Онъ объявилъ намъ,
 что, по повелѣнію Матц-Майскаго Губерна-
 шора, назначили его лоцманомъ, для приве-
 денія шлюпа въ гавань *Гако-Даде*, и что
 онъ болѣе 2 недѣль находится въ семь
 мѣсцѣ въ ожиданіи нашего прихода.
 Онъ же извѣстилъ насъ, что Капшанъ *Го-*
ловничѣ съ прочими плѣнными Русскими дав-
 но уже перевезъ изъ *Матц-Мая* въ *Гако-Да-*
де, гдѣ также находяшся первые два по Гу-
 бернаторѣ Начальника и нашъ *Такатая-Ка-*
хи. Послѣ сего я спросилъ его, не имѣешь

ли Начальникъ селенія къ Командиру Россійскаго корабля изъ Машц-Мая писемъ? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. — Пріѣдетъ ли, спросилъ я, изъ селенія на шлюпъ какой нибудь Японскій чиновникъ? Онъ съ удивленіемъ отвѣчалъ, что не шокмо чиновникъ не смѣетъ къ намъ пріѣхать, но и гребцамъ, на его байдаръ, копорые были изъ мохнапыхъ Курильцевъ, строго запрещено, подъ какимъ бы то видомъ ни было, всходить на Россійскій корабль, и что кромъ его никто не имѣетъ права ѣздить къ намъ на шлюпъ, а приказано ему объявить намъ отъ имени Начальника селенія, что онъ имѣетъ предписаніе оказывать всякое Россійскому кораблю вспоможеніе и снабдить, естли потребуесть, припасами. — Когда мы спали на якорь, онъ поѣхалъ извѣстить Начальника селенія о нашемъ приходѣ обстоятельно. Я просилъ изъяснить ему благодарностъ за предлагаемая со стороны Японскаго начальства Россійскому кораблю вспоможенія, и сказалъ, что мы ни въ чемъ не имѣемъ нужды, кромъ свѣжей воды. Сія неожиданная со стороны Японскаго Правительства недовѣрчивостъ

казалась противорѣчащею благосклоннымъ поступкамъ прїѣзжавшихъ къ намъ въ Кунаширь первыхъ по Губернацдорѣ Начальниковъ. Сдѣланная намъ встрѣча проспымъ машрозомъ, (копорого, по извѣстному мнѣ закону ихъ земли, я даже не могъ признашь наспоющимъ Японцемъ) заспавила меня не теряшь изъ виду шѣхъ благоразумныхъ совѣшовъ осшорожности, кои прописаны были въ полученномъ мною вшайнѣ письмѣ Капитана Головнина, и въ самомъ несчастіи всегда о пользѣ своего Ошечества и нашей личной безопасности помышлявшаго.“

„Узнавъ ошѣ того же Японскаго машроза, прїѣхавшаго къ намъ на шлюпѣ на другой день со свѣжею водою, рыбою и зеленью, что почта ошсюда въ *Гако-Даде* обращаешья въ 3 сушокъ, я написалъ крайнеекъ Начальнику *Самлею* письмо съ переводомъ на Японской языкъ, въ кошоромъ извѣщая о благополучномъ нашемъ прибытіи, просилъ прислать по причинѣ поздняго осенняго времени лоцмана, поопыниѣ назначеннаго и мнѣ извѣстнаго машроза. Къ *Таката-Кати* я также послалъ особое ошѣ себя письмо. —

Японскій машрозъ доставилъ сія письма Начальнику селенія и возвратившись къ вечеру извѣспилъ, что они отправлены въ *Гако Даде* съ нарочнымъ. Ожидая возвращенія почты, наливались мы свѣжею водою, копорую привозили къ намъ на байдарахъ мохнашые Куриальцы. — 21 Сенсября, въ копорой день, какъ сказалъ Начальникъ, непременно прищелется на мое письмо опвѣшь, двѣспвиштельно прівзжавшій по обыкновенію каждодневно Японскій машрозъ вручилъ мнѣ пакешъ, сказавъ, что сей часъ прівхалъ на рочный изъ изъ *Гако-Даде*. На пакешъ, къ немалому моему удивленію, усмошрѣлъ я Руской адресъ, и вскорѣ приведенъ былъ въ восторгъ, распознавъ руку почтеннаго моего друга, *Василя Михайловича Головинна*. — Сія спроки совершенно увѣрили меня въ безопасномъ со шлюпомъ слѣдованіи въ *Гако-Даде*, равно успокоили меня въ мнимомъ продолженіи со стороны Японскаго начальства къ намъ недовѣрчирости, копорая какъ, говорилъ въ крашкомъ письмѣ Г. Капишанъ-Лейшенаншъ *Головиннѣ*, происходитъ шолько шъ особаге ихъ закона, и пошому я легко

могъ себя увѣришь, что по поступкамъ, малыхъ Японскихъ чиновниковъ нельзя судить о расположеніи высшаго начальства, а шѣмъ менѣе самаго Правительсва. Освободившись отъ всѣхъ сомнѣній въ отношеніи искренняго расположенія главныхъ Японскихъ Начальниковъ, вступили съ нами въ переговоры, мы, не теряя времени взяли Японскаго машроза на шлюпъ, вмѣсто лоцмана, вступили подъ паруса и пошли въ *Тако-Да-де*. Благополучный въспрѣ на другой день къ вечеру приблизилъ насъ ко входу въ гавань. Вскорѣ открылся на горѣ хорошо зажженный маякъ, на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ днемъ назначалось поднять бѣлой флагъ. По направленію его мы безъ всякой опасности вошли въ заливъ и были шомчасъ встрѣчены почтеннымъ нашимъ *Такатая-Кахи*, копторой ожидать насъ при входѣ съ большимъ поднятымъ на байдарѣ фонаремъ подъ бѣлымъ флагомъ. Подъ его распоряженіемъ вышло множество лодокъ, изъ коихъ нѣкоторыя поставлены были имъ на оконечностяхъ ошмелей съ большими фонарями, другія держались на гребляхъ подъ шлюпа, во всей

гошовности буксировать въ случаѣ безвѣ-
 прія; однимъ словомъ, ни въ какомъ друже-
 ственномъ Европейскомъ портѣ не возможно
 ожидать болѣе вспоможенія, каковое было
 сдѣлано Россійскому Императорскому воен-
 ному кораблю, для безопаснаго входа въ га-
 вань *Гако-Даде*. Черезъ нѣсколько часовъ
 шлюпъ посшавленъ былъ, по назначенію
Такатая-Кахи, въ самомъ лучшемъ мѣстѣ
 на якорь, разстояніемъ отъ города менѣе
 пушечнаго выстрѣла. По окончаніи всего
 дѣла, *Такатая-Кахи* объявилъ мнѣ, что сдѣ-
 ланныя Россійскому кораблю вспоможенія
 онъ исполнялъ по приказанію первыхъ двухъ
 по Губернапорѣ Начальниковъ *Самлея* и
Фіонгороо, именемъ коихъ поздравилъ меня съ
 давноожидаемымъ благополучнымъ нашимъ
 приходомъ, увѣдомилъ насъ о пріѣздѣ сего
 вечера Машцмайскаго Губернашора, по слу-
 чаю нашего прихода, а о Г. Капитанъ-Лей-
 тенантъ *Головнинъ* и о прочихъ сказалъ,
 что они живутъ всѣ въ большомъ домѣ, но
 не имѣють свободы ходить по городу, да и
 самъ онъ не имѣлъ еще позволенія съ ними
 видѣться. Послѣ сего объяснилъ онъ мнѣ

законъ своей земли, въ разсужденіи Европейскихъ судовъ, что намъ запрещается ѣздить на шлюпкахъ по гавани, что во все время нашего здѣсь пребыванія при шлюпѣ будешь находишься день и ночь караульная лодка, и что все нужное для насъ съ берегу будешь привозимо на особыхъ казенныхъ лодкахъ; также, что спрогимъ въ городѣ опъ начальства объявленіемъ запрещается жителямъ ѣздить на Россійскій корабль. Къ вечеру поѣхалъ онъ опъ насъ на берегъ для подробнаго извѣщенія своего начальства, объ исполненіи возложенныхъ на него порученій, въ постановленія Россійскаго корабля на определенное мѣсто на якорь, обѣщаясь на другой день къ намъ пріѣхать.“

„Поупру мы увидѣли выѣхавшую изъ города шлюпку. подъ бѣлымъ флагомъ, (на шлюпѣ также всегда на передней мачтѣ поднимался, въ одно время съ кормовымъ военнымъ, бѣлой флагъ.) — Вскорѣ шлюпка приспала къ боршу, и къ намъ на шлюпѣ вошелъ почтенный нашъ *Такатая-Рахи* съ однимъ мапрозомъ, бывшимъ у насъ лоцманомъ. Онъ привезъ опъ себя мнѣ, *Офицерамъ*

и командъ хорошей рыбы, зелени и арбузовъ. Его машрозъ несъ за нимъ узелокъ, въ которомъ я усмотрѣлъ плашье. Вошедъ ко мнѣ въ каюшу, онъ попросилъ у меня позволенія въ прежней своей каюшѣ переодѣвшись, сказавъ, что Машц-Майской Губернашоръ весьма доволенъ ошзывомъ объ немъ привъзжавшаго въ Кунаширь перваго главнаго Начальника *Самлея*, и что онъ въ нынѣшнемъ важномъ случаѣ назначенъ бышь переговорщикомъ, — для чего, по Японскимъ законамъ, дана ему привиллегія, а при исполненіи такой возложенной на него леспной обязанности долженъ онъ надѣвашь особое чиновническое церемоніальное плашье, во время сообщенія мнѣ переговорныхъ пунктиовъ. Онъ вошелъ въ прежнюю свою каюшу, чтобы переодѣвшись, а между тѣмъ и я надѣлъ парадной мундиръ и шпагу. — *Такатая-Кахи*, сдѣлавъ по своему обычаю почтительное мнѣ привѣтствіе, черезъ переводчика *Киселева* объявилъ, что онъ будешь со мною веспи переговоры не ошъ самаго Губернашора, а ошъ лица первыхъ двухъ по немъ Начальниковъ, ошъ конхъ имѣешь шеперь порученіе

просить у меня обобщанной опись Охотского Начальника официальной бумаги, для доставления оной лично господам Начальникамъ. На это я ему отвѣчалъ, что хотя я самъ приготавливался вручить имѣвшіяся при мнѣ опись Охотского Начальника къ здѣшнимъ Начальникамъ официальныхъ бумаги, но не желая перяшь времени, для поспѣшнѣйшаго окончанія щасливо начавшагося дѣла, соглашаюсь ему ихъ отдать. — Для сего собраны были въ казну всѣ Офицеры въ полной формѣ, и съ приличнымъ обрядомъ передано было *Такаю-Кахи* опись меня въ синемъ сукнѣ обвернутое опись Начальника *Охотского* порша официальное письмо. Тутъ же я объявилъ ему, что имѣю особое важное опись Его Превосходительства Г. *Иркутскаго* Гражданскаго Губернатора къ Вельможному *Матц-Майскому* Губернатору официальное письмо, которое должно быть опись меня принято лично, ежели не самимъ Губернаторомъ, но по крайней мѣрѣ главными Начальниками, опись лица коихъ присланъ онъ ко мнѣ для переговоровъ. *Такашя - Кахи* убедительно

меня просилъ доверитъ ему и сіе письмо, которое, говорилъ онъ, доставитъ ему великую честь, когда въ Японіи сдѣлается извѣстнымъ, что онъ удостоился отъ великаго Россійскаго Губернатора официальное письмо церемоніально вручить въ собственныхъ руки *Бунго*; но въ этомъ я ему рѣшительно отказалъ, объяснивъ прежде, что сколь много я ни уважаю его ко мнѣ дружество, но въ семъ случаѣ я представляю особое лицо, и не смѣю на щепъ великаго достоинства Россійскаго Губернатора, возвысить его званіе безъ нарушенія возложенной на меня личной доверенности. — Мѣсто свиданія съ главными Японскими Начальниками я рѣшился назначить на берегу, ибо вызывать ихъ на шляпкахъ, было вовсе невозможное: елики, по словамъ *Таката-Кахи*, во время появленія оныхъ двухъ Начальниковъ на улицахъ въ своихъ *Нори монахъ* (носилахъ) всегда люди падаютъ на колѣна, но согласился ли такой гордый народъ, на просшихъ шляпкахъ имѣть свиданіе съ Начальникомъ чужей земли безъ всякаго церемоніала? Къ чему же я

въ семь важномъ дѣлѣ имѣлъ довѣренное письмо Губернатора, уполномочень былъ дѣйствовать по Высочайшей волѣ, и въ опривленіи меня къ Японскому Правительству, во всемъ предшавляя лице посланника, а пошому ежелибы и воспослѣдовадо со стороны Японцевъ варварское вѣроломство, шо могъ бышь увѣренъ, что наше Правительство посшупокъ мой не признадо бы безразсудною неоспорожностію, но дѣломъ національнымъ, въ исполненіи коего я желалъ шолько соблюсти приличную возложеннымъ на меня деснымъ обязанностямъ важностъ и посшупашъ съ рѣшительною увѣренностію, для возстановленія и въ Японіи уваженія къ званію посланника. *Таката-Кахи*, получивъ ошъ меня официальное письмо Начальника *Охотскаго* порша, и выразумѣвъ важностъ письма Губернаторскаго, просилъ меня позабышь нескромное шребованіе, довѣрилъ ему Губернаторское письмо, и пошчасъ повхалъ ошъ насъ на берегъ. —

(Продолженіе впрѣдъ.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Н О В Ы Е К Н И Г И :

1 8 1 5 Г О Д А .

125 + *Историческая таблица Россіи*. С. П. б. 1815 въ шип. Военнаго Министерства, на десяти печатныхъ листахъ.

(Пославляемъ особеннымъ удовольствіемъ извѣстить нашихъ читателей о выходѣ въ свѣтъ сей полезной таблицы. Она раздѣлена на три главные столбца. Въ среднемъ сверху представлена хорошо выгравированная и раскрашенная карта Россіи съ означеніемъ постепеннаго ея приращенія. По сторонамъ ея помѣщены рееспры старинныхъ городовъ Россіи, и народовъ въ древности ея населявшихъ, съ указаніемъ мѣстъ ихъ жительства. Ниже сего до конца таблицы представлено родословіе домовъ *Рюрика* и *Романовыхъ*, съ означеніемъ времени рожденія, вступленія на престолъ и смерти владѣтельстввавшихъ особъ. Въ родословіи дома Рюрика сочинитель долженъ былъ за недостаткомъ мѣста ограничиться показаніемъ главнѣйшихъ только лицъ, т. е. линіи Великихъ Князей и Царей и супругъ ихъ, а домъ *Романовыхъ* изображенъ въ подробностяхъ. Оба крайніе столбца раздѣлены каждый на шесть меньшихъ столбцовъ, въ коихъ помѣщены: въ 1-мъ краткое обзореніе Россійской Исторіи по періодамъ, во 2-мъ порядокъ и имена Государей съ означеніемъ годовъ ихъ правленія; въ 3-мъ Исторія каждаго Государя въ особенностяхъ; въ 4-мъ Хронологическое исчисленіе примѣчательнѣйшихъ внутреннихъ происшествій; въ 5-мъ Исторія современныхъ Европейскихъ Государей; въ 6-мъ Хронологическое исчисленіе важнѣйшихъ иностранныхъ происшествій. — Всѣ части сей таблицы обработаны съ великимъ

щиваніемъ, и она напечатана весьма исправно.— Предоставая *записнымъ* Историческимъ критикамъ подробный разборъ ея, скажемъ, что она, по нашему мнѣнію, можетъ съ отличнымъ пользою употребляться любителями отечественной Исторіи, а преимущественно учащими и учащимися. — Замѣтимъ еще, что новѣйшая Исторія доведена въ сей таблицѣ до Парижскаго мира 1814 г.)

126 * *Жена разбойника. Новѣйшій романъ. Сочиненіе Автора Рикальдо Ринальдини* Москва 1815 въ тип. Г. Всеволожскаго, въ 12 д. 2 ч. въ первой 95, во второй 84 стр.

(Напрасно будемъ мы шолковать объ этой книгѣ. Нѣжныя сердца, которымъ извѣстны бумажныя несчастія Лолошты и Фанфана, Виктора, Алексиса, Яшеньки и Жоржеты, которые препедали отъ печатныхъ ужасовъ Удольфа и Сень-Клерскаго Аббатства, Когенбургскаго замка и черной башни, поймутъ таинственную прелесть словъ: *жена разбойника!* *Жена разбойника!* И мило и ужасно.— О переводѣ можно сказать, тоже: и мило и ужасно!)

III.

С О В Р Е М Е Н Н А Я И С Т О Р И Я
И П О Л И Т И К А.Исторія пятнадцати недель или по-
слѣднее царствованіе Бонапарта.

(Продолженіе.)

Наполеоновы законодатели полкуютъ о самодержавіи народа; но самодержавіе народа есть не что иное какъ пустое слово, посредствомъ котораго онъ захватилъ верховную власть. Кромвелю сказали, что ему прошивался девять частей Англійскаго народа. Онъ отвѣчалъ: естли на моей сторонѣ десятая часть народа, и естли я упошреблю эту десятую часть на покореніе прочихъ девяти частей, то не властелинъ ли я? Бонапарше и его законодатели разсуждаютъ какъ Кромвель, и во всемъ слѣдуютъ его полишникъ. Народъ, который имъ прошивился, почитается у нихъ подлою чернью; малая же часть народа, имъ благопріятствующая, принимаетъ въ ихъ глазахъ названіе самодержавной власши и можеть раздавать почести и короны.

Сіе ложное ученіе о самодержавіи народа, какъ оно преподавалось во время революціи, должно бытъ наконецъ узнано Французами 1815 года. Въ продолженіе нашихъ безпокойствъ не было ни одного мнѣнія, ни одной политической системы, которая не имѣла бы своихъ приверженцевъ; но мѣръ того, какъ обстоятельства благопріятствовали приверженцамъ того или другаго мнѣнія, той или другой системы, сіи приверженцы придавали себѣ званіе самодержавнаго народа и готовы были удѣлить свое самодержавіе тому, кто ласкалъ ихъ спраснямъ, кто прославлялъ ихъ шоржество.

Въ печеніе двадцати пяти лѣтъ имѣли мы во Франціи множество *самодержавныхъ наро-*

добръ, которые попеременно предписывали намъ законы, попеременно обѣщали вольность, попеременно вовлекали насъ въ свою погибель. Безъ сомнѣнія народъ самодержавенъ, но по чему самодержавіе его познается? гдѣ эгошь самодержецъ имѣетъ свой дворъ? кшо у него Министрами? на какомъ языкѣ раздаетъ онъ свои повелѣнія? Такъ, безъ сомнѣнія, народъ самодержавенъ; но эгошь самодержецъ не обитаетъ ни на площадяхъ, ни въ клубахъ, ни въ Палатѣ депутатововъ! Онъ не пребываетъ ни на скатѣ горы, ни на берегу рѣки; не заключается во внутренности лагера, или одного города.

Самодержавіе народа можно уподобить божеству, которое само собою смершнымъ не показывается, но бываетъ видимо во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Самодержавный народъ, подобно божеству, не перемѣняетъ сегодня шого, что сдѣлать вчера, не противорѣчитъ самому себѣ; воля его непремѣнна; наконецъ онъ, подобно божеству, судитъ въ тишинѣ шѣхъ, которые осмѣливаются называть себя его предшавителями; низходитъ къ заблужденіямъ шѣхъ, которые дѣйствуютъ его именемъ; сноситъ безъ жалобы оскорбленія, поруганія, и терпѣливъ пошому, что вѣченъ. Славу свою пошавляетъ онъ въ воспоминаніи предковъ, въ памяшникахъ генія и искусства, въ поляхъ покрытыхъ жашвою, въ городахъ, процвѣтающихъ торговлею и прудолюбіемъ. Чтобъ узнать его мнѣніе, надлежитъ долгое время испытывать его выгоды и нравы: его воля состоить не въ учрежденіяхъ, непрерывно перемѣняющихся, но въ нравахъ и обычаяхъ, произведенныхъ климатомъ и временемъ, въ постановленіяхъ, утвержденныхъ многими поколѣніями.

Законодатель, которые хотѣли предписывать намъ законы именемъ Бонапарта, почитали армію народомъ. Законодатель сіи, обязанные своимъ возвышеніемъ штыкамъ, пошавляли славу своего Отечества въ бурѣ сраженій.

Извѣстно что въ Англіи, откуда наши новые мудрецы заимствуютъ для себя примѣры; присущіе арміи наводитъ ужасъ на всѣхъ друзей народной вольности. А во Франціи, напришивъ того, тѣ, которые хвалились распорядителемъ нашихъ ужъ, обезпечивали себя оружіемъ. Думали, что армія доставитъ свободу. Бонапарте сказалъ своимъ солдатами: *все, что совершено безъ нашего соизволенія, незаконно*. Сіе слово сдѣлалось правиломъ законодательства. Солдаты призваны были на Майское поле и въ политическія собранія; ихъ присутствіе утверждало пруды законодателей; мечъ предписывалъ законы; сабля сочиняла государственныя постановленія, Бонапарте открывалъ свои намѣренія военнымъ законодателямъ и вооруженное самовластіе происходило отъ нихъ.

Наши новѣйшіе философы не престають шокковать противъ фанатизма, обвиняя его въ пролитіи рѣкъ крови; но умалчиваютъ о войнѣ, которая въ теченіе немногихъ лѣтъ, погубила нѣсколько миліоновъ людей. Они любили войну до изступленія, и войною хотѣли утвердить свободное правленіе. Для утвержденія свободы одной Франціи надлежало погубить весь міръ; всѣ Французы, должныствовали погибнуть для свободы, проповѣдуемой въ буйныхъ собраніяхъ, но жить для нея не было никому позволено. Хотѣли, чтобы нація сдѣлалась арміею, а Франція лагеремъ; надлежало у всякаго дома построить баштарею, на всякой улицѣ сдѣлать укрѣпленія, на всякомъ гульбищѣ поставить пушки. Всѣ тѣ, которые не оставляли своихъ ремеселъ, не покидали жатвы, чтобы спѣшить къ оружію, почитались дурными гражданами. Любовь къ Отечеству состояла въ томъ, чтобы не имѣть семейства, пренебрегать всеми работами, служащими къ благоденствію Отечества, и окружать себя развалинами и кровопролитіемъ. Уже назначены были награды тѣмъ, которые опустошаютъ поля, сожгутъ города. Сперва посылали на

смерть и прощенье, а потомъ принимались и за взрослыхъ; старость не имѣла убѣжища, слабость оправданія. Законодатель не занимался сохраненіемъ жизни и имущества гражданъ; лишь бы только Франція могла вести войну! Всѣ законы принуждали Французовъ отдавать свое имѣніе — всѣ законы повелѣвали имъ — умирать.

Когда всѣ помышляли о войнѣ, спрассъ къ пріобрѣщеніямъ, оплывавшая владычество Бонапарша, сдѣлалась общою всѣмъ его единомышленникамъ и распространилась въ народѣ подобно моровой язвѣ. Каждой изъ обожателей Наполеона, по примѣру своего властелина, думалъ только о своемъ возвышеніи посредствомъ революціи. Всѣ проповѣдники новаго ученія хотѣли ипштина завоеванія и Франція имѣла множество малыхъ завоевателей, которые мысленно раздѣляли сокровища и похищали всѣ достоинства въ государствахъ, между шѣмъ какъ Бонапарше домогался главной власти. Въ городахъ и деревняхъ не было ни одного чело-вѣка изъ черни и изъ гражданъ, который бы не былъ *Бонапартистомъ*, который не устремлялъ бы жадныхъ взоровъ на коншору какого нибудь кулда, на замокъ вельможи, на земли своего сосѣда, между шѣмъ какъ Наполеонъ устремлялъ свои взоры на Европейскія Государства. Приверженцы Бонапарша были увѣрены, что его похищеніе даетъ право на похищенія всякаго рода, и что они также могутъ пріобрѣтать поля, земли, дома, богатства, людей, какъ Императоръ ихъ пріобрѣталъ короны. Такимъ образомъ заблуждшійся народъ готовъ былъ признавать одно право сильнаго. Все сдѣланное со времени утвержденія законнаго Государя. почтительно считалось незаконнымъ, право помѣщиковъ уважалось не болѣе права Государей; такимъ образомъ примѣръ Бонапарша ослаблялъ ежедневно понятія о справедливости и несправедливости, распространялъ царствование насилія, разсѣивалъ повсюду пагубное шщеславіе и содержалъ

всѣхъ въ непрерывной преволѣ и войнѣ, въ которой чернь вооружалась противъ богатыхъ и ожидала только знака къ началу грабежа.

Таково было царствование вольности — царствование Бонапарта. Среди всеобщаго безпорядка взоры всѣхъ обращались на шотъ городъ, который потомокъ *Св. Людовика и Генриха IV* избралъ своимъ убѣжищемъ. Тамъ сохранялись учрежденія Отечества и законы, покровительствующіе жизнь гражданъ; тамъ приготавливались практаты, сочинялись планы, долженствовавшіе возвратить миръ, обезпечить благоразумную и спокойную свободу и привести со временемъ въ забвеніе всѣ несчастія революціи и войны. Всякой разъ, когда Бонапарте издавалъ законъ кровавый, отецъ Франціи въ своемъ изгнаніи сочинялъ законъ благодѣтельный и милосердый. Когда тиранство Бонапарта повергало какой нибудь городъ или провинцію въ печаль, — *Людовикъ вождѣльный* спарался впередъ облегчить бѣдствія народа, который не представлялъ составлять его семейство; онъ въ убѣжищѣ своемъ, подобно генію хранителю, собиралъ послѣ кораблекрушенія печальныя обломки своего Отечества, подавалъ помощь и утѣшеніе всѣмъ нуждавшимся, оплакивалъ несчастныхъ, которыхъ не могъ утѣшить.

Часто изъ глубины его изгнанія слышанъ былъ отеческій его голосъ, которой уведомлялъ насъ о страшной грозѣ, готовой разразиться надъ Франціею, указывалъ на провъ законовъ Государей, вѣрнѣйшее убѣжище Французскаго народа, но ложь и возмущеніе восставали противъ Оупца Отечества и заставляли отвергать его совѣты. Клевета преслѣдовала добродѣтельнѣйшаго изъ Бурбоновъ; она возбуждала жалобы на ихъ прѣшедшее царствование, или оуждала будущее. Не имѣя возможности опровергнуть, что *справдливость* предсѣдала всегда въ ихъ правленіи, Бонапартисты говорили о несправдливости, которую они намѣрены сдѣлать; Бонапарте уничтожалъ конституціонную хар-

ію Людовика XVIII, а Бурбоновъ упрекали въ томъ, что они хотѣли ее нарушить. Увѣряли чернь, что по прибытіи Короля возстановятся всѣ прежніе налоги, всѣ феодальныя права; говорили народу, что вскорѣ убѣжищемъ ему будутъ лѣса, а пищею дикія травы. — Распускали ложные списки назначенія къ изгнанію, сочиненныя будто бы роялистами, и указывали людей, которыхъ надлежало умертвить, жижины, которыхъ надлежало сжечь. — Сія гнусныя злословія возжигали духъ черни, удобной къ заблужденію. Заславляя такимъ образомъ страшиться мнимыхъ заговоровъ, отвращали ея мысли отъ истинныхъ бѣдствій начинавшейся войны.

Бонапарте, вооружая всю Европу противъ Франціи, старался увѣрить, что онъ несетъ съ собою миръ. Въ первой мѣсяцъ по его возвращеніи, приверженцы его говорили, что Европа испугалась и въ людяхъ и въ деньгахъ, что между Государями господствуетъ разгласіе, что повеліи о острова Эльбы успѣвъ пріобрѣсти сильныхъ союзниковъ и пр. Когдажъ сія надежда рушилась, тогда распространяли новыя обманы: говорили, что народы Европы желаютъ свергнуть съ себя иго своихъ Государей, что иностранныя арміи возмущаются противъ начальниковъ и оставляютъ свои знамена, что при грозномъ зрѣлищѣ нашихъ границъ спряхъ овладѣлъ всюю вооруженною Европою. Между тѣмъ какъ распространяли такіе слухи, милліонъ непріятелей вступилъ въ нашу землю. Тогда приверженцы Бонапарта перемѣнили, голосъ: они повторяли, что союзные Монархи ведутъ войну не съ Бонапартомъ, а съ Французскою націею; что они хотѣли раздѣлить между собою наши провинціи, возстановить прежніе налоги, феодальное подданство и проч. Сія слова были причиною, что чернь, которой нѣчего перясть, а пошому, какъ кажешся, нѣчего и спрашиться, стала бояться всякаго рода несчастій. Эта чернь, которой война столько же мало вредить, какъ и пищамъ, летаютъ

цими въ воздухѣ, обвиняла помѣщиковъ и доспѣшочныхъ людѣй въ заговорѣ съ иностранными союзниками и въ объявленіи войны, для того, чтобы испребишь жашву, и расхишишь ихъ сокровища. Такимъ образомъ распалади спраси низшаго сословія, чтобы устрашишь и удержать всѣхъ тѣхъ, которые не любили Бонапарша, смашеніемъ народа старались принудить національную гвардію спать подъ знамена похишителя. Спрахъ, вышанный въ глушую чернь, заступилъ мѣсто храбрости, и поощрялъ ее спѣшишь къ оружію. Чтобы сохранишь слѣпое довѣріе, возбуждаемое въ развратной черни, число Французскихъ солдатъ уподобляли песку въ морѣ, заранѣе праздновали побѣды, которые Бонапарше хотѣлъ одержашъ; утверждали что онъ находицца уже на дорогѣ въ Вѣну и Берлинъ, предшесвуя своимъ непобѣдимымъ орламъ. Съ каждымъ днемъ раждались новые слухи, новые обманы; тогда было царшвованіе дожныхъ мечшаній, пусшыхъ превогъ, сбманчивой надежды, но гроза готовилась разразишь: посреди убійствъ раздался гласъ истины. Бонапарше не могъ болѣе обманывашъ и царшвованіе его кончидось.

Небесное правосудіе, скорымъ паденіемъ Мюрата, возвъспило уже насшупленіе послѣдняго часа для похишителей. Вдругъ разнесся въ столицѣ и провинціяхъ слухъ, что Бонапарше возвращилъ въ Парижъ. Эта новость была для насъ предвѣстницею великаго нещастія; вся нація знала, что Бонапарше возвращается въ Парижъ шолько тогда, когда бываетъ побѣжденъ, и что отецъ солдатъ имѣеть обыкновеніе оставлать свою армію посреди опасностей, и въ нещастномъ отшшупленіи. Вспомнили бѣгшва изъ Египта, изъ Москвы, изъ Лейпцига: вездѣ говорили: *вотъ, уже въ другой разъ Бонапарте не чувлѣтъ умереть; онъ возвращается въ столицу, чтобъ узнать, не хотятъ ли новыя жертвы за него умереть; онъ возвращается, чтобъ узнать, не желаетъ ли нація сдѣлать новыя пожертво-*

ванія для искупленія его стыда и жизни. Убѣ-
жавъ изъ арміи и шѣмъ подавъ солдатамъ при-
мѣръ, осмѣлился онъ отдашь приказъ о задер-
жаніи бѣглыхъ! Вчера благодарилъ онъ Француз-
скихъ солдатъ за возвращеніе ему Государства
— сего дня, укоряетъ ихъ въ шомъ, что они не
умерли для сохраненія ему онаго. Безразсудный!
онъ жаалуется, что ему измѣнили — онъ, кото-
рый всегда вѣрность нашу почиталъ преступ-
леніемъ, который вошелъ во Францію одною
измѣною! Онъ полагался на ревность и предан-
ность Французовъ, на клятву, данную ему въ
вѣрности — онъ, который окружалъ себя людь-
ми, способными къ величайшему изъ клятвопрес-
тупленій. Онъ осмѣливался жаловаться на не-
подчиненность своей арміи; но какая подчинен-
ность могла существовать между солдатами,
приведенными его именемъ въ заблужденіе, не-
узнававшими голоса своихъ знаменитѣйшихъ
предводителей, оставившими сторону лучшаго
изъ Государей, чтобъ поспѣшить навстрѣчу по-
хищителю! И такъ вѣроломство и наглость
были причиною паденія того, которой возвра-
тился посредствомъ наглости и вѣроломства;
и такъ шомъ, который нарушалъ всѣ клятвы,
вкусилъ самъ горькій плодъ клятвопреступленія.

Тогда шо люди, которые хвалились, что
учать насъ, въ чемъ состоитъ слава, покрылись
стыдомъ; люди, которые, внушали въ насъ бо-
язнь, объята были сами страхомъ. Мы видѣли,
какъ блѣднѣли клятвопреступные Маршалы,
сіи новые Сеяны, которые измѣнили Бонапарту
для Лудовика XVIII и Лудовику XVIII для Бона-
парта, которые попеременно льстили народу
и Императору, служили свободѣ и самовластію.
Мы видѣли, какъ шолла Принцевъ, порожден-
ныхъ революціею, оставяла дворцы, ими похи-
щенные, снимала съ себя мантіи, подобно акте-
рамъ, скидывающимъ съ себя театральныя
плашья, и искала укромнаго уголка въ той са-
мой Европѣ, которая долгое время была саниш-
комъ шѣсна для ихъ щеславія.

Наддежишь имѣшь кисшь испорика, описавшаго Сенашъ Гальбы, Вишеллія и Ошона, чшобъ изобразишь пренія Палаашъ Неровъ и Делушащевъ. *)

(Продолженіе впрѣдъ.)

IV.

Письмо изъ Парижа,

отъ 1 Августа 1815.

Рускіе гренaдeры вшорично вошли поржещвенно въ Парижъ 28 Юля! — Государь Императоръ съ Австрійскимъ Императоромъ изводили смощрѣшь вшествие. Его Величество Король Прускій самъ ввелъ въ городъ полкъ своего имени, бывшій *Санктпетербургскій*. **) За гренaдeрами сщдвовали: кирасирская 2 я дивизія, башарейная артиллерійская рота No 2, двѣ легкія артиллерійскія роты No 5 и 6, и конная рота.

Народъ Парижскій толпился среди взводовъ гренaдeрѣ. Никакой возможности не было усшранишь любопытствующихъ: женщины и мушцины вмѣшивались въ ряды усапыхъ рядовыхъ!... Музыка во всѣхъ полкахъ играла любимую Парижскую пѣсню (*vive Henri IV!*) зришели, толпившіеся около полковъ, пѣли, плясали, хлопали въ ладоши... Крикъ: *да здравствуетъ Александръ, гренaдeры Рускіе, побѣдители, избавители, великодушные!* и проч. и проч. и проч. сопровождаемый, какъ выше сказано, пѣньемъ пляскою и хлопаньемъ въ ладоши,

*) Надобно замѣшитъ, что въ сихъ сословіяхъ были весьма благомыслящіе люди; но они не имѣли вліянія и власти, чшобъ ошановишь безпорядокъ.

**) 3-я гренaдeрская дивизія вшупила въ городъ, а ошъ 2-й дивизіи полкъ Королевскій, который съ Фанаторійскимъ гренaдeрскимъ составляетъ шеперь ою бригаду. П.

превосходила мѣру и изображала картину изступленныхъ празднествъ Вакха!... Надобно замѣтить, что незадолго до нашего входа была въ Парижѣ смотрѣнъ всѣмъ Англійскимъ войскамъ, здѣсь находящимся подъ начальствомъ *Веллингтона*: у нихъ всѣ войска одѣты въ новыхъ мундирахъ шенкаго сукна, конница на корошково-стыхъ лошадяхъ, и въ тоже время были смотрѣны Австрійскимъ и Прусскимъ войскамъ. Парижане, по новости предмета, всѣмъ восхищались, все превозносили!... Но — появились Рускіе (послѣ только дальнихъ и тяжкихъ походовъ, когда нѣкошорые переходы были по 14 и 16 часовъ, то есть до 50 верстъ) и Парижане забыли Англичанъ, Австрійцевъ и Прусакъ... Вездѣ и всѣ шеперь кричатъ о Рускихъ; не насмотрѣвшись, не нахваляясь — не *кади-влятся!*.. Ростъ, взглядъ, походка гренадеръ нашихъ вскружили голову всѣмъ Парижанкамъ — лишь только закричатъ по улицамъ: *Рускіе!* и тысячи женскихъ головъ высунутся изъ оконъ домовъ своихъ!... У нихъ въ пословицу вышло: *красивѣ какѣ Руской* (*beau comme un Russe*)... Мнѣ случалось видѣть въ домахъ и на гуляньяхъ, чтобы отвлечь дѣшей отъ чего либо, то скажутъ имъ: *идутѣ Рускіе*, и дѣти бросаются смотрѣть ихъ, оставляя игрушки и прочія занятія... Всѣ Парижане похожи на сихъ дѣшей: посылаютъ ли музыку, барабанный бой, закричатъ ли: *идутѣ Рускіе*, и всѣ шолпами перебѣгають изъ улицы въ улицу, выбѣгають изъ лавокъ, выглядываютъ изъ вѣжъ оконъ, взмачиваются на крышки!...

Всѣ жители окрестностей Паряжа имѣть желаютъ *постовѣ* преимущественно Рускихъ; каждый помѣщикъ проситъ для *залога* преимущественнѣ Рускаго, и каждый, въ обезпечиваніе своего домашняго имущества, поручаетъ жилище, заведеніе, самые ключи отъ кладовыхъ *Рускому* своему постояльцу!... Подобный же отзывъ заслужили Рускіе и прошлаго года во время пребыванія своего въ Парижѣ. Однажды

при дворѣ Французскомъ спросили знаменитаго вождя *Веллингтона*, что ему болѣе нравилось въ Парижѣ? — *Рускіе гренадеры*, отвѣчалъ герой Великобританіи.

Какой славы, чести, признательности заслуживаютъ шаковыя войска!.. Ко всему оному войдиге еще во внутренность соспоянія военнаго. Крайняя умеренность есть одно только богатство ихъ.. Нерѣдко сухарь и вода или черная Спаршанская похлебка насыщали самихъ Начальниковъ; но, богатыя жилищныя помѣщичьи, погреба съ Шампанскимъ, тучныя стада мериносовъ оставались неприкосновенными.. Едвали когда во время похода лакомый и вкусный обѣдъ заманивалъ Офицеровъ отъ мѣстъ и должностей: они шли въ рядъ ихъ гренадеръ своихъ, и тушь же съ ними вмѣстѣ похвалялись!.. и послѣ сего удивляйтесь вы Спаршанцамъ, Лакедемонянамъ, Фригійцамъ!...

Отрядъ Рускихъ, вступившихъ въ Парижъ, находится подъ начальствомъ Генерала *Ермолова*, который командуетъ корпусомъ гренадеръ. Сей вождь, истый *Славянинъ*, напоминаетъ намъ героевъ Святославова вѣка: онъ всегда при саблѣ, всегда спитъ на плащѣ; ни гаячій пухъ поешелей *Поипадурскихъ*, ни штофныя занавѣсы *Монтеспанъ* не маняють его къ нѣгѣ и сну, который и здѣсь въ Парижѣ, равно какъ въ ночевыхъ спанахъ, длится только у него до разсвѣта... Признательная Россія не забудетъ сего надежнаго сына Отечества, когда онъ всю тяжосль бремени 1812 года держалъ на раменахъ своихъ, будучи Начальникомъ главнаго штаба при Фельдмаршалѣ *Князѣ Смоленскомъ*; за сими въ 1813 году начальствовала надъ всею дѣйствующею въ арміи артиллеріею; попомъ въ 1814 году достойно предводительствовалъ Императорскою гвардіею и велъ оную ко славіи и безсмертію!... При всѣхъ военныхъ достоинствахъ, герой сей хорошій Математикъ. Историкъ, Латинистъ: онъ переводитъ записки Юлія-Кесаря и конечно изъ оныхъ изучается

наши молодые воины наукъ побѣждать и наукъ
убѣждать!

Въ самый день вступленія нашего въ городъ
Парижъ, Его Величество Король Прусскій уго-
щаль обѣденнымъ столомъ Гг. Штабъ и Оберъ
Офицеровъ гренадерскаго полка имени своего.

31 Юля Гг. Штабъ и Оберъ Офицеры гре-
надерскаго полка имени Его Величества Короля
Прускаго имѣли щаспие угощать обѣденнымъ
столомъ въ своемъ полку, въ предмѣстїи Па-
рижа *Лавиллетъ* (la Villette) Государя Импера-
тора, Короля Прускаго и всѣхъ Гг. Штабъ и
Оберъ Офицеровъ Прускаго полка имени Его
Императорскаго Величества Государя нашего,
числомъ до 150 особъ... Столовая была укра-
шена поршретами Императора нашего и Короля
Прускаго, и уставлена лавровыми деревья-
ми!..

Э К С П Р О М Т Ъ:

(въ отвѣтъ на письмо Генерала Ермолова,
откалывшагося поспѣть съ гренадерами въ
Парижъ.)

Когда и гдѣ не успѣвалъ
Твой быстрый и надежный геній!..,
Мнѣ мнилось, что не ты во слѣдъ шагаль,
Баяръ, Тюрень, Евгенийъ
Шли за тобой!...

Поклонникъ твой,
Съ воспоржеюной душой
Возносить голосъ свой:
Ура! ура! ура!
Вторично мы въ Парижѣ.

А. Писаревъ.

ВЫПИСКИ ИЗЪ НОВОЙ КНИГИ.

(Изъ Gazette de France.)

Въ Журналахъ ежедневно извѣщаютъ насъ о появленіи новыхъ книжекъ противъ Бонапарша: въ нихъ заключаются иногда занимательныя описанія и анекдоты; онѣ забавляютъ нѣскольکو времени любопытство наше и исчезающъ, чтобъ уснуть мѣсто другимъ, едва оставляя нѣкоторое воспоминаніе; но порядочныхъ книгъ мы не видимъ: кажется, что великія нынѣшнія происшествія, паденія и возстановленія Государствъ и важные случаи всякаго рода не могушъ найти историковъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ можно въ семь хаосѣ, въ семь смѣшеніи всѣхъ спрасшей, дѣлъ и происшествій, въ поступкахъ челоѣка необыкновеннаго, страннаго, непонятнаго, въ содѣйствіи столь многихъ народовъ — слѣдовать нипи Исторической, объяснять удовлетворительнымъ образомъ всѣ причины тѣхъ дѣйствій, которыя поражаютъ челоѣка обыкновеннаго? — Въ числѣ книгъ которыя принадлежатъ къ послѣднему разряду, должно упомянуть о сочиненіи Г. Прадта, Архіепископа Мехельнскаго, подъ заглавіемъ: *Histoire de l'ambassade dans le duché de Varsovie en 1812, par M. de Pradt, archevêque de Malines, alors Ambassadeur à Varsovie.* (т. е. *Исторія посольства въ Герцогство Варшавское въ 1812 году, сочиненіе Г. Прадта, А. М., бывшаго тогда Посломъ въ Варшавѣ.*) Сочинитель былъ свидѣтелемъ всего, что онъ описываетъ, и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ тогдашнихъ происшествіяхъ. Онъ имѣетъ даръ наблюденія. Краски его живы и ярки, черты описательны. Бонапарше и его Министры перейдутъ въ потомство въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ представляетъ: черты сіи неизгладимы. Вошь опривокъ изъ его книги.

Драма приближалась къ концу. Армія Французская въ Россіи была истреблена. *Компартѣ* бѣжалъ и прибылъ въ Варшаву Г. Прадтѣ говорить:

„Наконецъ наступило 10 Декабря. (н. ст.) Я получалъ депешу Герцога Бассанскаго (*Марета*) которой извѣщала меня о скоромъ прибытіи дипломатическаго сословія, проведеннаго дѣло въ Вильнѣ. Я писалъ къ нему въ оповѣсть, сколь нелицезно ему оставаться въ открытомъ городѣ, въ виду непріятели. Вдругъ расшворюются двери моего кабинета: входитъ высокій человекъ, опираясь на одного изъ моихъ секретарей. „Ступайте за мною!“ сказала мнѣ это привидѣніе. Голова его обернуша была черною тафтою; лице терялось въ опушкѣ широкой шубы; онъ едва волочилъ ноги, обремененные шѣковыми сапогами — и въ самомъ дѣлѣ похожъ былъ на пришельца съ того свѣта. Я всмалъ, подошелъ къ нему и узналъ его. „Что вы, Коленкуръ! закричалъ я: гдѣ Императоръ?“ — „Въ шракширѣ *Hôtel d'Angleterre*: онъ вась ждетъ.“ — „Для чего онъ не остановился во дворцѣ?“ — „Онъ не хочеть, чшобъ его узнали.“ — „Все ли у вась естѣ? чего вамъ надобно?“ — „Дайте намъ Бургонскаго и Малаги.“ — „Домъ мой, погребъ — все къ вашимъ услугамъ. Куда вы теперь ѣдете?“ — „Въ Парижъ.“ — „А армія?“ — „Ее ѣтъ!“ сказала К. обративъ глаза къ небу. — „А побѣда при Березинѣ? А боо пѣнныхъ Герцога Бассанскаго?“ — „Мы перешли... Нѣсколько сошь человекъ ушло... Намъ не до того, чшобъ ихъ сперечь.“ — Тогда я взялъ его за руку и сказала: „Г. Герцогъ! Пора одуматься! Всѣ истинные слуги Императора должны соединиться и сказать ему правду.“ — „Какое бѣдствіе! сказала онъ: покрайней мѣрѣ я не виновать я его предсказалъ. Пойдемъ, пойдемъ! Императоръ насъ дожидается.“ — Я бросился на дворъ, на улицу, и побѣжалъ въ *Hôtel d'Angleterre* Это было въ полденьшнъ шпораго, Польской жандармъ спсала у

воротъ. Хозяинъ трактира меня остановилъ, подумавъ нѣсколько времени и впустилъ во дворъ. Тамъ нашелъ я экипажъ Императора: малой каретный кузовъ поставленный на простыхъ саняхъ, сколоченныхъ изъ четырехъ сосновыхъ досокъ. Сани едва держались. Въ двухъ другихъ открытыхъ саняхъ прїѣхали Генералъ *Лесфоръ-Денцэтъ*, офицеръ, Мамелюкъ *Русманъ* и одинъ лакей. Вотъ все, что осталось отъ шлемваго величїя и пышности! Тайно и осторожно отворяется дверь небольшой низенькой комнатки. Слышу, что перешептываются. Русманъ узнаешь и выпускаешь меня. Въ то время готовили обѣдъ. Коленкуръ входитъ въ комнату Императора, докладываетъ обо мнѣ, выпускаетъ меня и уходитъ. Онъ былъ въ малой низенькой заду; ставни въ ней были вполонину закрыты; холодъ ужасный. Безобразная Польская служанка сдѣлала раздушь огонь въ печи; сырые дрова трещали и выпускали воду, а не тепло. Я никогда не любилъ зрѣлищъ падшаго величїя земнаго. Но въ семъ случаѣ повторилъ въ умѣ великолѣпныя сцены принятїя нашего въ Дрезденъ, и сравнилъ ихъ съ нынѣшнимъ трактирнымъ свиданїемъ. Я не видалъ Императора съ того времени. Новое, горесное чувство возникло въ душѣ моей..... Императоръ, по обыкновенїю своему, прохаживался по комнатѣ; онъ пришелъ въ трактиръ пѣшкомъ отъ Пражскаго моста. Я нашелъ его въ прекрасной шубѣ, крытой зеленою матерїею, съ богатыми золотыми нашлицами; на головѣ у него была подбитая мѣхомъ широкая шапка, а ноги въ сапогахъ и сверхъ того обернута мѣхомъ „Ахъ, Г. Посолъ!“ сказалъ онъ разсмѣявшись. Я приблизился къ нему поспѣшно, и сказалъ голосомъ, въ которомъ слышно было чувство, заставившее меня забыть разстояние подданнаго отъ Государя: „Вы здоровы. Я о васъ очень беспокоился, но вотъ, наконецъ вы прїѣхали — какъ я радъ, что васъ вижу!“ — Поспѣшность и шепотъ моего голоса должны были показать ему, что ю мнѣ происходитъ. Неподобный этого же при-

мѣтпиль. Черезъ нѣсколько времени помогъ я ему снять шубу. — „Какое вамъ здѣсь?“ спросилъ онъ. Тогда я вошелъ обратно въ свою комнату и сталъ на то мѣсто, съ котораго уклонился было по влеченію чувства извинительнаго въ сихъ обстоятельствѣхъ. Я описалъ ему со всевозможною осторожностью настоящее положеніе Варшавскаго Герцогства; оно не было блистательно. Въ то самое утро получилъ я извѣстіе о сраженіи на берегахъ Буга близъ Крылова, въ второмъ два батальона новонабранныхъ войскъ бросили оружіе при второмъ выстрѣлѣ, и донесеніе о томъ, что изъ 1200 лошадей, восемьсотъ пало отъ шого, что рекруты не умѣли съ ними обращаться, сверхъ шого, что 5000 Рускихъ съ артиллерією шли на Замостье. Я рассказалъ все это, и совѣтовалъ, отправишь назадъ изъ Варшавы посольство и дипломатическій корпусъ, заранѣе, до прибытія непріятеля; я описалъ ему плачевное состояніе Герцогства и Поляковъ. — Онъ спросилъ съ жаромъ: „кто же разорилъ ихъ?“ — „Усилилъ ихъ въ шеченіе бѣдъ, отвѣчалъ я; дороговизна и континентальная система, лишаящая ихъ всей торговли.“ — При сихъ словахъ глаза его засверкали. „Гдѣ Прусакъ?“ спросилъ онъ. Я отвѣчалъ ему. — „А Австрійцы! Тотъ же отвѣчалъ. „Въ шеченіе 2 недѣль я ничего о нихъ не слыхалъ. А Генераль Ремье?“ Тскже. — „Надобно набрать десять тысячъ Польскихъ козаковъ: имъ довольно пики и лошади. Этимъ можно удержатъ Рускихъ.“ — Я опровергалъ это мнѣніе, казавшееся мнѣ безразсуднымъ, но онъ не хотѣлъ меня слышать. Наконецъ я сказалъ; мнѣ кажется, что всего полезнѣе войска регулярныя, хорошо усшрѣенныя, исправно получающія жалованье.“ Я жаловался потомъ на нѣкоторыхъ Французскихъ чиновниковъ, я сказалъ, что очень непріятно употреблать въ дѣлахъ людей несѣдущихъ и безъ дарованій. — „Гдѣ найши людей съ дарованіями?“ отвѣчалъ онъ. — Рѣчь зашла о томъ, что Австрійцы нашли мало рестоли на Волыни. Я упомянулъ о свидѣтельствѣ Принца Людовика

Литтенштейна, который прїѣхалъ въ Варшаву для излеченія раны. Говоря о семъ Принцъ, я придалъ ему имя, приличное его шалантамъ. Императоръ посмощрѣлъ на меня пристально и сказалъ: „Чтожь эштоъ *Принцъ* — — (повторивъ данное мною ему имя) продолжайше!“ — Я примѣтила, что эшо ему не понравилось. Черезъ нѣсколько времени, онъ спустилъ меня, поручивъ привести къ нему послѣ обѣда *Графа С. П.* и *Министра Финансовъ*, — Бесѣда моя съ нимъ продо жалась около четверти часа. Императоръ во все въ эшо время прокаживался по комнатамъ, съ сильными, какъ обыкновенно, шлодвиженіями. Иногда впадалъ онъ въ задумчивость — и эшо у него въ привычкѣ — Мы пришли къ нему въ три часа. Онъ лишь только всталъ изъ за стола. — „Давно ли я въ Варшавѣ? сказалъ онъ, смѣясь. Недѣля? нѣтъ! два часа! — Опъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ. — Все ли вы въ добромъ здоровьѣ, Г. Графъ и Г. Министръ Финансовъ?“ — На увѣренія сихъ Господъ что они радуются, видя его въ добромъ здоровьѣ послѣ шолыкихъ опасностей, онъ началъ: „Опасности! ни мало! Я привыкъ жить въ движеніи, чѣмъ болѣе я шружусь, шѣмъ мѣ легче. Пусть лѣнивцы шолстѣюшъ въ своихъ дворцахъ; я жирѣю на лошади и въ полѣ. Опъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ!“ — Видно было, что онъ слышалъ *свистки* всей Европы — а эшо для него всего ужаснѣе. „Я нашелъ, что вы очень встревожены.“ — „Эшо опъ шого, что мы знаемъ о дѣлахъ шолько по слухамъ въ народѣ.“ — „Вздоръ! Армія моя въ лучшемъ состояніи! у меня сто двадцать тысячъ человекъ. Я всегда билъ Рускихъ. Они не смѣюшъ прошивустать намъ. Эшо не шѣ солдаты, которые были при *Фриландѣ* и *Эйлауѣ*. Мы будемъ держаться въ *Вильнѣ*. Я приведу триста тысячъ человекъ. Успѣхъ сдѣлаешъ Рускихъ смѣлыми. Я дамъ имъ двѣ шри баталіи на *Одеръ*, и черезъ шесть мѣсяцевъ опять буду на *Нѣменѣ*. Я лучше могу дѣйствовать на шро-

нѣ, нежели при арміи. Съ сожалѣніемъ оставляю ее, но надобно смолчать за Австрію и Пруссію, а на шронѣ я лучше могу дѣйствовать нежели при арміи. Всѣ нынѣшнія происшествія ничего не значатъ — это несчастіе, это дѣйствіе сужа. Непріятель ничего не дѣлалъ; я его билъ повсюду.“ — Онъ прибавилъ еще нѣсколько словъ о душахъ сильныхъ и о душахъ слабыхъ — то есть, почти все то, что находится въ 29-мъ бюллетенѣ, а потомъ прѣдложилъ: „Со мной не то еще бывало. При Маренго, до шести часовъ вечера я былъ разбитъ, а на другой день сдѣлался повелителемъ Италіи. При Элингъ я былъ властелиномъ Австріи. Эрцгерцогъ думалъ удержавъ меня. Онъ обнаружилъ не знаю что. Армія моя подвинулась уже впередъ на полторы мили. Я не оказалъ ему чести командовать противъ него лично, а извѣстно, что безъ меня дѣло не поидеть. Я не могъ помѣшать, чтобы Дунай въ одну ночь разлился на 16 фушовъ. Ахъ! безъ этого бы Австрійская Монархія кончилась; но написано было въ небѣ, чтобы я всступилъ въ ракъ съ Эрцгерцогинею.“ Эти слова проговорилъ онъ очень весело. — „Также и въ Россіи, я не могъ помѣшать, чтобы наступили морозы Каждое утро мнѣ доносили, что я потерялъ ночью десять тысячъ лошадей. Такъ чтожъ? несчастливый путь!“ Это повторялъ онъ разъ пять, шесть — „Наши Нормандскія лошади не такъ крѣпки, какъ Русскія. Онѣ не могутъ сдержать 9 градусоваго морозу. Такъ и люди. Посмотрите на Баварцевъ — изъ нихъ не осталось ни одного. Можешь быть, скажутъ, что я долго оставался въ Москвѣ. Это можетъ спастись; но погода была хороша; сужа наступила ранѣе. Я ожидалъ мира. 5 Октября послалъ я Лористона, чтобы поговорить о томъ. Я имѣлъ намѣреніе пойти на Петербургъ, я имѣлъ на то время; потомъ въ южныя Россійскія Губерніи, а зиму провести въ Смоленскѣ. Наши будутъ держаться въ Вильнѣ. Я оставилъ тамъ Короля Неаполитан-

скаго. Ахъ! позорище политики обширно. Кто ни на что не отваживаешься, шельмъ ничего и не получаешь. Отъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ. Императора Александра любящъ. У нихъ шельма козаковъ. Этошъ народъ спомни чегъ нибудь. Казенные крестьяне любящъ Правительствованію. Все дворянство еполучилось. Я велъ войну правильную; но кто могъ подумать, что вздумашъ замечъ Москву? Теперь это приписываюшъ намъ но они, они зажгли ее. Этошъ подангъ принесъ бы честь Римлянамъ. Многіе Французы за мною пославдовали; это добрые люди; они найдутъ меня." Тогда впустился онъ въ разные толки о наборѣ отряда козаковъ, для удержанія Руской арміи, предъ которою пали шриста шмьсячъ Французовъ. Министры шщшно предсказывали ему состояніе сей земли. Онъ не ошщшавалъ отъ своего намѣренія. Я также вмѣшался въ разговоръ о бѣдствіяхъ Герцогства. — Дожесая о скоромъ прибышій дипломатическаго соеловія — „Это шпіоны, сказалъ онъ: я не хотѣлъ имѣть ихъ при моей главной квартирѣ, но ихъ признали. Они всѣ шпіоны, и занимаюшя только посылкою реляцій къ своимъ дворамъ.“ Бесѣда сія продолжалась три часа. Между шмъ огонь въ каминѣ потухъ, и мы зябли, какъ на дворѣ. Одинъ Императоръ, разгоряченный разговоромъ не пріймчалъ шого. На предложеніе пробѣхать чрезъ Силезію, ошщшчалъ онъ: „Ахъ, Пруссія! — Наконецъ, повторишь раза три: *отъ высокаго до смѣшнаго одинъ только шагъ*, спросивъ не узнавалъ его, и сказавъ намъ, что это для него все равно, увѣрилъ онъ Министровъ въ еведемъ покровительствѣ, просилъ ихъ не шераянъ мужества, и велѣлъ подашь экипажъ свой. Я повторилъ увѣреніе, что при посольствѣ не забыли ничего касательно его пользы. Министры вмѣстѣ со мною съ почтительностію и усердіемъ просили его беречь свое здоровье и желали ему шщштливаго пуши. — „Я никогда не былъ здоровѣе нынѣшняго; когда самъ чоршъ въ меня вселился, тогда я буду еще здоровѣе!“

Вотъ были его послѣднія слова. Тогда сѣлъ онъ въ скромныя сани, которыя везли Кесаря и форшуну его, и исчезъ. Въ воротахъ сани, вадѣли за порогъ, и едва не опрокинулись. — Такова была, слово въ слово, сія знаменитая бесѣда, въ которой Наполеонъ явно показалъ свой умъ дерзкій и несвязанный, холодную нечувствительность, броженіе мыслей его посреди десяти различныхъ предпріяній, прошедшихъ плановъ и будущихъ опасностей. Она сильно меня поразила, и я увѣренъ въ точности сообщилъ ее здѣсь. Я долго ее пересматривалъ, и не думаю, чтобы мнѣ случилось что либо забыть или написать неисправно.“

Вотъ совершенная картина!

Пер. D. D.

VI.

С М Ъ С Ъ.

Нѣчто о Мюратѣ.

Юакимъ Мюратъ, бывшій *Королевъ Неаполитанскій*, а нынѣ ищущій безопасности и прибѣжища въ Италіи, родился въ *Кагорѣ*, гдѣ отецъ его питался починкою обуви. Въ молодости своей Юакимъ служилъ рабочникомъ у мясника, и разносилъ по домамъ шоварь своего хозяина. Однажды принесъ онъ на кухню *Г. Камбасереса* жаркое. Оно не понравилось повару, который, разсердясь, ударилъ имъ Мюрата въ голову такъ сильно, что кровь полилась у него носомъ и ртомъ. — Это приключеніе побудило молодого мясника пойти въ солдаты. Онъ опредѣлился во Французскую гвардію, и во время революціи, смѣлостью, рѣшительностію и личною храбростію, дослужился до Генеральскаго чина. Онъ понравился красотою своею

сестрѣ Бонапарша, и вскорѣ на ней женился. Наполеонъ сдѣла-ся Императоромъ, а зянь его Принцемъ. Сей новый Принцъ, обѣдая однажды у Камбасереса (который между шѣмъ также вышелъ въ люди) признался, что нигдѣ не умѣють такъ хорошо готовить кушанье, и просилъ Камбасереса, уступить ему своего повара. Камбасересь, извѣстный своимъ лакомствомъ и обжорствомъ, не хотѣлъ было разстаться съ виршуозомъ - поваромъ, но долженъ былъ уступить зяню тогдашняго. истукана Франціи; призвалъ послѣ обѣда повара, и объявилъ ему, чтобъ онъ немедленно отправился во дворецъ Принца. Поваръ побѣднѣлъ, бросился на колѣна и просилъ Господина своего, ради Бога, не уступать его Принцу. — Почемужь не такъ? спросилъ у него Камбасересь. — Милосивѣйшій Государь! отвѣчалъ поваръ: Его Высочество, увидѣвъ меня, конечно отправитъ на гильошину: не думаю, чтобъ онъ забылъ, какъ я его обидѣлъ, когда онъ былъ еще мясникомъ. — Камбасересь, узнавъ все дѣло, совѣщовалъ повару выѣхать изъ Парижа, и самъ въ томъ ему способствовалъ. — Нынѣ сей поваръ содержитсяъ большой шрактиръ въ Гамбургѣ, и частѣ рассказываетъ гостямъ своимъ эшошъ анекдотъ.

Изъ *Hamb. pol. Journ.*

(9 Сентября.)

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А:

1815. № XXXVIII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВ

I.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КАПИТАНА ГОЛОВНИКА ИЗЪ ЯПОНСКАГО ПЛѢНА.

(Продолженіе.)

„*Такавая-Кахи* на другой день возвра-
тился къ намъ на шлюпу прежнимъ поряд-
комъ, и переодѣвшись въ каюшь опяшь въ
церемоніальное платье; началъ разговоръ
ошъ имени двухъ Начальниковъ, которые
просили узнать ошъ меня; не нуждается ли
въ чемъ нибудь экипажъ Россійскаго кораб-
ля; и самъ корабль не потребуешь ли, какъ
имъ сдѣлалось извѣстнымъ; ошъ продолжи-
тельнаго изъ Охотска въ позднее время
года плаванія, исправленія? На вѣщныя пункты
ошъ вѣщствовано ошъ мени было одною бла-
годарностію, и что кромѣ сыжей рыбы,
воды и зелени, (и шо ешьян имѣется завсѣ-
въ изобиліи) ни въ чемъ не имѣемъ нужды;

и корабль исправленія не потребуешь. Пошомъ сказалъ онъ мнѣ, что онъ съ должными по своимъ обычаямъ обрядами вручилъ письмо *Охотскаго* Командира двумъ Начальникамъ, кошорые, по особой къ нему доверенности, обнаружили ему свои мысли, что сдѣланныя въ ономъ письмѣ объясненія полны и весьма удовлетворительны, а предложеніе мое имѣть съ ними свиданіе для врученія письма *Иркутскаго* Губернатора, приняло съ величайшею радостію, и что теперь онъ присланъ условисься со мною о церемоніальныхъ обрядахъ, при моемъ съ ними свиданіи: во первыхъ о почетной справѣ. — Я объявилъ, что буду имѣть при себѣ 10 человекъ съ ружьями, кои выйдуть на берегъ съ флагами: военнымъ и бѣлымъ переговорнымъ, несомыми двумя унтеръ-офицерами, Офицеровъ не болѣе двухъ и переводчика Японскаго языка; вѣшь же на берегъ я соглашаюсь въ предлагаемой оль Начальниковъ Губернаторской парадной шляпкѣ; въ домъ, гдѣ назначено имѣть свиданіе, послѣ взаимныхъ привѣтствій, кошорыя съ моею стороны будутъ состоять

но нашему извѣстному ему Европейскому обычаю въ однихъ поклонахъ, внесуся для меня кресла, а для Офицеровъ позади меня стулья, на коихъ мы должны будемъ сидѣть; при началіи разговоровъ отъ меня или Японскихъ Начальниковъ, я буду въ знакъ особой почтительной къ особамъ симъ внимательности, вставашь и попомъ по прежнему садиться на свое мѣсто. — На всѣ сіи требованія *Таката-Каки* объявилъ свое мнѣніе, что они безъ всякихъ затрудненій Начальниками признаются приличными, кромѣ ружей, ибо, говорилъ онъ, нѣтъ у насъ примѣра, чтобы иностранной земли посланники, пріѣзжавшіе къ намъ для объясненія какого нибудь дѣла, допускаемы были при церемоніальномъ свиданіи съ своею свитою вооруженные всѣми военными орудіями; довольно будешь для васъ чести, въ сравненіи другихъ Европейскихъ пословъ, бывающихъ у насъ въ Нангасаки, имѣть вашей стражѣ однѣ сабли, а ружья оставишь. И такъ, продолжалъ онъ, сдѣлано немаловажное и въ нашихъ законахъ первое еще ошснупленіе, что вы съ кораб-

демъ впущены во внутренность нашей гавани, со всеми имѣющимися на кораблѣ военными орудіями и порохомъ, и даже при начавшихся теперь переговорахъ неопытны у васъ способы; ежели бы вы вздумали, поспушить съ нами непріятельски.“ — Убѣдаясь въ истинѣ пріобрѣшеннаго нами преимущества, какого; сколь мнѣ изъ путешествій извѣстно; ни одинъ изъ Европейскихъ кораблей еще не имѣлъ; — я охотно готовъ былъ уступить въ разсужденіи ружей; и просилъ *Такатая-Кахи* слегка оное право предложить въ такомъ только видѣ; что безъ ружей спража не будешь воинская, и пощому неопытствующая носимому мною званію Начальника Россійскаго Императорскаго корабля. „У насъ; сказала я ему; ружья имѣють право носить одни только военные, подобно какъ у васъ воинъ носитъ двѣ сабли, а всякой партикулярной человекъ одну; и такъ наши ружья суть не что иное, какъ другая ваша сабля.“ Впрочемъ я новшорилъ ему мою прозьбу; чщобъ онъ въ случаѣ возраженія со стороны двухъ Начальниковъ, что еще можешь быль прошивго

законамъ ихъ земли, оставилъ безъ вниманія и ни малѣйшаго не показывалъ виду, чѣмъ опказъ въ ружьяхъ воспреняшшсво-валъ мнѣ исполнишь мое намѣреніе съѣхашъ для свиданія на берегъ, ежели только на все прочее, какъ онъ обнадеживалъ, Начальники будущъ согласны. *Такая-Кахи* записалъ въ книжку весь нашъ разговоръ о обрядахъ свиданія, и опсправился на берегъ. Въ слѣдующій день, въ обыкновенное ушреннее время, пріѣхалъ онъ на шлюпъ и съ веселымъ видомъ сказалъ мнѣ, чѣмъ два Начальника на все согласились, и даже въ ружьяхъ. „Сначала, говорилъ онъ, они немно-го призадумались, но не сказали мнѣ ни слова; тогда я взялъ смѣлосць объяснишь имъ все шю, чѣмъ вы мнѣ говорили о правѣ ружья въ Россіи, и шеперь, объявляю вамъ оффиціально, чѣмъ завтра оба Начальника будущъ ожидать васъ на берегу въ пригошовленномъ домѣ для церемоніальнаго свиданія, гдѣ примушь письмо *Иркутскаго* Губернатора. Въ 12 часовъ я, по приказанію Начальниковъ, пріѣду за вами на парадной Губернаторской шлюпкѣ. Но вонъ

еще одинъ пунктъ обряда необъясненъ: неужели вы войдете въ сапогахъ въ аудіенцъ-залу, гдѣ посланы будутъ чистые ковры, на коихъ самые главные Начальники будутъ сидѣть на колыняхъ? Войши въ сапогахъ, прошивно нашимъ кореннымъ обычаямъ и почитается величайшею грубостію; вамъ должно будетъ въ передней комнашѣ скинуть сапоги и войши въ однихъ чулкахъ “ — Такое неожиданное, странное для Европейцевъ требованіе привело меня въ нѣкоторое замѣшательство; ибо я, при условіи о обрядахъ, не почиталъ нужнымъ высказать, что мы будемъ въ сапогахъ, — Японцы же, какъ это у нихъ поступокъ обыкновенной, простой даже учтивости, какъ я послѣ узналъ отъ Г. Капшана *Головина*, также не считали важнымъ объясниться. Меня это ввергнуло въ великое затрудненіе. Наконецъ я сказалъ *Такатаю Кахи*, съ нѣкоторымъ движеніемъ, что мнѣ ни подъ какимъ видомъ невозможно согласишься на требованіе, предсѣять въ полной формѣ со шпагою безъ сапоговъ. „ Знаю, сказалъ я, что ты нашей землѣ всеобщая учтивость ски-

дывать при входѣ въ покои, даже самыя просымы, свою обувь. Но ты, просвѣщенный челоуѣкъ, изъ опытовъ шеперь знаешь, что ваши обряды въ многомъ совсѣмъ противоположны Еврепейскимъ: напримѣръ, у васъ всѣ ходящъ большіе и малые безъ нижняго платья, но въ замѣну шакого недоспашка, для соблюденія благоприсойности, вы носите платье, похожее на наши халаты, — а въ шакомъ нарядѣ у насъ въ Европѣ сидящъ только въ своихъ спазьняхъ! Также и въ обуви: у васъ неучливо войши въ ней въ покои, а у насъ, не говоря о неучливости, есть самое величайшее безчестіе, гдѣ нибудь явишьса безъ обуви; ибо одни только государственныя пресупники ходящъ безъ оной закованные въ желѣзахъ. Какъ же можно мнѣ, предсшавляющему, какъ тебѣ извѣстно, въ званіи моемъ особое лице, предсшавать предъ вашими Начальниками безъ обуви? *Такатая Кахи* не зналъ, что мнѣ на это отвѣчащъ, выразишь, что спашья, казавшаяся ему незначущою въ обрядахъ, оказываешся важною. Тогда придумалъ я ему сказащъ, что готовъ сдѣлащъ большое съ сво-

съ спороны снизхожденіе, дабы только въ
 разрушилось совсѣмъ условеное и съ обѣихъ
 споронъ желаемое свиданіе. „У насъ естъ
 обычай, продолжала я: когда мы хошимъ ока-
 зать особенное уваженіе къ большому На-
 чальнику, шо, входя въ передніе покои, ски-
 дываемъ сапоги, а надѣваемъ извѣстные ще-
 бѣ башмаки.“ *Такая-Кахи* приведенъ былъ
 вшимъ въ величайшую радость и ска-
 заль: „этого довольно, обрядъ учшивоспей
 безъ оскорбленія съ обѣихъ споронъ будетъ
 сохраненъ. Башмаки ваши я уподоблю Япо-
 скимъ получулкамъ и скажу, что вы согла-
 сились скинуть сапоги и войдете въ ау-
 діенць-залу въ кожаныхъ чулкахъ.“ Послѣ
 сего поспѣшилъ онъ увѣхать на берегъ, и къ
 немалому моему удивленію подъ вечеръ воз-
 вращился извѣстить меня, что Начальники
 весьма довольны сдѣланнымъ съ моей спо-
 роны снизхожденіемъ въ разсужденіи обуви,
 ибо ежелибъ я наспрящельно желалъ бытъ въ
 сапогахъ, шога, хошя свиданіе не уничтожи-
 лось бы, но Начальники не могли / бы мнѣ
 сдѣлать желаемой учшивоспи, принявъ ме-
 ня сидя на колынахъ; а по Европейскому

манеру также бы сидѣли на нарочно сдѣланныхъ спульяхъ, что въ Японіи почищается величайшимъ неуваженіемъ и даже грубостію. Пошомъ *Такатая-Кахи* подалъ мнѣ рисунокъ всего пригошеваемого въ домъ при свиданіи церемоніала. Передъ домомъ изображены были солдаты, сидящіе на колыняхъ; въ первыхъ покояхъ нижняго класса чиновники; тамъ должно мнѣ скинуть сапоги, надѣвъ башмаки, и пройти мимо ряду такихъ же чиновниковъ, сидящихъ на колыняхъ. Въ планѣ предсавлена была и аудіенцъ-зала: въ передней споронѣ назначены мѣста двухъ главныхъ Начальниковъ, съ лѣвой спороны посажены переводчики, по правую Академики, нарочно пріѣхавшіе для сдѣланія своихъ замчаній о Россійскомъ военномъ кораблѣ и ошобранія разныхъ о Европѣ свѣденій. Посреди залы, прошивъ главныхъ Начальниковъ, назначено мѣсто мнѣ, а позади меня Оѣнцерамъ; спражъ съ ружьями и флагами определено спояшь во фруншѣ передъ ошкрытыми дверями дома. — Успроивъ такимъ образомъ, по взаимномъ соглашеніи, всѣ обряды для свиданія, *Такатая-Кахи*, утжака ошъ насъ, повшорилъ,

что онъ, ежели погода позволитъ, завтра въ 12 часовъ непременно придетъ за мною на Губернаторской шлюпкѣ. Теперь надлежало мнѣ обратить вниманіе на участь Переводчика *Киселева* котораго нужно мнѣ было съ собою взять на берегъ для переводовъ. Не безызвѣстна мнѣ была строгость Японскихъ законовъ къ подданнымъ, принявшимъ Христіанскую, вѣру и вступившимъ въ службу чужей земли. Хотя *Г. Киселевъ* изъ приверженности къ Россіи въ переводимыхъ имъ письмахъ и проч. подписывался Россійскимъ уроженцемъ онъ Японца; но хорошее его знаніе Японскаго языка вскорѣ обнаружило бы его передъ хищными соотечественниками въ настоящей его Японской породѣ, и тогда послѣдствія для него могли быть самыя пагубныя. Я призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему, чтобы онъ основательно подумалъ, какъ ему лучше моего извѣстны законы своей земли, можно ли ему будетъ, не подвергая себя опасности, ѣхать со мною на берегъ. Онъ отвѣчалъ: чего мнѣ бояться? развѣ васъ захватятъ, тогда и всѣхъ; а меня одного не возьмутъ! я не Япо-

нецъ. Прошу васъ взять меня на берегъ, чшобъ я могъ исполнить свою должность переводчика. На берегу сосшюитъ въ переговоры съ Начальниками важность всего дѣла, а здѣсь на Діанѣ въ переговорахъ съ *Такатая-Кахи* я вамъ мало помогаю. Ежеди вы меня на берегъ не возьмете, шо для чего я принималъ морскія безпокойства?“
 Видя его желаніе бытъ въ нашемъ дѣлѣ полезнымъ, я съ величайшею радостію объявилъ ему, чшо въ семъ случаѣ имѣтъ намъ шакого вѣрнаго переводчика весьма важно, шолько я не хощѣлъ поступиць прошивъ его желанія въ шакомъ случаѣ, гдѣ предшюишь какая либо ему опасность. За симъ приказалъ я изгшовишься къ ошѣзду еще двумъ Офицерамъ, шаже изъясвившимъ желаніе вхашъ со мною на берегъ.“

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

II.

СТИМБОТЪ НА НЕВЪ. *)

Ровно за годъ предъ симъ напечатана была въ 36 и 37 кн. *Сына Отечества* любопытная спашья о *Стимботахъ* или *паровыхъ судахъ Американскихъ*. Сочинитель ея, *Г. Свинъиъ*, извѣщая насъ о томъ, что изобрѣшашель ихъ *Г. Фултонъ* получилъ привилегію на построение ихъ въ Россіи, изъяснилъ ожиданіе, что мы въ нынѣшнемъ году увидимъ, можетъ быть, стимботъ, плавающій изъ *С. Петербурга* въ *Кронштатъ*.

*) Спашья сія изгововлена была для 37 книжки *С. О.* но не могла быть въ ней напечатана за недоспашномъ мѣста. Между тѣмъ появилось описаніе пароваго судна въ 36 книжкѣ *Духа Журналовъ*. Хотя сіе описаніе сдѣлано весьма подробно, ясно и хорошо, но мы рѣшились напечатать и нашу спашью, будучи увѣрены, что нельзя довольно часто говорить о, такъ важнѣхъ предметахъ, какова машина *Г. Берда*. — Замѣшимъ при семъ случаѣ, что уже недѣли за три предъ симъ появилось первое извѣстіе о семъ суднѣ въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ, но оно было крайне недоспашно, шемно и даже несправедливо. — Нелучше ли нѣкоторымъ писателямъ ограничиваться обычными своими копіями Берлинскихъ и Гамбургскихъ Вѣдомостей и велемудрой Шлегелевой драматургіи?

Между шѣмъ Г. *Фултонъ*; сколько намъ извѣстно, не принимался за свою обязанность, которая имъ и вовсе прекратилась его смертію. Въ Августѣ же сего года появилось на *Невѣ* движимое парами судно, построенное Г. Оберъ-Гиншенфервальнеромъ *Бердоубъ*; извѣстнымъ по всей Россіи знаніемъ и искусствомъ своимъ въ Механикѣ, особенно въ отношеніи къ фабрикамъ и заводамъ, производящимъ работы свои посредствомъ паровыхъ машинъ.

Г. *Бердоубъ* не построилъ, для приложенія паровой машины къ судоходству, новаго судна, а только вдвигалъ сію машину въ обыкновенную Тихвинскую лодку. Снаружи видно, что она имѣетъ палубу съ возвышающеюся посрединѣ плоскою крышею шлюма (въ которой находится машина); въ кормовой части поставлены скамьи съ парусными навѣсомъ для пассажира, а впереди, по обѣимъ сторонамъ, видны досчатые фушляры, въ которыхъ движется по колесу. Движеніе ихъ примѣтно только по сильному волненію и пѣнистому слѣду, который за ними остается. Впрочемъ суд-

но идетъ весьма ровно. Посреди судна возвышается желѣзная труба, діаметромъ около фута а вышнюю футовъ въ 25. При попутномъ вѣтрѣ труба сія служишь вѣсто мачты для поднятія паруса. Дыму, выходящаго трубою, невидно. Вся лодка имѣеть въ длину 60, а въ ширину 15 футовъ, и ходишь въ водѣ на 2 фута.

Въ прюмъ, какъ выше сказано, помѣщена паровая машина. Конструкція сей машины противъ другихъ улучшена, и части, ее составляющія, весьма уменьшены въ своихъ размѣреніяхъ и расположены такъ, чтобъ какъ какъ возможно понизилъ центръ тяжести оной, для доставленія необходимо нужной оспойчивости судну. Кошель и печка (находящаяся посрединѣ внутри его, и со всѣхъ сторонъ окруженная двойною стѣною, между кошорою кипишь вода) помѣщены на шпангаушахъ или ребрахъ судна. Опъ нихъ нельзя опасаться ни какого вреда. Вода втягивается въ кошель изъ самой рѣвки посредствомъ управляемаго сею же машиною насоса. Расположеніе печки и кошла уменьшаешь и пошребное для мон-

ки количество дровъ: сажень полуаршинныхъ березовыхъ дровъ достаточна на 12 часовъ. Паръ, выходящій изъ котла чрезъ длинную обвешную веревками шрубу, приводитъ упругостию своею въ движеніе шворень, котрый съ своей стороны сообщая движеніе рычагу, приводитъ въ дѣйствіе чугунныя колеса устроенныя по обѣимъ сторонамъ судна вѣдъ онаго, сверху закрытыя деревянными навѣсами или фушлярами, и спереди заслоненныя бревнами отъ удара въ случаѣ нечаяннаго набѣга на другое судно. Колеса сѣи имѣють въ діаметръ 8 фушовъ, въ ширинѣ 4 фуша; въ нихъ утверждены по шести лопастей въ 14 дюймовъ шириною, углубленныя въ водѣ на 9 дюймовъ, и перебирающія оную съ неизмовѣрною скоростью. Колесо дѣлаешь въ одну минушу сорокъ оборотовъ. Сими способомъ судно, безъ теченія и безъ вѣтра идетъ въ часъ по 10 верстѣ. По теченію прибавляется къ сему скорость онаго, шакъ напр. на Невѣ, которая сноситъ теченіемъ судно на $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ, но $12\frac{1}{2}$ верстѣ съ половиною. Прошивъ ше-

ченія ходъ судна уменьшается въ томъ же размѣрѣ, т. е. на Невѣ соснавлается въ часъ $7\frac{1}{2}$ верстъ. При семъ надлежитъ замѣнить и то, что нынѣшнее паровое судно не иное что какъ просшая, неуклюжая лодка, и что скорость движенія конечно увеличится при постройкѣ судна особеннымъ, приличнымъ образомъ. При попушномъ вѣтрѣ парусъ также много способствовалъ будешь ускоренію хода. — Судно сіе управляется обыкновеннымъ рулемъ и оборачивается весьма скоро и легко. Управляющій рулемъ можетъ остановить оное въ секунду наклоненіемъ небольшого рычага, закрывающаго клапанъ паровой трубы.

Стилботъ можетъ быть употребленъ двоякимъ образомъ: во первыхъ для первоза на немъ людей и товаровъ чрезъ рѣки и заливы, а во вторыхъ для буксированія другихъ судовъ. Въ первомъ случаѣ можетъ онъ быть заведенъ съ большимъ успѣхомъ для плаванія между *Санктпетербургомъ* и *Кронштатомъ* — передовымъ постомъ Санктпетербургской морской силѣ и торговлѣ. Нынѣ случается, что обыкно-

вѣнный пассажбошь оснаеиетя на пуши (око-
 ло 26 верстѣ) болѣе сухою; особенно шруд-
 но входитъ ему въ успѣе изливающейся въ
 заливъ Невы. Снимбошь же при попушномъ
 вѣспрѣ можеть проходить сѣе разсѣианіе въ
 2 $\frac{1}{2}$, а при прошивномъ въ 3 часа. Ненужно го-
 воритъ, сколь важно будеть для торговыхъ
 сношеній сѣе облегченіе! — Второе, гораздо
 обширивѣйшее поприще открываеиетя сему
 изобрѣиенію во внутреннемъ судоходствѣ
 Россіи. Нѣтъ въ свѣтѣ земли, которая имѣ-
 ла бы столь пространное и важное внут-
 реннее судоходство. На одной рѣкѣ Волгѣ
 уношрѣбляеиетя ежегодно, но крайней мѣрѣ,
 до 400,000 человекъ единственно для провозу
 барокъ. Изъ нихъ (среднимъ числомъ въ
 теченіе 20 днѣй) погибаетъ ежегодно до
 4000 чел. при самыхъ судахъ, и еще многіи
 тысяччи возвращаюиетя по домамъ съ раз-
 сирокеннымъ оиъ шрудной, можно сказать
 каторжной работы, здоровьемъ. Сѣе обстоя-
 вельство неоднократно обращало на себя
 вниманіе друзей человѣчества и шпріюшнвъ.
 Императоръ *Самъ Отчества* извѣстными (изъ
 26 ян. 1814 г.) заслуги по сѣй часамъ Г. Ми-

женеръ-Механика *Пудебарда*. Посредствомъ изобрѣтенной имъ машины 8 лошадей и 100 человекъ могутъ тащить нагруженную 70,000 пудами барку въ день на 10 верстъ прошивъ теченія Волги, для чего прежде потребно было 300 человекъ. Теперь снимбошь, имѣющій силу прошивъ 16 лошадей, сvezеть (буксировкою) шаквое судно по крайней мѣрѣ влѣшеро скорѣе; онъ не имѣеть нужды ни въ людяхъ, ни въ канашахъ, ни въ лошадяхъ, никогда не уномнишь и не пошребуетъ понужденія. Для пароваго судна надобно не болѣе шрехъ человекъ (одного при руль, другаго при печи, а шрешьяго для общаго надзора) и еще нѣсколько человекъ на баркѣ. Скажуть, можеть бышь, что упошребленіе снимбошова, причинишь болъшій расходъ на дрова? Но, для сваренія пусшой кашницы на шрисна работниковъ выйдешъ дѣхъ конечно болѣе нежели для приведенія въ движеніе судна посредствомъ паровъ. Снимбошь принесешъ еще слѣдующія выгоды: во первыхъ, посредствомъ его можно будешъ разгруженныя барки свозишь безъ шруда и издержекъ назадъ, между

онъ, прослуживъ однажды, обращаются въ ломку; во вторыхъ, барки не будутъ подвержены опасности състь на мълъ или удариться о камень, кошорой нельзя отшрашишь при взводъ судовъ бичевою или завознями: посредствомъ спимбона можно уклониться въ немъ отъ всякой опасности. Издержки построения подобной машины, въ сравненіи съ чрезвычайною пользою, кошорую она принесетъ можешь, весьма маловажны. Здѣсь, въ С. Пешербургѣ, стоить она 15,000 рублей, но въ Пермскихъ заводахъ обойдется тысячь въ пять, слѣдственно можешь съ лихвою окупиться въ первое лѣто. — Нетрудно исчислить, какое вліяніе имѣть будетъ сіе сбереженіе силъ и людей на земледеліе и ремесла! Конечно надобно много времени, трудовъ и попеченій, для общаго введенія сего изобрѣщенія; но способности и искусство Рускихъ художниковъ извѣданы. Г. Бердъ не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что машина сія будетъ у насъ изготовляема съ такою исправностію и точностію, что удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ.

Нынѣ, въ ожиданіи распространенія сего изобрѣшенія, паровое судно развѣзжася по чинамъ ежедневно по Невѣ, и обращаетъ на себя вниманіе всей публики. Г. Бердъ съ величайшею благосклонностію удовлетворилъ желанію любознательствующихъ видѣть оное во всякъ часехъ. Поспавляемъ особенную обязанностію изъявивъ ему благодарностію нашу за сообщеніе намъ свѣдѣній объ устройствѣ и употребленіи сего судна. Надѣемся, что Чиновельми нантимъ пріятно было получить понятіе о семъ новомъ и важномъ предмѣтѣ.

Сильный блестящелый оныи употребленія пароваго судна произведенъ бысть 4 Сентября у Таврическаго дворца, въ присутствіи Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Судно сіе подпора часа ходило по разнымъ направленіямъ въ кругломъ напромѣ дворца бассейнѣ, котораго діаметръ не превосходитъ сорока сажень. Удобное движеніе спомъ большаго судна въ такомъ маломъ простиранствѣ воды предспавляло пріятное зрѣлище, и показывало, сколь оно удобно въ управленіи.

Ея Величество Государыня Императрица и Ея Высочество Великая Княжна Анна Павловна со свитою удоспоили сей первый въ Россіи спимбошь своимъ присушствіемъ, и кашадись на немъ около получаса. Государыня Императрица изволила разсмапривашь съ величайшею подробностію сославъ и спроеіе всѣхъ часшей машинны. — Новостъ сего явленія, мѣсположеніе и прекрасная того дня погода привлекли шуда необыкновенное множесшво зришелей.

III.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1815 ГОДА.

127 † *Отрывки, касающіеся до нѣкоторыхъ частей Государственнаго Хозяйства. Сочиненіе Россіанина.* С. П. б. въ Морской шип. въ 8, 51 стр.

128 † *Маккавей. Трагедія взятая изъ Иудейской Исторіи.* Сочиненіе Петра Корсакова. С. П. б. 1815 въ Сенатской шип. въ 8, 62 стр.

129 † *Черты изъ жизни Тадеуша Костюшки, пльментаго Россійскимъ Генераломъ Ферзенномъ.* Изд. Федоромъ Глинкою, сочинителемъ писемъ Рускаго Офицера. С. П. б. 1815 въ шип. Байкова въ 12 д. 51 стр.

(Сія любопытная біографія напечатана въ 6 части *Писемъ Рускаго Офицера.*)

130 † Papageno (Beherrscher der Vögel auf Elba) auf dem Blockberge. Ein Hexenmärchen, allen Hexen gewidmet. (Папагено (обладатель птиц на Э. вб) на горѣ В. оксбергѣ. Сказка о вѣдьмахъ, посвященная всѣмъ вѣдьмамъ.) С. П. б. 1815 въ шип. Дрехсле-ра в: 8 8 стр.

(Смѣхотворныя сочиненія, говоритъ Г. Меркель, раздѣляющіяся на два рода: въ первыхъ смѣшенъ предметъ сочиненія, въ послѣднихъ смѣ сочинитель. Книжка сія принадлежитъ къ послѣднимъ.)

131 * Духъ Лорда Честерфильда или избранныя мысли изъ нравоучительныхъ его сочиненій и писемъ къ сыну своему. Съ англійскаго перевелъ Ст. Сов. и Членъ Вольнаго Экономическаго Общества Ив. Ливатовъ С. П. б. 1815 въ шип. Академіи Наукъ въ 8, 152 стр.

(Книга пріятная и полезная! Переводъ блѣзюкъ, правдивъ и ясенъ, но, къ сожалѣнію, шарохованъ и шпатель. Сочиненія нравоучительныя должны быть особенно приманчивы слогомъ своимъ. Самъ Честерфильдъ говоритъ въ сей книгѣ: (стр 69.) „Слогъ есть одежда мыслей. Сколь бы онѣ ни были истинны, но ешьяи слогъ твой сухъ, несладокъ и грубъ, шю и мысли твои покажутся столь же несладки и столь же худо приняты будутъ, какъ и самъ ты, сколь бы впрочемъ статень ни былъ, ешьяи будешь одѣтъ въ замаранное, изорванное и гнусное платьше. Не каждаго разумъ можетъ оудить о вещи, но каждаго слухъ судитъ и можетъ болѣе или менѣе судитъ о слогѣ явномъ.“

С О В Р Е М Е Н Н А Я И С Т О Р І Я И П О Л И Т И К А,

IV.

Исторія пятнадцати недѣль или послѣднее царствованіе Бонапарта.

(Продолженіе)

Тамъ обманутое шцеславіе, принявъ языкъ патріотизма, оплакиваетъ потерю мѣста или достоинства, описывая несчастія Отечества. Здѣсь въ высокопарныхъ рѣчахъ видна боязнь, которая старается прикрыть себя пустыми угрозами. Далѣе, гордосень оскорбляетъ дарованнымъ прощеніемъ, почитаетъ упрямо добродѣтелию и готова скорѣе возмутить все-ленную, нежели признаешь въ своемъ заблужденіи. Чшобъ получить справедливое понятіе объ этой толпѣ законодательей, соединенныхъ духомъ раздора, надлежитъ прочесть вторую часть *потеряннаго рая*, гдѣ Англійскій Омеръ, сіюды хорошо знавшій духъ возмутителей, описываетъ ужасный Союзъ Сатаны. Въ семь Союзѣ каждый изъ мятежныхъ духовъ представляетъ страхъ или порокъ, является безобразнымъ или смѣшнымъ, предъ агаетъ совершить великое преступленіе или помышляетъ о причиненіи великаго бѣдствія. Нѣтъ злодѣнія, о которомъ не разсуждали бы въ Бонапартовомъ Снапѣ, нѣтъ бѣдствія, которымъ бы не угрожали Франціи: нѣтъ ни одной революціонной паршіи, ни одной постыдной спрасси, ни одного уродливаго мнѣнія, которыя не имѣли бы своей пружины, своего защитника или предсавителя. Пробѣгая списокъ особъ, составляющихъ оный, думаешь видѣть всѣ явленія ужаса, кровавые дни 10 Августа и 2 Сентября, убійства Вандеміера, изгнанія Фруктидора.

Но какая перемѣна произошла вдругъ въ этомъ собраніи! Каждый изъ его законовъ, ка-

здась, подобно молні, долженствовало поразишь всѣхъ Государей: оно было выше всякаго угрызенія совѣсти. А нынѣ спрашится оно само за себя, нынѣ чувствуешь собственную свою опасность; Сенаторы не думаютъ уже умирать за конспиріу, которую они клялись защищать, но хотятъ жить, чтобы сочинить новую. Подобно владѣнію своему, желаютъ бы они основать свое благополучіе на тридцати сраженіяхъ и оградить себя человѣческими костями: они съ безпокойствомъ спрашиваютъ, сколько останеся солдатъ, которые должны за нихъ умереть.

Присущствіе Бонапарта, которое прежде преисполняло ихъ радостию, нынѣ имъ въ шажорщѣ. Наполеонъ составилъ собраніе законодательное. Собраніе въ свою очередь избрало Наполеона; каждый опасается, или лучше сказать слыдится собственного, своего произведенія. Победа была первымъ условіемъ, которое новые законодатели предложили владѣнію Бонапарта; сей обожаемый ими Императоръ подобенъ идолу, у котораго дикіе испрашиваютъ всякаго рода благодѣнія, и при исполненіи желанія ихъ приносятъ ему жертвы, а въ противномъ случаѣ бьютъ его и бросаютъ въ грязь. Теперь Сенаторы увѣрены, что не можеть спастись помощію Бонапарта, и хочеть покинуть власть; на каждаго его не празднуютъ уже Наполеоновыхъ побѣдъ, всѣ шолкують о его ошибкахъ; онъ причиною гибельной войны; онъ уже не освободитель, а бичъ Отечества! Бонапарте съ своей стороны раскаиваешь въ томъ, что далъ объимъ Далахамъ власть судить его поспулки: онъ думаетъ, что не можеть спастись при соединеніи законодательныхъ и хочеть ихъ распустишь. Начинается борьба. Бонапарте бросаешь взоръ на ополченныхъ жителей предѣспій, даскаешь чернь и надѣешь одержать побѣду. Страхъ усугубляетъ силы законодательныхъ: Бонапарте въ другой разъ побаждемъ. Покинешь, обѣщавшій спастись Отечество, объявляешь

надежды, что онъ оставяетъ Государство; законодательи хладнокровно принимаютъ его посольство и только въ прощомолѣ заведенія своего не щадяшь восклицаній. Между тѣмъ намъ два или три фанатика называютъ отреченіе Императора дѣйствіемъ геройства, и приносятъ благодарность тому, кто потубилъ армию, другіе спрашиваютъ съ безпокойнымъ видомъ, отправился ли Бонапарте въ мѣсто своего изгнанія.

Побѣдоносный долгое время Наполеонъ, не могъ удержати въ рукахъ правленія: не могъ спасти Отечества. Ктожь доверитъ сіе великое дѣло? Кто вступитъ на престолъ для отраженія непріятелей? Бонапарте предлагаешь дѣла для поддержанія націи, дѣла, находящееся въ рукахъ нѣхъ державъ, которыхъ съ нами воюють. Законодатели, обравшіеся вокругъ Бонапарта, спановища вокругъ колыбели; они видяють кобѣжденнаго Государя на павшиаго, и думаютъ тѣмъ сдѣйствовать какъ своему благополучію, иная изъ благоденствію Франціи.

Мы не имѣемъ уже того Императора, который, предводительствуя арміями, заставлялъ шрепешать Европу; у насъ Императоръ, лишь только сплеченной отъ груди, который еще съ трудомъ выговариваетъ слово *Имперія* и командуешь словянскими и бумажными солдатами. Но какая до этого нужда? Онъ будетъ царствовати и можно еще восклицати: да здравствуетъ *Императоръ!* Вотъ уже царствованіе его началось: грозные законы его именемъ приводятся въ исполненіе; въ слабости и невинности возрастѣ сдѣлался онъ уже провожднымъ тираномъ; его именемъ стареются вѣжливо подавши распространяющіеся мѣны и служба, окованы свободу писанія и слова; его именемъ возобновляешся законъ о недоверительныхъ; граждане преслѣдуютъ, заключаютъ въ темницы; всѣхъ Французовъ посылають на смерть; революціонные законы, изгнанія, казни, новыя по-

опанованія будуть памятниками его царствованія и игрушками его дѣтства.

Между тѣмъ законодатели удивляются, что по отреченіи похищителя, непріятели не перестаютъ вести войну, и ищутъ сихъ законодателей представителями Бонапарта, а сами занимающія продолженіемъ его работы; въ нихъ все еще живетъ духъ Наполеона. Но Бонапарте еще не ужалъ; его присутствія страшатся болѣе нежели приближенія иностранныхъ армій.

Во всякое время тираны, самыя жестокіе, знали пагубную тайну нравиться черни и склонять ее къ своимъ предпріятіямъ. Монтеスキю замѣчаетъ, что Римская чернь (plebs) не ненавидѣла замыкъ Императоровъ. Калигула, Неронъ, Коммодъ, Каракала были оплакиваемы народомъ именно по тому, что предавались всякому бѣшенству, и съ испуганіемъ любили все, что нравилось черни; тиранство всегда бываетъ близко къ своевольству; мысль о самовластїи смѣшиваешь, въ умѣ черни, съ варварскими законами революціи.

Страшный духъ революціи, возмисившій Бонапарта до безпредѣльной власти, призваншій его обратно изъ его заточенія, вдругъ пробудился и вознамѣрился вмѣстѣ съ нимъ взойти на престоль. Наполеонъ былъ еще испуганомъ черни и Императоромъ предвѣстшій. Всѣ приверженцы тиранства, всѣ агенты ужаса пришли въ движеніе! Мирные граждане подвергаются угрозамъ, оскорбленіямъ; ужасъ распространяется по всемъ провинціямъ; всѣ города въ смятенїи. Единомышленники Бонапарта преслѣдуютъ мечемъ священниковъ и дворянъ, называя ихъ врагами народа; грозятъ умертвить всѣхъ владѣльцевъ, всѣхъ роялистовъ за дѣло похищенія, которое почитаютъ дѣломъ Олимпіи. Чернь столицы, превратившаяся въ революціонную армію, разсѣвается вокругъ дворцовъ и на площадяхъ, наполняетъ воздухъ восклицаніями: *да здравствуетъ Императоръ!* *приготов-*

алеть пламенники и угрожаетъ сжечь Парижъ для спасенія Имперіи.

Посреди всеобщаго безпорядка шрепещущіе законодательи не знали, приывать ли духъ революціи или духъ деспотизма; въ смѣшеніи свѣтъ они ихъ смѣшиваютъ и призываютъ обоимъ вѣдугъ; они попеременно провозглашаютъ мятежь, вольность, тиранство и своеволие. Нѣсколько благъ разумныхъ дѣлаютъ своимъ голоса; но умы всѣхъ въ такомъ волненіи, что языкъ разума почитаютъ глупостію и шуткою, которые на все отъшучиваются, чтобъ спасти Отечество, обвиняютъ въ изменѣ. Законодательи безъ полномочія, депушаты, которые признаваемы бы и только въ царствованіе похищителя, звѣсивающъ на своихъ вѣсахъ права и шила Государей! Они ищутъ повсюду правителя, которой могъ бы спасти Имперію, но не думаютъ о томъ, котораго вся нація желаетъ. Они готовы просить себя Государя у иностранцевъ; охотно приняли бы Монарха отъ народовъ варварскихъ; для нихъ все равно, лишь бы только онъ не былъ Государь законный, ибо правосудіе ихъ раздражаетъ; все, что любезно истиннымъ Французамъ, для нихъ отвращительно; законная власть имъ ужасна.

Непріятели со всѣхъ сторонъ приближаются; они овладѣли уже многими провинціями; чѣмъ занимающъ законодательи? Сочиняютъ конституцію! Знамена Англійскихъ и Прусскихъ войскъ показываются у самаго Парижа, берега Сены во власти непріятелей; что дѣлаютъ законодательи? Поправляютъ конституцію! Повсюду слышны пушечные выстрѣлы, Парижскія заставы сдѣлались позорищемъ войны, соседственныя деревни объаты пламенемъ, на площадяхъ раздается вопль раненыхъ и умирающихъ; что дѣлаютъ въ это время законодательи? Въ тишинѣ оканчиваютъ конституцію! Конституція кажется имъ единственнымъ средствомъ отъ всѣхъ бѣдъшій Отечества; они готовы идти на встрѣчу союзнымъ арміямъ съ конститу-

цією въ рукахъ, какъ во времена благочестія выносили прошивъ непріятеля кресты и мощи Святыхъ; они опираются пыльные архивы нашихъ предкии конституцій, ищутъ примѣровъ въ древности, соображаютъ законодательство войнъ новѣйшихъ народовъ; но никто не предлагаетъ возобновить хартию, дарованную намъ благодѣтельнымъ Кородемъ, которая можетъ прекратить всѣ наши несчастія; ето конституцію, которую она клямась защищать, въ которой прибѣгали прошивъ враговъ Короля и прошивъ Короля самаго. Они не смѣютъ возобновить того, что Бонапарте разрушилъ; все, что Бонапартому отвержено, не можетъ и у нихъ получить помилванія. Надлежитъ помилнуть Опеченію, естли законы, которые они сочинили во время покинителя, естли законы, которые они теперь еще сочиняютъ, не въ состояніи его спасти.

Но вѣръ приближенія дня свободы, возмущеніе увеличивается, Франція приходитъ въ большее смущеніе; договорщии скрепещущъ во злоби и отчаяніи. Они сожалѣютъ, что не разграбили городовъ, не взяли дворцовъ, не лишили богатыхъ имущества, не умерщвили королевствъ, не довершили начатыхъ преступленій. Въ сей отдаленной законодательницѣ, вдругъ не признаютъ болѣе законовъ; всѣ хотѣли управлять — нѣтъ болѣе правительства. Повсюду видны люди, которые другъ друга почитаютъ чужеземцами или непріятелями. Во всеобщемъ замѣшательствѣ благоразуміе почитается государственнымъ преступленіемъ, предубопрительность взаимною; названіе патриотизма дающъ башенству, ищентію. — Вездѣ слышны вопли и угрозы; по улицамъ возяшъ пушки; вездѣ сверкаютъ обнаженныя сабли и шпаги; соблазнительные Грабры пробѣгаютъ по рядамъ арміи и обещаютъ солдатамъ добычу гражданъ. Человѣчество не имѣетъ ни единой поддержки, столица не имѣетъ убѣжища. Тѣ, которые осмѣливаются произносить

слово *миръ*, предаются смерти; женщины въ домахъ своихъ прелещутъ, ежеминутно ожидая грабежа. Матери умираютъ съ мечали и шпража; ошцы семействъ запираются въ свои домакъ и ожидаютъ послѣдняго часа. Слѣдиде Франціи, памидинии искусства, хранилнца просвѣщенія — все гѣшове погубиушь подь ударами швѣжъ, копорыхъ называють нашими неприяше-анями и ошъ меча швѣжъ, копорые именууются защитниками нашими.

При семъ ужасномъ зрѣлищѣ приверженцы Бонаперна осмѣяются ли еще выхвалять намъ своего истукама? Вотъ послѣдніа бгедѣвнїа царствования кшциника, котораго величали освободинелемъ Франціи! Вотъ миръ, вольность, шастіе, копорыа намъ именуемъ его обѣщаді; вотъ плады шамѣны и заговора, удалиншхъ Лудовика XVIII, чшобъ предать націю мечу побѣдшелеа, чшоба поразитъ Королевство шшжмалами возмущштелей, пламенншнами фурїй, всѣми бѣдствїями войны!

Въ шо время, когда чернїй флагъ, знамя смерти, развѣвалася во Франціи, начальники мяшежа на каедрѣ законодательнаго сословїа шшарались заслужить голосъ непрерывающаго Французовъ, желашши видѣть Короля, копорїй могъ облегчить ихъ несчасїа; они предцѣлю Европою клеветали вѣрность нации, и шшарались поспѣшнш тысячу преградъ между народомъ и Монаршемъ. Ушвердивъ шшранскїе законы для охраненїа своей власш, они налагалі на Монаршю шшободныа постановленїа. Въ себе правленїе не шшрїали они шшрешваршчїа, но когда шшрвленїа ихъ надлежало пошчїнїа, ся они шшгошшовлшлось къ шшпротшшвенїю; они на будущее время шшзывали раздранїе и возмущенїе; съ важностїю занимались намѣренїемъ украсїть шшрещвѣшнюю шшкардею діадиму Св. Лудовїка, и шшарались напередъ шшовашь ошшчешкую власш Короля, дабы онъ не могъ упошребїшь воей своей силы, для зашрїшїа на-

рытой ими пропасти, для превращенія всѣхъ несчастій, ими нанесенныхъ.

Между тѣмъ чернь, по примѣру Бонапарта, съ шрепетомъ отрекается отъ своего революціоннаго самодержавія. Законодатели, щигр-славнѣ Наполеона, хотѣвъ удержать свою власть; но вскорѣ споры ихъ дѣлаются предметомъ всеобщаго смѣха: насильники унижаютъ власть, которая сперва распространяла ужасъ. Начинаетъ водворяться тишина, — знакъ, что Французскій Король возвратился въ свое Королевство; общая довѣренность, которая есть не что иное какъ надежда на лучшія времена, оживаетъ среди развалинъ и возвѣщаетъ намъ, что праводушіе восходитъ на престоль. Императорскій орелъ улетаетъ съ башни на башню; не слышно болѣе восклицаній: *вольность! Перестанутъ цуирать за свободу*; но всякъ чувствуетъ что онъ свободнѣ. Бонапарте удаляется въ уныніи, сопровождаемый немногими изъ своихъ единомышленниковъ; проклятія всего народа за нимъ слѣдуютъ; въ тоже время Лудовикъ Вождь клянный приближается къ столицѣ: онъ также возвращается съ поля сраженія, но не прежде его оставилъ какъ уврачевавъ раненыхъ; при его приближеніи умолкаетъ вопль смерти, означеннавшій приближеніе Бонапарта. Когда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы, приверженцы его изъявили свирѣпую радость, и спѣшили облобызать жершвенникъ Фурий: друзья Короля спѣшатъ во храмы — благодарить милосердаго Бога за спасеніе Франціи. Чтобъ изъяснить столько перемѣнъ, столько различныхъ положеній, надлежитъ вспомнить ученіе Манихеевъ. Сія секша, какъ извѣстно, признаетъ два начала, которыя управляютъ міромъ и распоряжаютъ нашею судьбою. Борьба добраго духа съ злымъ произвела Французскую революцію: ужасныя преступленія, бѣдствія междоусобной войны, несчастія войны иностранной, успѣхи Роеспьера, Бонапарта — вотъ торжествъ злаго духа. Нѣсколько разъ добрый

духъ готовъ былъ одержать верхъ; но страшный его противникъ всегда пребывалъ непоколебимымъ, распространялъ повсюду непослушаніе и мятежь, способствовалъ царствованію ядѣвъ и не оставлялъ своей пагубной власти. Когда Лудовикъ XVIII прибылъ въ первый разъ, добрый духъ также съ нимъ возвратился, водворилъ миръ, внушилъ всѣмъ челолюбивыя чувствованія; но эшотъ золотой вѣкъ недолго существовалъ: злой духъ не можетъ сносить зрѣлища добродѣтельнаго Короля, не можетъ шептѣть мирнаго и цвѣтущаго Королевства; онъ призываетъ обратно Бонапарта, ослѣпляетъ чернь, повергаетъ въ заблужденіе армию, и все приходитъ въ расстройство и разрушеніе; Франція сама изрыла пропасть, въ кошую готова была низринуться, а злой духъ, воссядъ на престолъ пожитишеля, обѣщавъ спасти разтерзанное и окровавленное Отечество отъ мщениа чужеземцевъ.

(Окончаніе впрѣдъ)

V.

С М Ъ С Ъ.

I.

Изъ разныхъ Журналовъ.

Въ Парижскомъ Журналь la Quotidienne напечатано ввалое прошеніе десяти Музь Союзнымъ Монархамъ, въ которомъ онѣ просятъ, чтобъ ихъ Парижскіе жрецы освобождены были отъ постоя Толпачей, Кроатовъ и гусарь. Говорятъ, что Нѣмецкіе жрецы Музь подали Монархамъ протестъ съ прозьбою оставить у Парижанъ Толпачей и Кроатовъ по крайней мѣрѣ въ теченіе такого же времени въ какое Французская сволочь, подъ командою Даву и

подобныхъ ему, перзала присутствіемъ своимъ Германію. Притомъ же Парижскіе жрецы Музъ могутъ долгое время содержать нощоальцевъ своихъ шіаи подарками, которые они получили отъ Бонапарта за шоржественныя свои оды и пьезы!

Т. А. С.

Извѣстна плачевная судьба 38 дѣвиць, уроженокъ города *Вердена*. Преступленіе ихъ состояло въ томъ, что онѣ въ 1792 году, при вступленіи Прусскихъ войскъ въ ихъ городъ, поднесли покойному Прусскому Королю цѣвшыя и конфекты. Всѣ онѣ приговорены были къ смерти и 36 дѣйствительно казнены. Двое, которымъ было отъ роду не болѣе 14 лѣтъ, просидѣли 6 часовъ у безчестнаго стола, и посажены на 20 лѣтъ въ шюрьму. Заключеніе ихъ продолжалось только 28 мѣсяцовъ; при перемѣнѣ обстоятельствъ онѣ были освобождены. Одна изъ нихъ прошлаго года, во время пребыванія Короля Прускаго въ Парижъ, писала къ нему. Вотъ отвѣтъ Его Величества:

„Письмо ваше отъ 13 Мая напомнило мнѣ одно изъ плачевнѣйшихъ происшествій революціи, которое происходило горестію сердце покойнаго моего родителя. Почитаю обязанностію изъявить жершвѣ, пережившей сіе ужасное время, знаки моего участія. Предоставляю себѣ прислать къ вамъ изъ Берлина украшеніе, которое покажетъ вамъ, какое участіе я принимаю въ судьбѣ вашей и несчастныхъ вашихъ подругъ. Гл. кв. Парижъ, 21 Мая 1814. *Фридрихъ Вильгельмъ.*“

„Присшествія, быстро сдѣдовавшія одно за другимъ, причиною что я не могъ ранѣе исполнить обещанія, даннаго мною вамъ, въ послѣднемъ письмѣ моемъ отъ 21 Мая 1814. Прошу васъ принять сію конфекціонную коробочку съ вензелемъ моимъ, въ воспоминаніе того участія, которое принимаю я въ несчастіи, претерпѣн-

номъ вами въ 1792 году. Парижъ 12 Августа 1815. *Фридрихъ Вильгельмъ*.”

Коробочка сія украшена была вензелемъ Короля, составленнымъ изъ 20 богатыхъ брильянзовъ.

Т. г. Г.

(Изъ *Journ. des Déb.*) Мы часто уже говорили о сестрѣ *Маревъ* *) , ибо нельзя наговориться о ея добродѣтели. Мы оскорбили бы ея скромность, если бы стали исчислять ея добрыя дѣла, хотя для сего спомало бы только описать празднества, данныя въ честь ея Французскими, Австрійскими, Венгерскими, Прусскими, Рускими, Польскими, Испанскими, Англійскими, Итальянскими, Швейцарскими и другихъ націй *пльнными*, въ ихъ іемницахъ. — Скажемъ только, что Король Французскій и Принцы его дома, умѣющіе цѣнить оказываемыя деловѣчеству услуги, осыпали ея милостіями, и Союзные Монархи изъявили ей свое уваженіе и признательность. Они удостоили опыската ея въ уединеніи, и почтили простоту ея сердца. — Извѣстно письмо, писанное въ ней *Княземъ Гарденбергомъ* отъ имени Короля Прускаго изъ Вѣны отъ 3 Февраля с. г. — Государь Императоръ Всероссійскій также изволилъ 12 Августа видѣть ее, разговаривалъ съ нею весьма милостиво, и на другой день прислалъ ей золотую медаль съ своимъ изображеніемъ.

О выходѣ Французовъ изъ *Гинингена* напечатано въ одной Швейцарской газетѣ слѣдующее: 16 Августа собрались назначенныя для занятія крѣпости войска нагласисъ и въ окрестностяхъ. Въ 8 часовъ Комендантъ *Барбансербъ*, Полковникъ *Шансель* и Цацъ - Маіоръ *Моренбъ*

*) Сестра *Маревъ* монахиня ордена сестръ милосердія. Этотъ орденъ одинъ уцѣлѣлъ во Франціи во время революціи.

первые вышли изъ крѣпости пѣшкомъ, безъ шляпъ, среди вѣвающихъ верьхами Австрійскихъ Офицеровъ, и съ покорностію приближидись въ Эрцгерцогу *Іоанну*. Шествіе ихъ пѣшкомъ среди всадниковъ было вьсма для нихъ унижительно. У *Барбанегра* и *Шанселя* головы были перевязаны: у перваго болишь глазъ, а послѣдній раненъ. Оба похожи были на ведомыхъ къ смерши преступниковъ. Черезъ нѣсколько минушь послѣ шого появился гарнизонъ. Аршиллеристы шли впереди, пошомъ таможеннаа команда, а наконецъ національная гвардіа въ рубищахъ. Они подожили оружіе вѣ крѣпости. По обезоруженіи ихъ, *Барбанегрѣ* и *Шансель* возвратились въ крѣпость, и началось вѣшествіе Союзниковъ. *Барбанегрѣ* съль съ однимъ офицеромъ въ карету, но не могъ выѣхать изъ ворошь, чрезъ которыа входили Австрійцы, долженъ былъ остановишься и около долучаса любопытныа его разглядывали. — Крѣпость *Гимингенѣ* будеть срыта. Работа сіа уже начата, къ великой радости Швейцаровъ.

О происшествіяхъ въ *Поатъе* пишушь слѣдующее: По прибытіи *Герцога Англемискаго* съ супругою въ сей городъ, находящійся въ тамошнемъ гарнизонѣ конный полкъ спояль подь ружьемъ въ два ряда, для ошданія чести Ихъ Высочества. Вдругъ, во время проѣзда ихъ, раздадся голосъ одного Бонанаршиста: *да здравствуетъ Императорѣ!* Вскорѣ весь полкъ повторилъ сіе любимое восклицаніе. Герцогъ, услышавъ это, выщель изъ кареты, позвалъ Полковника и всѣхъ Офицеровъ, разжаловалъ въ виду всею полка Полковника и эскадронныхъ командировъ, и назначилъ одного Роммиспра, которой былъ ему прежде шого извѣстенъ, временнымъ Командиромъ полка, съ обѣщаніемъ ошдать ему сей полкъ въ команду совершенно, еспльи онъ перемѣнитъ поведеніе. Солдаты, изумленныа сею рѣшишельностію, умоляли. Гер-

цогъ, възнамѣрившись провести ночь въ *Подтье*, просилъ нарядить къ нему караулъ изъ сего полка. Эскадронъ провожалъ его по ошъздѣ изъ сего города съ должнымъ почтениемъ — и никто болѣе не смѣлъ произносить оскорбительнаго восклицанія.

Т. д. Г.

Въ Берлинскихъ Вѣдомостяхъ напечатаны выписки изъ *защитенія Маршала Нея*, написаннаго Адвокатомъ *Беррьеролъ*. Маршалъ представленъ въ немъ самымъ невиннымъ человекомъ въ свѣтѣ! Любовь къ Отечеству и *излишество патриотизма* побудили его ко всему! Надѣмся, что военная Коммисія докажетъ господамъ Французамъ, къ чему ведетъ сія *излишняя любовь къ Отечеству!* —

2.

Характера Наполеона Бонапарте.

(Выписка изъ сочиненія Г. Прадша)

Наполеонъ сошелъ съ позорища свѣта. Онъ умеръ въ званіи Императора и Гражданина. Всякое открытіе касательно особы его позволено. Онъ принадлежитъ Исторіи, вступилъ въ область потомства и сдѣлался ея собственностію. Всѣ говорятъ о немъ, всѣ на него жалуются. Я принялъ на себя другое дѣло: я хочу *изяснить* его. Предпріятіе сіе не очень легко.

Наполеонъ былъ великъ духомъ, но на восточный манеръ. Онъ склонился къ величію житеелей востока, но въ противорѣчій съ самимъ собою и увлекаемый собственною своею тяжестію, упалъ изъ великаго въ малое. Онъ былъ всегда великъ въ первой мысли своей, всегда малъ и низокъ во второй. Кошелекъ его былъ подобенъ духу: онъ умѣлъ уголокъ щедрый и уголокъ скупой.

Геній его, сотворенный для обширнаго позорища вселенной и для шутовской комедіи,

подобенъ былъ Царской манши, выброшенной на одежду Арлекина. - Онъ жилъ въ крайностихъ, равнялъ Альпы, пролагалъ дорогу чрезъ Симплонъ, расширялъ и стѣснялъ границы Океана — и наконецъ сдался въ плѣнь Ангайскому кораблю.

Одаренный чудесною проницательностію, силою пламеннаго ума, имѣлъ онъ при каждомъ своемъ вопросѣ новыя мысли. Выраженія его были живы, обороты стихотворны; всѣ рчи его, и въ самой неправильности своей, имѣли важность. Въ языкѣ его всегда было нѣчто чуждое, слѣдственно необыкновенное. Онъ любилъ софизмы, искалъ шонкостей, часто бросался въ сторону, но во всѣхъ своихъ сужденіяхъ показывалъ качества хорошаго Математика. Заблужденія его были неисцѣлимы: онъ много обманывалъ, обманывалъ себя болѣе нежели другихъ. Къ истинѣ имѣлъ онъ видимое отвращеніе. Онъ отвергалъ ее не потому, чтобы она была истина, но потому, что почиталъ ее глупостию, и противорѣчащею тому, что онъ самъ почиталъ истиною. Обманъ въ немъ былъ сильнѣе коварства. Выраженія презрительныя и обидныя безпрестанно вертѣлись на языкѣ его. Онъ сочинилъ для себя правила оптики, кошорыя были вовсе противны обыкновеннымъ, т. е. онъ видѣлъ себя и другихъ въ совершенно иномъ, ложномъ свѣтѣ. Къ тому должно присовокупить еиміямъ лести, кошорый совершенно вскружилъ его голову, очаровательный кубокъ, изъ кошораго упивалось его тщеславіе — и тогда можно будешь изъяснить *несообразности* сего челоука, кошорый соединялъ въ себѣ самыя высокія и самыя низкія качества, предшаваяся на тронѣ величественнымъ, а въ повелѣніяхъ своихъ Божествомъ, но вскорѣ пошомъ упдалъ въ низость, и съ характеромъ разрушителя царствъ соединялъ качества подлаго шпіона, словомъ принялъ на себя ролю *Юпитера-палца*, кошорой до него никто еще не игралъ.

Наполеонъ былъ расстроенъ излишнимъ самолюбіемъ, высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ, ко-

шорое препятствовало ему рассчитывать, и заставляло думать, что спойшь только поведѣванъ для достиженія всего въ свѣтѣ. Оказываемое ему повиновеніе возбудило въ немъ мысль, что для него нѣтъ ничего невозможнаго. Я прилжно слѣдовалъ за нимъ въ семь разстройствъ ума его; и могъ бы въ точности опредѣлишь различныя его степени. Главною эпохою было Ваграмское сраженіе или впрочемъ бракъ его. Въ сіе время, кажется, расудокъ его ославилъ, или онъ, по видимому, бросилъ его, какъ орудіе вовсе бесполезное. Съ тѣхъ поръ предался онъ безумію или неограниченному сумасшествію, которое потрясло Францію и повергло ее въ бездну.

Б. В.

3.

Письмо къ Издателю.

Подъ заглавиемъ: *Освобожденіе К. Головинна*, въ 37 кн. вашего Журнала на стр. 164, напечатано мое имя. Покорно прошу васъ замѣтить въ слѣдующей книжкѣ, что эта статья есть не иное что какъ *выписка* изъ моихъ бумагъ, и что выписка сія сдѣлана не самимъ мною. Въ издаваемой особо книгѣ, о которой вы извѣстили уже своихъ Читателей, будетъ вся сія статья написана другимъ образомъ, болѣе приличнымъ важности дѣла; въ *Смыслъ же Ответства* помѣщается только для окончанія начатаго однажды описанія. Прошу васъ, по сей причинѣ перемѣнить остальную часть выписки такъ, чтобы въ ней говорено было обо мнѣ въ третьемъ лицѣ. Имѣю честь и пр.

Петръ Рихордъ.

14 Сент. 1814.

О Г Л А В Л Е Н І Я

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

XXXIII.

Литература, Науки, Художества.

- I. Лондонскіе театры 3.
II. Стихотворенія 26.
1. Надпись къ саду.
2. Любезной пушешественицѣ, А. П. Буниной.

Современная Исторія и Политика.

- III. О общественномъ духѣ во Франціи при
вспуленіи союзныхъ армій 29.
IV. Прогулка по полю бишвы прекраснаго
Союза 35.
V. Смѣсь 38.
1. Островъ Святыя Елены.
2. Адресъ Лондона Князю Блюхеру.

XXXIV.

Литература, Науки, Художества.

- I. Утро и вечеръ, проведенные въ Павловскѣ 41.
II. Стихотворенія 55.
1.) Е. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи
Феодоровнѣ.
2.) Зябликъ въ золотой кафшкѣ (басня.)
III. Современная Руская Библиографія 58.

Современная Исторія и Политика.

- IV. Послѣднія явленія Испанско-Французской
войны (Окончаніе) 56.
V. Размышленія Француза 69.
VI. Письмо изъ Парижа 73.
VII. Смѣсь 78.
Изъ разныхъ Журналовъ.

XXXV.

Литература, Науки, Художества.

- I. Освобождение Капитана Головнина изъ Японскаго плѣна 79.
II. Стихотворенія 91.
На вторичное вступленіе Союзныхъ ар- мій въ Парижъ.
III. Современная Руская Библиографія 95.

Современная Исторія и Политика.

- IV. Краткая біографія Фельдмаршала Князя Блюхера 95.
V. Письмо изъ Парижа (Окончаніе) 101.
VI. Сравненіе двухъ великихъ мужей 106.
VII. Смѣсь 111.
Изъ разныхъ Журналовъ.
VIII. Благошворенія 116.

XXXVI.

Литература, Науки, Художества.

- I. Письмо пятнадцатое въ Нижній-Нов- городъ 119.
III. Современная Руская Библиографія 199.

Современная Исторія и Политика.

- III. Исторія пятнадцати недѣль или послѣд- нее царствованіе Бонапарта 143.
IV. Оффиціальное предписаніе о заключеніи Бонапарта на островъ Св. Елены 152.
V. Смѣсь 157.
Изъ разныхъ Журналовъ.

XXXVII.

Литература, Науки, Художества.

- I. Освобожденіе Капитана Головнина изъ Японскаго плѣна (Продолженіе) 159.
II. Современная Руская Библиографія 176.

Современная Исторія и Политика.

- III. Исторія пятнадцати недѣль или послѣд-
нее царствованіе Бонапарта (Прод.) . . . 178.
IV. Письмо изъ Парижа : . . . 186.
V. Выписка изъ новой книги . . . 190.
VI. Смѣсь , . . . 197.
Анекдотъ,

XXXVIII.

Литература, Науки, Художества.

- I. Освобожденіе Капишана Головнина изъ
Японскаго плѣна (Продолженіе) . . . 199.
II. Сѣмимѣсячье на Невѣ . . . 210.
III. Современная Руская Библиографія . . . 219.

Современная Исторія и Политика.

- IV. Исторія пятнадцати недѣль или послѣд-
нее царствованіе Бонапарта (Продолж.) 220.
V. Смѣсь . . . 228.
1. Изъ разныхъ Журналовъ.
2. Характеръ Наполеона Бонапарте.
3. Письмо къ Издателью.

Къ сей части принадлежатъ прибавленія:
№ LXVII, LXVIII, LXIX, LXX, LXXI, LXXII,
LXXIII, LXXIV, LXXV, LXXVI и LXXVII и извѣ-
стіе къ Читателямъ № X.

